

КАЗАКИ ЗА КАМНЕМ

ИСТОРИКО-ИНФОРМАЦИОННЫЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 1 (7) январь-март 2017 года

Armée Russe - Cosaques de Sa Majesté - 1914

КАЗАКИ ЗА КАМНЕМ

№ 1 (7)

январь–март 2017 года

Историко-информацион-
ный краеведческий журнал

Издание группы казаков
Урала, Зауралья,
Западной и Восточной
Сибири и Дальнего Востока

Редакторы:

Александр Толкачёв
Владимир Крюков

Редколлегия:

Сергей Зинченко
Сергей Косяченко
Владимир Скидан
Владимир Иванов-Ардашев
и казаки России

Музыкальный редактор:

Валерий Федоренко

Вёрстка:

Артём Калинин

Корректор:

Ирина Киселёва

Электронный адрес редакции:

KazzaK1949@mail.ru

Почтовый адрес:

634 063, г. Томск, а/я 1980

**Мнения авторов
не всегда совпадают
с мнением редакции**

Журнал выходит
при поддержке
казацких спонсоров

На первой обложке:

Рисунок казака, 1914 год

На последней обложке:

Картина А. Толкачёва
«Эпилог романа»

В номере:

<i>Стихи</i>	
Николай Смирнов. «Завещание».....	4
<i>Слово редактора</i>	
Истина прежде всего.....	4
<i>Новости</i>	
Патриарх Кирилл назвал революцию 1917 года «великим преступлением».....	6
О новом составе Совета при Президенте РФ по делам казачества.....	6
<i>Исторические исследования</i>	
Вадим Кожин. «Правда сталинских репрессий».....	9
Лариса Кафтан. «Кто и зачем убил Григория Распутина?».....	19
Николай Стародымов. «Январь 1917 года».....	24
<i>Свидетельства очевидцев</i>	
Л. Пунин. «Телефонный кабель шёл от нас напрямик в немецкие окопы...».....	28
Б. Савинков. Отрывки из статей 1921 года.....	33
<i>О прошлом и грядущем</i>	
Переворот, а не революция. Депутаты хотят переписать учебники истории.....	35
<i>История геноцида</i>	
В. Иванов. «Как истребляли казачество».....	36
Из переписки писателя М. А. Шолохова с И. В. Сталиным.....	37
<i>Справка</i>	
Прототип Григория Мелехова Харлампий Васильевич Ермаков.....	39
<i>История казачества</i>	
К. Н. Хохульников. «Генерал, Атаман, писатель».....	40
<i>Открытое письмо атаману</i>	
Кто же Вы, казак или чиновник, гражданин Степанов?.....	42
<i>История казачества</i>	
А. Лебедев. «Не допустить закрытия Музея».....	46
<i>Женщины-казачки</i>	
Мария Смирнова.....	47
С. Глазина. Обращение к казакам.....	48
<i>Казачи сегодня</i>	
Казачий клуб «Спасатель».....	49
<i>Памятные события</i>	
Спасатели.....	51
<i>Политика</i>	
Вопрос к Совету по делам казачества при Президенте РФ.....	51
<i>Литературная страница</i>	
А. Толкачёв. «Сап».....	53
<i>История Гражданской войны</i>	
В. Воронов. «...И утонул на дно».....	67
<i>Страницы истории</i>	
Куда исчезли 100 тысяч пленных красноармейцев?.....	71
<i>История казачества</i>	
С. Зинченко. Особенности социального и национального состава сибирских казаков конца XVI – XVII в.....	74
<i>Дальневосточный гектар</i>	
Е. Рудакова. «Будущее нации – на Дальнем Востоке».....	82
В. Крюков. «Достучаться до разума, или опять о казачестве».....	84
А. Афанасенко. «Для тех, кто ещё не взял гектар».....	86
Статья М. Горького, не публиковавшаяся в СССР.....	89
<i>Детская страничка</i>	
А. Ишимова. «История России в рассказах для детей».....	99
<i>Памятные события</i>	
И. Кучменко. «Передать всё богатство нашего наследия новым поколениям – значит обеспечить продолжение традиций в будущих веках».....	101

Стихи

Завещание

Мы были ратники России,
В бой посылала нас страна-
На крестоносцев, на Батыя,
Под пушки у Бородина.

И без различия религий,
И без различья языков
Мы свои жизни не щадили
Для отражения врагов.

Мы мусульмане, христиане,
Братала кровью нас война.
Дворяне, казаки, крестьяне,
А Родина на всех одна.

Мы победили под Полтавой,
Под Сталинградом, под Москвой,
Не многих увенчали славой,
И не за славой шли мы в бой.

Мы гибли без вести в пустынях,
И океан стирал наш след,
В горах и джунглях за Россию
Прошли мы через сотни бед.

Нас предавали, били в спину
Из Петербурга и Кремля,
Но не сломили нашу силу,
Сильна российская земля.

На вас надеемся, живые,
На вас оставлена страна,
Да возвеличится Россия!
Да сгинут наши имена!

Николай Смирнов

«РУССКИЕ ЛЮДИ, ГДЕ БЫ ВЫ НИ БЫЛИ, ЛЮБИТЕ РОССИЮ НАСТОЯЩУЮ, ПРОШЛУЮ И БУДУЩУЮ И ВСЕГДА БУДЬТЕ ЕЯ ВЕРНЫМИ СЫНАМИ И ДОЧЕРЬМИ»

*Надпись на одной из неизвестных
могил на русском кладбище
Sainte Geneviève des bois
(Париж)*

Слово редактора

А. Толкачёв

Истина прежде всего

Просматривая сотни публикаций в интернете, я больше всего стараюсь обращать внимание на комментарии к статьям. В них отражается отношение населения пользователей мировой паутины к описываемым событиям. Их интеллект и образованность, их мораль и нравственность. И я каждый раз поражаюсь тому, как многие на вид вполне интеллигентные люди, порою даже пишущие грамотно, по-разному оценивают описываемые события. Насколько они не самокритичны к своим мыслям, но зато с каким

апломбом сообщают по прошествии лет свой категоричный приговор настоящим героям минувших столетий, даже не зная настоящей истории тех лет и тех дней, не говоря уже о часах. Мол, «я бы и мы бы» поступили так-то и так-то. Вот потому «исторические» люди и стали героями на века, что не рассуждали лёжа на диване, а делали то, что считали нужным и возможным для России именно в то время, а не сто лет спустя. Они не только побеждали в безвыходных ситуациях, но и делали роковые ошибки, за которые плати-

ли своими жизнями. И это был их осознанный выбор, за который их осуждать трудно.

Совсем недавно в интернете прочитал признание одной девушки: «Наблюдая за условно «белыми» и «красными» в сети, обратила внимание, что «красные» пишут о необходимости возвращения социализма (государство для людей, доступное жильё, бесплатные медицина и образование, стройки века и т. д.), а «белые» о необходимости признать большевиков преступниками и осудить СССР (платить и казнить). Выводы каждый может сделать сам».

Меня поразило это несомненно правильное наблюдение за многочисленными полемиками в интернете тем, что его автор чётко разделит полемизирующих по их конечным целям, хотя, по моему наблюдению, и «белые», и «красные» нынешнего разлива в большинстве своём, как знаменитый старик Хоттабыч, вышли из одного кувшина – из КПСС. И многим из них верить просто нельзя, потому что и те, и другие уже не однажды на наших глазах предавали нас. Достаточно вспомнить 1991, 1993, 1996 годы, чтобы не спорить с моим утверждением.

Меня всегда интересовала Гражданская война в России и всё, что с нею связано. Хотелось понять, как же так получилось, что много веков живущие в единой стране люди вдруг 100 лет назад стали врагами друг другу? **Почему пошёл брат на брата, отец на сына, сын на отца?**

«В российском медико-генетическом центре провели анализ генетических данных россиян, и выяснили, что у 83 % прошедших исследование людей есть как минимум один дальний родственник.»

Генетики взяли образцы ДНК у 1 848 человек в возрасте от 20 до 45 лет, проживающих в Москве, Санкт-Петербурге, Сочи, Краснодаре, Ростове-на-Дону, Владивостоке, Новосибирске, Симферополе, а также в Киеве... У всех добровольцев было найдено 1 299 родственных связей от пятого до десятого поколения, 549 относились к четвёртому поколению, 39 и 27 – к третьему и второму поколениям соответственно.

«Мы пришли к выводам, что в восьми случаях из десяти можно выявить генетические связи от первого до десятого поколения. Лично я нашёл двух родственников, о которых не знал ранее, и сейчас устанавливаю с ними контакт», – объяснил генеральный директор Genotek Валерий Ильинский».

83 % в стране кровные родственники! Почему же в XX веке нашими предками пролито так много родной крови? Откуда возникла в них такая озлобленность? И возможно ли это сейчас?

Оказалось, возможно. События в некоторых бывших «братских» странах доказали это.

Нынешние конфликты в соседних государствах, ранее входивших в состав СССР, во мно-

гом созвучны конфликтам интересов разных политических и экономических групп в 1917 году, объясняющим последующие события в нашей стране. Но всё же есть и разительные отличия. Вот о них-то и хотелось поразмышлять вместе с вами, наши читатели, призывая в «собеседники» участников тех давних событий, оставивших после себя воспоминания и дневниковые записи, и сделавших свои личные выводы о той войне и о тех революциях в начале XX века, приведших к распаду Великой Империи. Для чего это нужно? Некоторые историки говорят, что распадаются империи не в одночасье. Их агонии могут растягиваться на столетия и приводят реальные примеры из мировой истории. Значит, нам нужно очень внимательно изучать историю своей страны и прогнозировать своё будущее, отталкиваясь от ошибок политиков прошлого, чтобы будущие конфликты не были столь кровавыми, как Гражданская война в России в XX веке.

Не всем мемуарам можно верить, люди есть люди, и у каждого есть свои взгляды на всё, в том числе и на события, протекающие в его время. Тем более странным видится мне наличие в наших школах 41 (сорока одного!) учебника истории, по которым могут учиться наши дети и внуки. Если, как я уже сказал, у каждого человека свой взгляд на события, то и у каждого автора учебника одно и то же происшествие, военный конфликт, революция и пр. могут иметь только лично его взгляд, не совпадающий со взглядом его коллег.

А теперь представим себе, что собрались взрослые люди в количестве 40 человек, которые учили нашу российскую историю по разным учебникам разных авторов. И заспорили они, например, всё о том же событии – революциях 1917 года. Как вы думаете, они не подерутся в конце своего спора о причинах тех событий? Не устроят кровавый мордобой? Нет ли в этом желания некоторых господ наделить нас и наших потомков лживыми, разделяющими нас знаниями на наше прошлое?

Давно пора историкам сказать правду народу: что там происходило в начале XX века в России, и кто виноват, что так всё закончилось. И учить в школах по единому учебнику истории. Нет сорока учебников алгебры, нет сорока учебников русского языка, почему же есть 41 учебник истории в стране? Пора в этом вопросе ставить точку, иначе нового февраля нам не избежать.

Мне кажется, в год столетней даты переворота в Российской Империи (свержение царя) и возникшей после этого анархии, поглотившей десятки миллионов жителей России, нужно не особенно поддаваться эмоциям и попытаться грамотно рассматривать любое происходящее в стране событие с оглядкой на наше прошлое.

Патриарх Кирилл назвал революцию 1917 года «великим преступлением»

Патриарх Кирилл после богослужения в Храме Христа Спасителя назвал революцию 1917 года «великим преступлением» и призвал российский народ построить основанное на справедливости общество.

В 2017 году исполняется 100 лет революции в России. В февральско-мартовские дни 1917 года пало самодержавие, и власть оказалась в руках Временного правительства, а 25 октября 1917 года оно было свергнуто большевиками в Петрограде.

«Революция была великим преступлением. И те, кто обманывал народ, кто вводил его в заблуждение, кто провоцировал его на конфликты, преследовали совсем не те цели, которые они открыто декларировали. Была совсем другая повестка дня, о которой люди совсем даже не помышляли», – сказал патриарх.

По его словам, почти каждый, кто совершал революцию, «пал жертвой последующих репрессий». Чаще всего, как считает патриарх, революционеры были теми, «кто проливал невинную кровь, кто пытал и мучил». В столетнюю годовщину революции патриарх призвал не иг-

норировать осмысление тех событий и не допускать их повторения.

«Из этих грозных событий столетней давности мы должны вынести очень важное заключение: мы должны своей добродетелью искупить свои грехи и грехи наших предков. Мы должны построить общество доброе, справедливое, где должны изживать грех из своей личной и общественной жизни... Мы должны видеть скорбь другого человека», – заявил предстоятель Русской Православной Церкви.

Новости

О новом составе Совета при Президенте РФ по делам казачества

Распоряжением Президента Российской Федерации от 20 декабря 2016 г. № 414-рп утверждён новый состав Совета при Президенте РФ по делам казачества.

УТВЕРЖДЁН
распоряжением Президента
Российской Федерации
от 20 декабря 2016 г. № 414-рп

СОСТАВ

Совета при Президенте Российской Федерации по делам казачества

Беглов А. Д.	– полномочный представитель Президента Российской Федерации в Центральном федеральном округе (председатель Совета)
Рогозин Д. О.	– заместитель Председателя Правительства Российской Федерации (заместитель председателя Совета)
Хлопонин А. Г.	– заместитель Председателя Правительства Российской Федерации (заместитель председателя Совета)
Ярин А. В.	– начальник Управления Президента Российской Федерации по внутренней политике (ответственный секретарь Совета)
Албин И. Н.	– вице-губернатор Санкт-Петербурга (по согласованию)
Амирханов А. М.	– заместитель руководителя Росприроднадзора

Артамонов П. П.	– атаман Енисейского войскового казачьего общества
Бабкина Н. Г.	– народная артистка Российской Федерации (по согласованию)
Баженов О. В.	– заместитель министра Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий
Баринов И. В.	– руководитель ФАДН России
Бастрыкин А. И.	– председатель Следственного комитета Российской Федерации
Берг Ю. А.	– губернатор Оренбургской области (по согласованию)
Бондарев С. Б.	– заместитель губернатора Ростовской области (по согласованию)
Буксман А. Э.	– первый заместитель генерального прокурора Российской Федерации (по согласованию)
Бутин А.В.	– заместитель полномочного представителя Президента Российской Федерации в Сибирском федеральном округе
Васильева О. Ю.	– министр образования и науки Российской Федерации
Васнецов О. В.	– директор департамента по связям с субъектами Федерации, парламентом и общественными объединениями МИД России
Ведерников М. Ю.	– заместитель полномочного представителя Президента Российской Федерации в Северо-Кавказском федеральном округе
Вилинбахов Г. В.	– председатель Геральдического совета при Президенте Российской Федерации – государственный герольдмейстер
Воробьев А. Ю.	– губернатор Московской области (по согласованию)
Герасимов В. В.	– начальник Генерального штаба Вооружённых Сил Российской Федерации – первый заместитель министра обороны Российской Федерации
Голубев В. Ю.	– губернатор Ростовской области (по согласованию)
Гончаров В. Г.	– атаман войскового казачьего общества «Всеволикое войско Донское»
Горбенко А. Н.	– заместитель мэра Москвы в Правительстве Москвы по вопросам региональной безопасности и информационной политики (по согласованию)
Гордеев А. В.	– губернатор Воронежской области (по согласованию)
Горовой А. В.	– первый заместитель министра внутренних дел Российской Федерации
Гребенюк В. И.	– заместитель председателя Общероссийской общественной организации ветеранов «Российский союз ветеранов» (по согласованию)
Долуда Н. А.	– представитель Кубанского войскового казачьего общества
Дюмин А. Г.	– губернатор Тульской области (по согласованию)
Журавлёв А. Н.	– заместитель полномочного представителя Президента Российской Федерации в Центральном федеральном округе
Журавский А. В.	– заместитель министра культуры Российской Федерации
Журавский А.В.	– атаман Терского войскового казачьего общества
Задорожный П. Ф.	– верховный атаман Общероссийской общественной организации «Союз казаков» (по согласованию)
Затулин К. Ф.	– первый заместитель председателя Комитета Государственной Думы по делам Содружества Независимых Государств, евразийской интеграции и связям с соотечественниками (по согласованию)
Зязиков М. М.	– заместитель полномочного представителя Президента Российской Федерации в Центральном федеральном округе
Иванов Ю. Е.	– атаман Волжского войскового казачьего общества
Иванова В. Н.	– ректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный университет технологий и управления имени К. Г. Разумовского (Первый казачий университет)»
Кирилл (Покровский Л. Н.)	– митрополит Ставропольский и Невинномысский (по согласованию)
Кириллов Б. А.	– заместитель полномочного представителя Президента Российской Федерации в Уральском федеральном округе
Козик Н. Л.	– заместитель руководителя Службы – руководитель департамента пограничной охраны Пограничной службы ФСБ России
Колмаков А. П.	– председатель Общероссийской общественно-государственной организации «Добровольное общество содействия армии, авиации и флоту России» (по согласованию)
Королёв П. Э.	– заместитель министра экономического развития Российской Федерации

Куйвашев Е. В.	– губернатор Свердловской области (по согласованию)
Кульба А. В.	– заместитель начальника Контрольного управления Президента Российской Федерации
Лебедев И. В.	– заместитель министра сельского хозяйства Российской Федерации
Иванова В. Н.	– ректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный университет технологий и управления имени К. Г. Разумовского (Первый казачий университет)»
Лебедев С. А.	– заместитель директора Росгвардии – главнокомандующего войсками национальной гвардии Российской Федерации
Мельниченко О. В.	– заместитель полномочного представителя Президента Российской Федерации в Приволжском федеральном округе
Миронов И. К.	– атаман войскового казачьего общества «Центральное казачье войско»
Мотовилов А. В.	– заместитель полномочного представителя Президента Российской Федерации в Дальневосточном федеральном округе
Назаров В. И.	– губернатор Омской области (по согласованию)
Олейников Ю. П.	– заместитель председателя Комитета Государственной Думы по финансовому рынку (по согласованию)
Орлова С. Ю.	– губернатор Владимирской области (по согласованию)
Осипов В. Б.	– начальник Управления Президента Российской Федерации по государственным наградам
Панфилов А. В.	– заместитель руководителя Рослесхоза
Привалов Г. Н.	– атаман Сибирского войскового казачьего общества
Рогожкин Н. Е.	– председатель Московской городской организации общественно-государственного объединения «Всероссийское физкультурно-спортивное общество «Динамо» (по согласованию)
Романов В. И.	– атаман Оренбургского войскового казачьего общества
Сафронов А. А.	– заместитель полномочного представителя Президента Российской Федерации в Южном федеральном округе
Седов А. С.	– руководитель службы ФСБ России
Слуцкий Л. Э.	– председатель Комитета Государственной Думы по международным делам (по согласованию)
Совершаева Л. П.	– заместитель полномочного представителя Президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе
Тарасов О. А.	– референт Государственно-правового управления Президента Российской Федерации
Тонкошкуров В. П.	– начальник Главного организационно-мобилизационного управления Генерального штаба Вооружённых Сил Российской Федерации – заместитель начальника Генерального штаба Вооружённых Сил Российской Федерации
Рогожкин Н. Е.	– председатель Московской городской организации общественно-государственного объединения «Всероссийское физкультурно-спортивное общество «Динамо» (по согласованию)
Травников М. А.	– заместитель министра юстиции Российской Федерации
Тринога М. И.	– заместитель руководителя Аппарата Правительства Российской Федерации – руководитель Секретариата Председателя Правительства Российской Федерации
Фёдоров А. Ю.	– начальник Управления Президента Российской Федерации по вопросам государственной службы и кадров
Фёдоров Н. В.	– первый заместитель Председателя Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации (по согласованию)
Хазин А. Л.	– заведующий кафедрой факультета государственного управления федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова» (по согласованию)
Чувакин С. А.	– заместитель начальника Главного организационно-мобилизационного управления Генерального штаба Вооружённых Сил Российской Федерации
Чупин Г. П.	– атаман Забайкальского войскового казачьего общества
Шахов Н. И.	– представитель Иркутского войскового казачьего общества
Травников М. А.	– заместитель министра юстиции Российской Федерации
Шестаков В. Б.	– президент Международной федерации самбо (по согласованию)

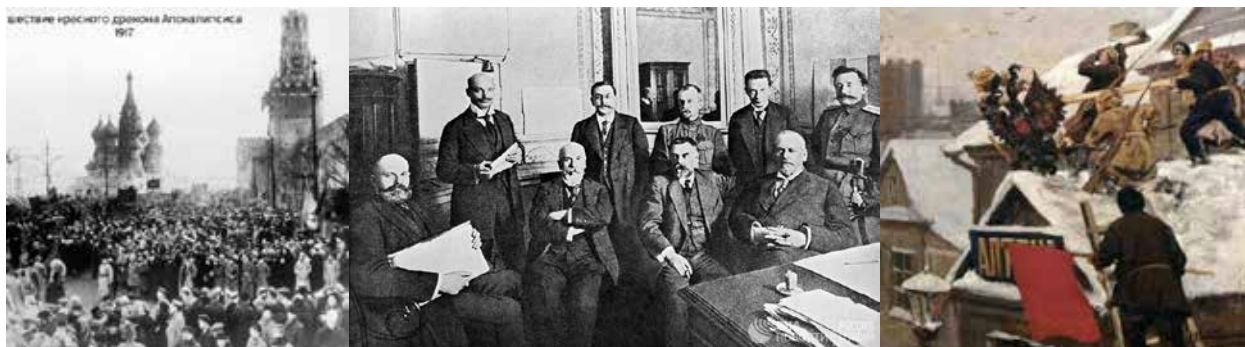
Правда сталинских репрессий

Мы начинаем печатать выдержки из книги Вадима Кожина «Правда сталинских репрессий».

Серия книг «Библиотека дальневосточного казачества».

*Идут года, идёт за веком – век,
То небо хмурится, а то оно синее.
Умнеет с каждым годом человек,
Но почему же человечество глупеет?!*

Расул Гамзатов

От редакции издательства

Когда говорят о сталинских репрессиях, то рассуждают обычно о том, кто больше в них пострадал: старая партийная гвардия и «дети Арбата», либо «бывшие» офицеры, – дворянство, священство и простые русские мужики. Спорят и о том, кто виноват в репрессиях, был ли осведомлен о них Сталин, и если да, то насколько.

Но мало кто спросит: за что? За что Бич Божий в лице Сталина опустил на плечи покорённых ему народов?

Скоро минует сто лет с того чёрного дня, когда рухнула в небытие Российская империя. Но до сих пор одни вполне серьёзно считают, что барон Врангель, адмирал Колчак и генерал Деникин готовили «нам царский трон» – реставрацию самодержавия в России с поголовной поркой трудового элемента.

А другие так же серьёзно считают, что у красных комиссаров в пыльных шлемах всем заправляли иудеомасоны никак не ниже 31 градуса посвящения, с которыми самоотверженно боролась Белая гвардия.

Вадим Кожин разочарует и тех, и других, но порадует любителей исторической правды. Он убедительно показал, что белые не были монархистами, а красным, мягко выражаясь, был безразличен «трудовой народ». И тех, и других вели за

собой интересы, далёкие от подлинных интересов Российского государства и русского народа.

Такие деятели Белого движения, как генералы Алексеев и Рузский, являлись не только участниками заговора против Монарха, но и высокопоставленными масонами. Их единомышленниками были Деникин, Корнилов, Колчак. Корнилов лично арестовал Императрицу и детей Государя.

Командующий Донской армией генерал Денисов свидетельствует: «На знамёнах Белой идеи было начертано: «к Учредительному Собранию», то есть то же самое, что значилось и на знамёнах Февральской революции...». А генерал Деникин готов был «благословить» любое жестокое насилие (над русским народом), если оно завершится установлением в России власти парламента.

Если в Белом движении главной составляющей политического руководства были масоны, то на красной стороне такую же роль играли иудеи. Достаточно взглянуть на списочный состав советского правительства в первые годы после революции, чтобы в этом убедиться. Разрушительная роль этих людей для России и русского народа сопоставима разве что с атомной бомбардировкой.

«Таким образом, борьба Красной и Белой армий вовсе не была борьбой между «новой» и «старой» властями, это была борьба двух «но-

вых» властей – Февральской и Октябрьской», – пишет Кожин. Наглядным подтверждением этого уродливого симбиоза был капитан Зиновий Пешков, главный советник генерала Жанена, французского представителя при адмирале Колчаке, и, по совместительству, масон и младший брат Якова Свердлова, непосредственно замешанного в убийстве Императора Николая II и его семьи.

Но кроме белых и красных в этой трагедии есть ещё одно действующее лицо – русский народ в самом широком смысле этого слова.

Да. Вины все. Нельзя без жуткого содрогания читать, как из зала заседаний Священного Синода сразу после отречения Императора выносят Его портрет и ставят в коридоре вверх ногами. Ведь кто-то да должен был за это ответить. Ответил весь русский народ, белые и красные, зелёные и нейтральные. Ответил так, что мало никому не показалось. Ответил за отступление от Бога и Царя, за нарушение присяги, за смерть невинных детей в кровавом подвале Ипатьевского дома, за плевки в лицо своей Родине.

То, что платить по счетам предстоит, самые прозорливые поняли сразу. Один из руководителей черносотенного движения, Б. В. Никольский, писал: «Царствовавшая династия кончилась... Та монархия, к которой мы летим, должна быть цезаризмом...». Не прошло и десяти лет, как предсказанный им Бонапарт Русской революции явился грозным мстителем всем разрушителям исторической России.

Можно сколь угодно долго спорить о роли Сталина в истории, но, прочитав книгу В. Кожина, уже не усомнишься в правде сталинских репрессий. Суд Божий иногда вершится странным путём.

Глава 1. Что же в действительности произошло в 1917 году?

На этот вопрос за восемьдесят лет были даны самые различные, даже прямо противоположные ответы, и сегодня они более или менее знакомы внимательным читателям. Но остаётся почти неизвестной либо преподносится в крайне искажённом виде точка зрения черносотенцев, их ответ на этот нелёгкий вопрос.

Черносотенцы, не ослеплённые иллюзорной идеей прогресса, задолго до 1917 года ясно предвидели действительные плоды победы Революции, далеко превосходя в этом отношении каких-либо иных идеологов (так, член Главного совета Союза русского народа П. Ф. Булацель провидчески – хотя и тщетно – взывал в 1916 году к либералам: «Вы готовите могилу себе и миллионам ни в чём не повинных граждан»). Естественно предположить, что и непосредственно в 1917-м, и в последующих годах «черносотенцы» глубже и яснее, чем кто-либо, понимали происходящее, и потому их суждения имеют первостепенное значение.

Начать уместно с того, что сегодня явно господствует мнение о большевистском перевороте 25 октября (7 ноября) 1917 года как о роковом акте уничтожения Русского государства, который в свою очередь привёл к многообразным тяжелейшим последствиям начиная с распада страны. Но это заведомая неправда, хотя о ней вещали и вещают многие влиятельные идеологи. Гибель Русского государства стала необратимым фактом уже 2 (15) марта 1917 года, когда был опубликован так называемый «приказ № 1». Он исходил от Центрального исполнительного комитета (ЦИК) Петроградского – по существу Всероссийского – Совета рабочих и солдатских депутатов, где большевики до сентября 1917 года ни в коей мере не играли руководящей роли; непосредственным составителем «приказа» был секретарь ЦИК, знаменитый тогда адвокат Н. Д. Соколов (1870–1928), сделавший ещё в 1900-х годах блистательную карьеру на многочисленных политических процессах, где он главным образом защищал всяческих террористов. Соколов выступал как «внефракционный социал-демократ».

«Приказ № 1», обращённый к армии, требовал, в частности, «немедленно выбрать комитеты из выборных представителей (торопливое составление текста привело к назойливому повтору: «выбрать... из выборных». – В. К.) от нижних чинов... Всякого рода оружие... должно находиться в распоряжении... комитетов и ни в коем случае не выдаваться офицерам... Солдаты НИ в чём не могут быть умалены в тех правах, коими пользуются все граждане...» и т. д.

Марков Н.Е.

Пуришкевич Вл. М.

Генерал Крымов А.М.

Н.В. Рузский

Л. Г. Корнилов

А. И. Деникин

А.А. Брусилов

А.М. Каледин

Если вдуматься в эти категорические фразы, станет ясно, что дело шло о полнейшем уничтожении созданной в течение столетий армии – станového хребта государства; одно уже демагогическое положение о том, что «свобода» солдата не может быть ограничена «ни в чём», означало ликвидацию самого института армии. Не следует забывать к тому же, что «приказ» отдавался в условиях грандиозной мировой войны, и под ружьём в России было около одиннадцати миллионов человек; кстати, последний военный министр Временного правительства А. И. Верховский свидетельствовал, что «приказ № 1» был отпечатан «в девяти миллионах экземпляров»!

Для лучшего понимания ситуации следует обрисовать обстоятельства появления «приказа». 2 марта Соколов явился с его текстом – который уже был опубликован в утреннем выпуске «Известий Петроградского Совета» – перед только что образованным Временным правительством. Один из его членов, В. Н. Львов, рассказал об этом в своём мемуаре, опубликованном вскоре же, в 1918 году: «...быстрыми шагами к нашему столу подходит Н. Д. Соколов и просит нас познакомиться с содержанием принесённой им бумаги... Это был знаменитый приказ номер первый... После его прочтения Гучков (военный министр. – В. К.) немедленно заявил, что приказ... немислим, и вышел из комнаты, Милюков (министр иностранных дел. – В. К.) стал убеждать Соколова в совершенной невозможности опубликования этого приказа (он не знал, что газету с его текстом уже начали распространять. – В. К.)... Наконец и Милюков в изнеможении

встал и отошёл от стола... я (то есть В. Н. Львов, обер-прокурор Синода. – В. К.) вскочил со стула и со свойственной мне горячностью закричал Соколову, что эта бумага, принесённая им, есть преступление перед родиной... Керенский (тогда – министр юстиции, с 5 мая – военный министр, а с 8 июля – глава правительства. – В. К.) подбежал ко мне и закричал: «Владимир Николаевич, молчите, молчите!», затем схватил Соколова за руку, увёл его быстро в другую комнату и запер за собой дверь...».

А став 5 мая военным министром, Керенский всего через четыре дня издал свой «Приказ по армии и флоту», очень близкий по содержанию к Соколовскому; его стали называть «декларацией прав солдата». Впоследствии генерал А. И. Деникин писал, что «эта «декларация прав»... окончательно подорвала все устои армии». Впрочем, ещё 16 июля 1917 года, выступая в присутствии Керенского (тогда уже премьера), Деникин не без дерзости заявил: «Когда повторяют на каждом шагу (это, кстати, характерно и для наших дней. – В. К.), что причиной развала армии послужили большевики, я протестую. Это неверно. Армию развалили другие...» Не считая, по-видимому, «тактическим» прямо назвать имена виновников, генерал сказал далее: «Развалило армию военное законодательство последних месяцев» (цит. изд., с. 114); присутствующие ясно понимали, что «военными законодателями» были Соколов и сам Керенский (кстати, в литературе есть неправильные сведения, что Деникин будто бы всё же назвал тогда имя Керенского).

Расстрел августовской демонстрации

Защитники Кремля

Обстрел Кремля «красногвардейцами»

Но нельзя не сказать, что «прозрение» Деникина фатально запоздало. Ведь согласился же он 5 апреля (то есть через месяц с лишним после опубликования приказа № 1) стать начальником штаба Верховного главнокомандующего, а 31 мая (то есть вслед за появлением «декларации прав солдата») – главнокомандующим Западным фронтом. Лишь 27 августа генерал порвал с Керенским, но армии к тому времени уже, в сущности, не было...

Необходимо взглянуть в фигуру Соколова. Ныне о нём знают немногие. Характерно, что в изданном в 1993 году биографическом словаре «Политические деятели России. 1917» статьи о Соколове нет, хотя там представлено более 300 лиц, сыгравших ту или иную роль в 1917 году (большинство из них с этой точки зрения значительно уступают Соколову). Впрочем, и в 1917 году его властное воздействие на ход событий казалось не вполне объяснимым. Так, автор созданного по горячим следам и наиболее подробного рассказа о 1917 годе (и сам активнейший деятель того времени) Н. Н. Суханов-Гиммер явно удивлялся, как он писал, «езде бывавшему и всё знающему Н. Д. Соколову, одному из главных работников первого периода революции». Лишь гораздо позднее стало известно, что Соколов, как и Керенский, был одним из руководителей российского масонства тех лет, членом его немногочисленного «Верховного совета» (Суханов, кстати сказать, тоже принадлежал к масонству, но занимал в нём гораздо более низкую ступень). Нельзя не отметить также, что Соколов в своё время положил начало политической карьере Керенского (тот был одиннадцатью годами моложе), устроив ему в 1906 году приглашение на громкий процесс над прибалтийскими террористами, после которого этот тогда безвестный адвокат в одночасье стал знаменитостью.

Выдвигая «приказ № 1», Соколов, разумеется, не предвидел, что его детище менее чем через четыре месяца в буквальном смысле ударит по его собственной голове. В июне Соколов возглавил делегацию ЦИК па фронт. «В ответ на убеждение не нарушать дисциплины солда-

ты набросились па делегацию и зверски избили её», – рассказывал тот же Суханов; Соколова отправили в больницу, где он «лежал... не приходя в сознание несколько дней... Долго, долго, месяца три после этого он носил белую повязку-«чалму» на голове» (там же, т. 2, с. 309).

Между прочим, на это событие откликнулся поэт Александр Блок. 29 мая он встречался с Соколовым и написал о нём: «...остервенелый Н. Д. Соколов, по слухам, автор приказа № 1», а 24 июня – пожалуй, не без иронии – отметил: «В газетах: «тёмные солдаты» побили Н. Д. Соколова» (там же, т. 7, с. 269). Позже, 23 июля, Блок делает запись о допросе в «Чрезвычайной следственной комиссии» при Временном правительстве виднейшего черносотенца Н. Е. Маркова: «Против Маркова... сидит Соколов с завязанной головой... лает вопросы... Марков очень злится...».

Соколов, как мы видим, был необычайно энергичен, а круг его деятельности – исключительно широк. И таких людей в российском масонстве того времени было достаточно много. Вообще, говоря о Февральском перевороте и дальнейшем ходе событий, никак невозможно обойтись без «масонской темы». Эта тема особенно важна потому, что о масонстве ещё до 1917 года немало писали и говорили черносотенцы; в этом, как и во многом другом, выразилось их превосходство над любыми тогдашними идеологами, которые «не замечали» никаких признаков существования масонства в России или даже решительно оспаривали суждения на этот счёт черносотенцев, более того – высмеивали их.

Только значительно позднее, уже в эмиграции, стали появляться материалы о российском масонстве – скупые признания его деятелей и наблюдения близко стоявших к ним лиц; впоследствии, в 1960–1980 годах, на их основе был написан ряд работ эмигрантских и зарубежных историков. В СССР эта тема до 1970-х годов, в сущности, не изучалась (хотя ещё в 1930 году были опубликованы весьма многозначительные – пусть и предельно лаконичные – высказывания хорошо информированного В. Д. Бонч-Бруевича).

Рассказать об изучении российского масонства XX века необходимо, между прочим, и потому, что многие сегодня знают о нём, но знания эти обычно крайне расплывчаты или просто ложны, представляя собой смесь вырванных из общей картины фактов и досужих вымыслов.

А между тем за последние два десятилетия это масонство изучалось достаточно успешно и вполне объективно.

Первой работой, в которой был всерьёз поставлен вопрос об этом масонстве, явилась книга П. Н. Яковлева «1 августа 1914», изданная в 1974 году. В ней, в частности, цитировалось признание видного масона, кадетского депутата Думы, а затем комиссара Временного правительства в Одессе Л. А. Велихова: «В 4-й Государственной думе (избрана в 1912 году. – У. К.) я вступил в так называемое масонское объединение, куда входили представители от левых прогрессистов (Ефремов), левых кадетов (Некрасов, Волков, Степанов), трудовиков (Керенский), с.-д. меньшевиков (Чхеидзе, Скобелев) и которое ставило своей целью блок всех оппозиционных партий Думы для свержения самодержавия» (указ. изд., с. 234).

И к настоящему времени неопровержимо доказано, что российское масонство XX века, начавшее свою историю ещё в 1906 году, явилось решающей силой Февраля прежде всего именно потому, что в нём слились воедино влиятельные деятели различных партий и движений, выступавших на политической сцене более или менее разрозненно. Скреплённые клятвой перед своим и одновременно высокоразвитым западноевропейским масонством (о чём ещё пойдёт речь), эти очень разные, подчас, казалось бы, совершенно несовместимые деятели – от октябристов до меньшевиков – стали дисциплинированно и целеустремлённо осуществлять единую задачу. В результате был создан своего рода мощный кулак, разрушивший государство и армию.

Наиболее плодотворно исследовал российское масонство XX века историк В. И. Старцев, который вместе с тем является одним из лучших исследователей событий 1917 года в целом. В ряде его работ, первая из которых вышла в свет в 1978 году, аргументированно раскрыта истинная роль масонства. Содержательны и страницы, посвящённые российскому масонству XX века в книге Л. П. Замойского (см. библиографию в примечаниях).

Позднее, в 1986 году, в Нью-Йорке была издана книга эмигрантки Н. Н. Берберовой «Люди и ложи. Русские масоны XX столетия», опиравшаяся, в частности, и на исследования В. И. Старцева (Н. Н. Берберова сама сказала об этом на 265–266 стр. своей книги – не называя, правда, имени В. И. Старцева, чтобы не «компрометировать» его). С другой стороны, в этой книге широко исполь-

зованы, в сущности, недоступные тогда русским историкам западные архивы и различные материалы эмигрантов. Но надо прямо сказать, что многие положения книги Н. Н. Берберовой основаны на не имеющих действительной достоверности записках и слухах, и вполне надёжные сведения перемешаны с по меньшей мере сомнительными (о некоторых из них ещё будет сказано).

Работы В. И. Старцева, как и книга Н. Н. Яковлева, с самого момента их появления и вплоть до последнего времени подвергались очень резким нападкам; историков обвиняли главным образом в том, что они воскрешают черносотенный миф о масонах (особенно усердствовал «академик И. И. Минц»). Между тем историки с непреложными фактами в руках доказали (вольно или невольно), что «черносотенцы» были безусловно правы, говоря о существовании деятельнейшего масонства в России и об его огромном влиянии на события, хотя при всём при том В. И. Старцев – и вполне понятно, почему он это делал, – не раз «отмежёвывался» от проклятых черносотенцев.

Нельзя, правда, не оговорить, что в черносотенных сочинениях о масонстве очень много неверных и даже фантастических моментов. Однако ведь в те времена масоны были самым тщательным образом законспирированы; российская политическая полиция, которой ещё П. А. Столыпин дал указание расследовать деятельность масонства, не смогла добыть о нём никаких существенных сведений. Поэтому странно было бы ожидать от черносотенцев точной и непротиворечивой информации о масонах. По-настоящему значителен уже сам по себе тот факт, что «черносотенцы» осознавали присутствие и мощное влияние масонства в России.

Решающая его роль в Феврале обнаружилась со всей очевидностью, когда – уже в наше время – было точно выяснено, что из 11 членов Временного правительства первого состава 9 (кроме Л. И. Гучкова и П. Н. Милюкова) были масонами. В общей же сложности на постах министров побывало за почти восемь месяцев существования Временного правительства 29 человек, и 23 из них принадлежали к масонству!

Ничуть не менее важен и тот факт, что в тогдашней «второй власти» – ЦИК Петроградского Совета – масонами являлись все три члена президиума: А. Ф. Керенский, М. И. Скобелев и Н. С. Чхеидзе – и два из четверых членов Секретариата: К. А. Гвоздев и уже известный нам Н. Д. Соколов (двое других секретарей Совета – К. С. Гриневич-Шехтер и Г. Г. Панков – не играли первостепенной роли). Поэтому так называемое двоевластие после Февраля было весьма относительным, в сущности, даже показным: и в правительстве, и в Совете заправляли люди «одной команды»...

Представляет особенный интерес тот факт, что трое из шести членов Временного правительства, которые не принадлежали к масонству (во всяком случае, нет бесспорных сведений о такой принадлежности), являлись наиболее общепризнанными, «главными» лидерами своих партий: это Л. И. Гучков (октябрист), П. Н. Милюков (кадет) и В. М. Чернов (эсер). Не был масоном и «главный» лидер меньшевиков Л. Мартов (Ю. О. Цедербаум). Между тем целый ряд других влиятельнейших – хотя и не самых популярных – лидеров этих партий занимал высокое положение и в масонстве, – например, октябрист С. И. Шидловский, кадет В. А. Маклаков, эсер Н. Д. Авксентьев, меньшевик Н. С. Чхеидзе (и, конечно, многие другие).

Это объясняется, на мой взгляд, тем, что такие находившиеся ещё до 1917 года под самым пристальным вниманием общества и правительства лица, как Гучков или Милюков, легко могли быть разоблачены, и их не ввели в масонские «кадры» (правда, некоторые авторы объясняют их непричастность к масонству тем, что тот же Милюков, например, не хотел подчиняться масонской дисциплине). Н. Н. Берберова пыталась доказать, что Гучков всё же принадлежал к масонству, но её доводы недостаточно убедительны. Однако вместе с тем В. И. Старцев совершенно справедливо говорит, что Гучков «был окружён масонами со всех сторон» и что, в частности, заговор против царя, подготовлявшийся с 1915 года, осуществляла «группа Гучкова, в которую входили виднейшие и влиятельнейшие руководители российского политического масонства Терещенко и Некрасов... и заговор этот был все-таки масонским» («Вопросы истории 2, 1989, № 6, с. 44).

Подводя итог, скажу об особой роли Керенского и Соколова, как я её понимаю. И для того, и для другого принадлежность к масонству была гораздо важнее, чем членство в каких-либо партиях. Так, Керенский в 1917 году вдруг перешёл из партии «трудовиков» в эсеры, Соколов же, как уже сказано, представлялся «внефракционным» социал-демократом, а во-вторых, для Керенского, сосредоточившего свою деятельность во Временном правительстве, Соколов был, по-видимому, главным сподвижником во «второй» власти – Совете. Многие говорят позднейшие (1927 года) признания Н. Д. Соколова о необходимости масонства в революционной России: «...радикальные элементы из рабочих и буржуазных классов не смогут с собой сговориться о каких-либо общих актах, выгодных обеим сторонам... Поэтому... создание органов, где представители таких радикальных элементов из рабочих и не рабочих классов могли бы встречаться на нейтральной почве... очень и очень полезно...». И он, Соколов, «давно, ещё до 1905 г., старался играть роль посредника между социал-демократами и либералами».

Масонам в Феврале удалось быстро разрушить государство, но затем они оказались совершенно бессильными и менее чем через восемь месяцев потеряли власть, не сумев оказать, по сути дела, ровно никакого сопротивления новому, Октябрьскому перевороту. Прежде чем говорить о причине бессилия героев Февраля, нельзя не коснуться господствовавшей в советской историографии версии, согласно которой переворот в феврале 1917 года был якобы делом петроградских рабочих и солдат столичного гарнизона, будто бы руководимых к тому же главным образом большевиками.

Начну с последнего пункта. Во время переворота в Петрограде почти не было сколько-нибудь влиятельных большевиков. Поскольку они выступали за поражение в войне, они вызвали всеобщее осуждение, и к февралю 1917 года пребывали или в эмиграции в Европе и США, или в далёкой ссылке, не имея сколько-нибудь прочной связи с Петроградом. Из 29 членов и кандидатов в члены большевистского ЦК, избранного на VI съезде (в августе 1917 года), ни один не находился в февральские дни в Петрограде! И сам Ленин, как хорошо известно, не только ничего не знал о готовящемся перевороте, но и ни в коей мере не предполагал, что он вообще возможен.

Что же касается массовых рабочих забастовок и демонстраций, начавшихся 23 февраля, они были вызваны недостатком и невиданной дороговизной продовольствия, в особенности хлеба, в Петрограде. Но дефицит хлеба в столице был, как следует из фактов, искусственно организован. В исследовании Т. М. Китаниной «Война, хлеб, революция (продовольственный вопрос в России. 1914 – октябрь 1917)», изданном в 1985 году в Ленинграде, показано, что «излишек хлеба (за вычетом объёма потребления и союзных поставок) в 1916 г. составил 197 млн. пуд.» (с. 219); исследовательница ссылается, в частности, на вывод А. М. Анфимова, согласно которому «Европейская Россия вместе с армией до самого урожая 1917 г. могла бы снабжаться собственным хлебом, не исчерпав всех остатков от урожаев прошлых лет» (с. 338). И в уже упо-

мянутой книге Н. Н. Яковлева «1 августа 1914» основательно говорится о том, что заправили Февральского переворота «способствовали созданию к началу 1917 года серьёзного продовольственного кризиса... Разве не прослеживается синхронность – с начала ноября резкие нападки (на власть. – В. К.) в Думе и тут же крах продовольственного снабжения! (с. 206).

Иначе говоря, «хлебный бунт» в Петрограде, к которому вскоре присоединились солдаты «запасных полков», находившихся в столице, был специально организован и использован главарями переворота.

Не менее важно и другое. На фронте постоянно испытывали нехватку снарядов. Однако к 1917 году на складах находилось 30 миллионов (!) снарядов – примерно столько же, сколько было всего истрачено за 1914–1916-е годы (между прочим, без этого запаса артиллерия в Гражданскую войну 1918–1920 годов, когда заводы почти не работали, вынуждена была бы бездействовать...). Если учесть, что начальник Главного артиллерийского управления в 1915 – феврале 1917 г. А. А. Маниковский был масоном и близким сподвижником Керенского, ситуация становится ясной; факты эти изложены в упомянутой книге Н. Н. Яковлева (см. с. 195–201).

То есть и резкое недовольство в армии, и хлебный бунт в Петрограде, в сущности, были делом рук «переворотчиков». Но этого мало. Фактически руководивший армией начальник штаба Верховного главнокомандующего (то есть Николая II) генерал М. В. Алексеев не только ничего не сделал для отправления 23–27 февраля войск в Петроград с целью установления порядка, но и, со своей стороны, использовал волнения в Петрограде для самого жёсткого давления на царя и, кроме того, заставил его поверить, что вся армия – на стороне переворота.

Н. Н. Берберова в своей книге утверждает, что Алексеев сам принадлежал к масонству. Это вряд ли верно (хотя бы потому, что для воен-

нослужащих вступление в тайные организации являлось, по существу, преступным деянием). Но вместе с тем находившийся в Ставке Верховного главнокомандующего военный историк Д. Н. Дубенский свидетельствовал в своём изданном ещё в 1922 году дневнике-воспоминаниях: «Генерал Алексеев пользовался... самой широкой популярностью в кругах Государственной Думы, с которой находился в полной связи... Ему глубоко верил Государь... генерал Алексеев мог и должен был принять ряд необходимых мер, чтобы предотвратить революцию... У него была вся власть (над армией. – В. К.)... К величайшему удивлению... с первых же часов революции выявилась его преступная бездеятельность...» (цит. по кн. «Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев». – Л., 1927, с. 43).

Далее Д. Н. Дубенский рассказывал, как командующий Северным фронтом генерал Н. В. Рузский (Н. Н. Берберова тоже не вполне обоснованно считает его масоном) «с цинизмом и грубою определённостью» заявил уже 1 марта: «...надо сдаваться на милость победителю». Эта фраза, писал Д. Н. Дубенский, «всё уяснила и с несомненностью указывала, что не только Дума, Петроград, но и лица высшего командования на фронте действуют в полном согласии и решили произвести переворот» (с. 61). И историк вспоминал, как уже 2 марта близкий к черносотенцам генерал-адъютант К. Д. Нилов назвал Алексева «предателем», и сделал такой вывод: «... масонская партия захватила власть» (с. 66). Подобные утверждения в течение долгих лет квалифицировались как черносотенные выдумки, но ныне отнюдь не черносотенные историки доказали правоту этого вывода.

Впрочем, к фигуре генерала Алексева мы ещё вернёмся. Прежде необходимо осознать, что российские масоны были до мозга костей западниками. При этом они не только усматривали все свои общественные идеалы в Западной Европе, но и подчинялись тамошнему могучему

масонству. Побывавший в масонстве Г. Я. Аронсон писал: «Русские масоны как бы светили заёмным светом с Запада» (Николаевский Б. И., цит. изд., с. 151). И Россию они всецело мерили чисто западными мерками.

По свидетельству А. И. Гучкова, герои Февраля полагали, что «после того как дикая стихийная анархия, улица (имелись в виду февральские беспорядки в Петрограде. – В. К.), падёт, после этого люди государственного опыта, государственного разума, вроде нас, будут призваны к власти. Очевидно, в воспоминание того, что... был 1848 год (то есть революция во Франции. – В. К.): рабочие свалили, а потом какие-то разумные люди устроили власть» («Вопросы истории», 1991. № 7. с. 204). Гучков определил этот «план» словом «ошибка». Однако перед нами не столько конкретная «ошибка», сколько результат полного непонимания России. И Гучков к тому же явно неверно характеризовал сам ход событий. Ведь, согласно его словам, «стихийная анархия» – это забастовки и демонстрации, состоявшиеся с 23 по 27 февраля в Петрограде; 27 февраля был образован «Временный комитет членов Государственной Думы», а 2 марта – Временное правительство. Но ведь именно оно и осуществило полное уничтожение прежнего государства. То есть настоящая «стихийная анархия», охватившая в конечном счёте всю страну и всю армию (а не всего лишь несколько десятков тысяч людей в Петрограде, действия которых были ловко использованы героями Февраля), разразилась уже потом, когда к власти пришли эти самые «разумные люди»...

Словом, российские масоны представляли себе осуществляемый ими переворот как нечто вполне подобное революциям во Франции или Англии, но при этом забывали о поистине уникальной русской свободе – «свободе духа и быта», о которой постоянно размышлял, в частности, «философ свободы» Н. А. Бердяев. В западноевропейских странах даже самая высокая степень свободы в политической и экономической деятельности не может привести к роковым разрушительным последствиям, ибо большинство населения ни под каким видом не выйдет за установленные «пределы» свободы, будет всегда «играть по правилам». Между тем в России безусловная, ничем не ограниченная свобода сознания и поведения – то есть, говоря точнее, уже, в сущности, не свобода (которая подразумевает определённые границы, рамки «закона»), а собственно российская воля вырывалась на простор чуть ли не при каждом существенном ослаблении государственной власти и порождала неведомые Западу безудержные русские «вольницы» – болотниковщину (в пору Смутного времени), разинщину, пугачёвщину, махновщину, антоновщину и т. п.

Пушкин, в котором наиболее полно и совершенно воплотился русский национальный гений, начиная по меньшей мере с 1824 года испытывал самый глубокий и острый интерес к этим явлениям, более всего, естественно, к недавней пугачёвщине, которой он и посвятил свои главные творения в сфере художественной прозы («Капитанская дочка», 1836) и историографии («История Пугачёва», вышедшей в свет в конце 1834 года под заглавием – по предложению финансировавшего издание Николая I – «История Пугачёвского бунта»). При этом Пушкин предпринял весьма трудоёмкие архивные изыскания, а в 1833 году в течение месяца путешествовал по «пугачёвским местам», расспрашивая, в частности, престарелых очевидцев событий 1773–1775 годов.

Но дело, конечно, не просто в тщательности исследования предмета; Пушкин воссоздал пугачёвщину с присущим ему и, без преувеличения, только ему всепониманием. Позднейшие толкования, в сравнении с пушкинским, односторонни и субъективны. Более того: столь же односторонни и субъективны толкования самих творений Пушкина, посвящённых пугачёвщине (яркий пример – эссе Марины Цветаевой «Пушкин и Пугачёв»). Исключение представляет, пожалуй, лишь недавняя работа В. Н. Катасонова («Наш современник», 1994, № 1), где пушкинский образ Пугачёва осмыслен в его многомерности. Говоря попросту, пугачёвщину после Пушкина либо восхваляли, либо проклинали. Особенно это характерно для эпохи Революции, когда о пугачёвщине (а также о разинщине и т. п.) вспоминали едва ли не все тогдашние идеологи и писатели.

Ныне постоянно цитируют пушкинские слова; «Не приведи Бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный», – причём они обычно толкуются как чисто отрицательная, даже уничтожающая характеристика. Но это не столь уж простые по смыслу слова. Они, между прочим, как-то перекликаются с приведёнными Пушкиным удивительными словами самого Пугачёва (их сообщил следователь, первым допросивший выданного своими сподвижниками атамана, – капитан-поручик Маврин): «Богу было угодно наказать Россию через моё окаянство». И в том, и в другом высказывании «русский бунт» – то есть своеволие – как-то связывается с волей Бога; который «привёл» увидеть или «наказал», – и в целостном контексте пушкинского воссоздания пугачёвщины это так и есть.

Кроме того, поставив определения «бессмысленный и беспощадный» после определяемого слова, Пушкин тем самым придал им особенную ёмкость и весомость; нас как бы побуждают взглянуть, вслушаться в эти определения и осознать их многозначность. «Бессмысленный» – это

ведь значит и бесцельный, самоцельный и, значит, бескорыстный. А особенное ударение на завершающем слове «беспощадный» – разумеется, в связи с пушкинским воссозданием пугачёвщины в целом – несёт в себе смысл ничем не ограниченной беспощадности, естественно обращаясь и на самих бунтовщиков, и на их вожака, выданного в конце концов на расправу «своими». Это скорее Божья кара, чем собственно человеческая жестокость.

Пушкин обратил внимание на своего рода тайну. Он рассказал, что в конце июля 1774 года, то есть всего за несколько недель до ареста, Пугачёв, «окружённый отовсюду войсками правительства, не доверяя своим сообщникам... уже думал о своём спасении; цель его была: пробраться за Кубань или в Персию». Но, как это ни странно, «никогда мятеж не свирепствовал с такою силою. Возмущение переходило от одной деревни к другой, от провинции к провинции... Составлялись отдельные шайки... и каждая имела у себя своего Пугачёва...» Словом, «русский бунт» – это по сути своей не чьё-либо конкретное действие, но своего рода состояние, вдруг захватившее весь народ, – ничему и никому не подчиняющаяся стихия, подобная лесному пожару...

Безудержный «русский бунт» вызывал и вызывает совершенно разные «оценки». Одни усматривают в нём проявление беспрецедентной свободы, извечно присущей (хотя и не всегда очевидной) России, другие, напротив, – выражение её «рабской» природы: «бессмысленность» бунта свойственна, мол, заведомым рабам, которые даже и в восстании не способны добиваться удовлетворения конкретных практических интересов (как это делают, скажем, западноевропейские повстанцы) и бунтуют, в сущности, только ради самого бунта...

Но подобные одноцветные оценки столь грандиозных национально-исторических явлений вообще не заслуживают серьёзного внимания, ибо характеризуют лишь настроенность тех, кто эти оценки высказывает, а не сам оцениваемый «предмет». События, которые так или иначе захватывают народ в целом, с необходимостью несут в себе и зло, и добро, и ложь, и истину, и грех, и святость...

Необходимо отдать себе ясный отчёт в том, что и безоговорочные проклятья, и такие же восхваления «русского бунта» неразрывно связаны с заведомо примитивным и просто ложным восприятием самого «своеобразия» России и, с другой стороны, Запада: в первом случае Россию воспринимают как нечто безусловно «худшее» в сравнении с Западом, во втором – как столь же безусловно «лучшее». Но и то, и другое восприятие не имеет действительно серьёзного смысла: спор о том, что «лучше» – Россия или Запад, вполне подобен, скажем, спорам

о том, где лучше жить – в лесной или степной местности, и даже кем лучше быть – женщиной или мужчиной... и т. п. Пытаться выставить непротиворечивые «оценки» тысячелетнему бытию и России, и Запада – занятие для идеологов, не доросших до зрелого мышления.

Впрочем, пора обратиться непосредственно к 1917 году. Как уже сказано, пугачёвщина и разинщина постоянно вспоминались в то время, что было вполне естественно. Вместе с тем на сей раз последствия были совсем иными, чем при Пугачёве, ибо бунтом была захвачена и до основания разложенная новыми правителями армия (которая во время пугачёвщины всё-таки сохранилась – пусть и было немало случаев перехода солдат и даже офицеров в ряды бунтовщиков). Более того, миллионы солдат, самовольно покидавших – нередко с оружием в руках – армию, стали наиболее действенной закваской всеобщего бунта.

Советская историография пыталась доказывать, что-де основная масса «бунтовщиков» – в том числе солдаты – боролась в 1917 году против «буржуазного» Временного правительства за победу большевиков, за социализм-коммунизм. Но это явно не соответствует действительности. Генерал Деникин, досконально знавший факты, говоря в своих фундаментальных «Очерках русской смуты» о самом широком распространении большевистской печати в армии, вместе с тем утверждал: «Было бы, однако, неправильно говорить о непосредственном влиянии печати на солдатскую массу. Его не было... Печать оказывала влияние главным образом на полуинтеллигентскую (весьма незначительную количественно. – В. К.) часть армейского состава». Что же касается миллионов рядовых солдат, то в их сознании, констатировал генерал, «...преобладало прямолинейное отрицание: «Долой!». Долой... вообще всё опостылевшее, надоевшее, мешающее так или иначе утробным инстинктам и стесняющее «свободную волю» – всё долой!».

Нельзя не отметить прямое противоречие в этом тексте: Деникин определяет бунт солдат и как проявление «утробных инстинктов» – то есть как нечто низменное, телесное, животное, и в то же время как порыв к «свободной воле» (для определения этого феномена оказались как бы недостаточными взятые по отдельности слова «свобода» и «воля», и генерал счёл нужным соединить их, явно стремясь тем самым выразить нечто «беспредельное»; ср. народное словосочетание «воля вольная»). Но «утробные инстинкты» (например, животный страх перед гибелью) и стремление к безграничной «воле» – это, конечно же, совершенно различные явления; второе подразумевает, в частности, преодоление смертного страха... Таким образом,

Деникин, едва ли сознавая это, дал солдатскому бунту и своего рода «высокое» толкование.

Не исключено возражение, что Деникин, мол, искажил реальную картину, ибо не желал признавать внушительную роль ненавистных ему большевиков. Однако, в сущности, то же самое говорил в своих воспоминаниях генерал от кавалерии (с 1912 года) А. А. Брусилов, перешедший, в отличие от Деникина, на сторону большевиков. Бунтовавшие в 1917 году солдатские массы, свидетельствовал генерал, «совершенно не интересовали Интернационал, коммунизм и тому подобные вопросы, они только усвоили себе начала будущей свободной жизни».

Следует привести ещё мнение одного серьёзно размышлявшего человека, который, по-видимому, не участвовал в революционных событиях, был только «страдающим» лицом, в конце концов бежавшим на Запад. Речь идет о российском немце М. М. Гаккебуше (1875–1929), издавшем в 1921 году в Берлине книжку с многозначительным заглавием «На реках Вавилонских: заметки беженца»; при этом он издал её под таким же многозначительным псевдонимом М. Горелов, явно не желая и теперь, в эмиграции, вмешивать себя лично в политические распри.

В книжке немало всякого рода эмоциональных оценок «беженца», но есть и достаточно чёткое определение совершившегося. Напоминая, в частности, о том, что Достоевский называл русский народ «богоносцем», Гаккебуш-Горелов писал, что в 1917 году «мужик снял маску... «Богоносец» выявил свои политические идеалы: он не признаёт никакой власти, не желает платить податей и не согласен давать рекрутов. Остальное его не касается».

Тут же «беженец» ставил пресловутый вопрос «кто виноват?» в этом мужицком отрицании власти: «Виноваты все мы – сам-то народ меньше всех. Виновата династия, которая наиболее ей, казалось бы, дорогой монархический принцип позволила вывалить в навозе; виновата бюрократия, рабствовавшая и продажная; духовенство, забывшее Христа и обратившееся в рясофорных жандармов; школа, оскоплявшая молодые души; семья, развращавшая детей, интеллигенция, оплёвывавшая родину...» (напомню, что В. В. Розанов ещё в 1912 году писал: «У француза – «chere France», у англичан – «Старая Англия». У немцев – «наш старый Фриц». Только у прошедшего русскую гимназию и университет – «проклятая Россия». Как же удивляться, что всякий русский с 16 лет пристаёт к партии «ниспровержения» государственного строя...».

Итак, совместные действия различных сил (Гаккебуш обвиняет и саму династию...) развенчали Русское государство, и в конце концов оно было разрушено. И тогда «мужик» отказался от подчинения какой-либо власти, избрав ничем

не ограниченную «волю». Гаккебуш был убеждён, что тем самым «мужик» целиком и полностью разоблачил мнимость представления о нём как о «богоносце». И хотя подобный приговор вынесли вместе с этим малоизвестным автором многие из самых влиятельных тогдашних идеологов, проблема всё-таки более сложна. Ведь тот, кто не признаёт никакой земной власти, открыт тем самым для «власти» Бога...

Один из виднейших художников слова того времени, И. А. Бунин, записал в своём дневнике (в 1935 году он издал его под заглавием «Окаянные дни») 11 (24) июня 1919 года, что «всякий русский бунт (и особенно теперешний) прежде всего доказывает, до чего всё старо на Руси и сколь она жаждет прежде всего бесформенности. Спокон веку были «разбойнички»... бегуны, шатуны, бунтари против всех и вся...» (кстати, Бунин в избранном им для своего дневника заглавии перекликнулся – вероятно, не осознавая этого – с приведёнными Пушкиным словами Пугачёва: «Богу было угодно наказать Россию через моё окаянство»). В полнейшем непонимании извечного русского «своеобразия» Бунин усматривает роковой просчёт политиков: «Ключевский отмечает чрезвычайную «повторяемость» русской истории. К великому несчастью, на эту «повторяемость» никто и ухом не вёл. «Освободительное движение» творилось с легкомыслием изумительным, с непременным, обязательным оптимизмом...» (там же, с. 113).

Став и свидетелем, и жертвой безудержно «русского бунта», Бунин яростно проклинал его. Но, как истинный художник, не могущий не видеть всей правды, он ясно высказался – как бы даже против своей воли – о сугубой «неоднозначности» (уж воспользуюсь популярным ныне словечком) этого бунта. Казалось бы, он резко разграничил два человеческих «типа», отделив их даже этнически: «Есть два типа в народе. В одном преобладает Русь, в другом – Чудь и Меря» (как бы не желая целиком и полностью проклинать свою до боли любимую Русь, писатель едва ли хоть сколько-нибудь основательно пытается приписать бунтарскую инициативу «финской крови»...). Однако этот тезис тут же опровергается ходом бунинского размышления: «Но (смотрите – Бунин неожиданно возражает этим «но» себе самому! – В. К.) и в том, и в другом (типе. – В. К.) есть страшная переменчивость настроений, обликов, «шаткость», как говорили в старину. Народ сам сказал про себя: «из нас, как из дерева, – и дубина, и икона» – в зависимости от обстоятельств, от того, кто это дерево обрабатывает: Сергей Радонежский или Емелька Пугачёв» (с. 62).

Выходит, тезис о «двух типах» неверен: за преподобным Сергием шли такие же русские люди, что и за отлучённым от Церкви Емель-

кой, и «облик» русских людей зависит от исторических «обстоятельств» (а не от наличия двух «типов»). И в самом деле: заведомо неверно полагать, что в людях, шедших за Пугачёвым, не было внутреннего единства с людьми, которые шли за преподобным Сергием... Бунин говорит о «шаткости», о «переменчивости» народных настроений и обличий, но основа-то была всё-таки та же...

Замечательно, что уже после цитированных дневниковых записей, в 1921 году, Бунин создал одно из чудеснейших своих творений – «Косцы» – поистине непревзойдённый гимн «русскому (конкретно – рязанскому, есенинскому) мужику», где всё же упомянул и о том, что так его ужасало: «...а вокруг – беспредельная родная Русь, гибельная для него, балованного, разве только своей свободой, простором и сказочным богатством» («гибельная» здесь совершенно точное слово).

Итак, в той беспредельной «воле», которой возжаждал после распада государства и армии народ, было, если угодно, и нечто «богоносное» (вопреки мнению Гаккебуша-Горелова), – хотя весьма немногие идеологи обладали смелостью разглядеть это в «русском бунте».

И всё же сколько бы ни оспаривали финал созданной в январе 1918 года знаменитой поэмы Александра Блока, где впереди двенадцати «разбойников-апостолов» является не кто иной, как Христос, решение поэта по-своему незыблемо: «Я, – писал он 10 марта 1918 года, – только констатировал факт: если взглянуть в столбы метели на этом пути, то увидишь «Исуса Христа»...»

Достаточно хорошо известно, что образ «русского бунта» в блоковской поэме многие воспринимали (и воспринимают сейчас) как образ большевизма. Это естественно вытекало из широко распространённого, но тем не менее безусловно ложного представления, согласно которому «русский бунт» XX века вообще отожд-

ествлялся с большевизмом (такое понимание присутствует, в частности, и в бунинских «Окаянных днях», но смысл книги в целом никак не сводим к этому). На деле же – о чём ещё будет подробно сказано – «русский бунт» был самым мощным и самым опасным врагом большевиков.

Разговор о смысле блоковской поэмы отнюдь не уводит нас от главной цели – истинного понимания того, что происходило в России в 1917-м и последующих годах. Необходимо осознать заведомую недостаточность и даже прямую ложность «классового» и вообще чисто политического истолкования Революции. Нет сомнения, что классовые интересы играют очень весомую роль в истории (хотя многие нынешние влиятельные лица – главным образом перевёртыши типа тов. Яковлева, ещё совсем недавно рьяно утверждавшие именно «классовые» представления об истории, – склонны теперь отрицать это). Но всё же Революция – слишком грандиозное и многомерное явление бытия, которое никак нельзя втиснуть в классовые и вообще собственно политические рамки, и в этом одна из главных основ моих дальнейших рассуждений. . .

Александр Блок в 1920 году с полной определённостью сказал: «...те, кто видит в «Двенадцати» политические стихи, или очень слепы к искусству, или сидят по уши в политической грязи, или одержимы большой злобой» (т. 3, с. 474). Следует напомнить, что целая когорта тогдашних литераторов, на разные лады призывавших до 1917 года к разрушению Русского государства, а позднее никак не могущих примириться с приходом к власти своих соперников-большевиков, стала обвинять автора «Двенадцати» в восхвалении большевизма.

Продолжение следует.

Из истории царской династии

Лариса Кафтан

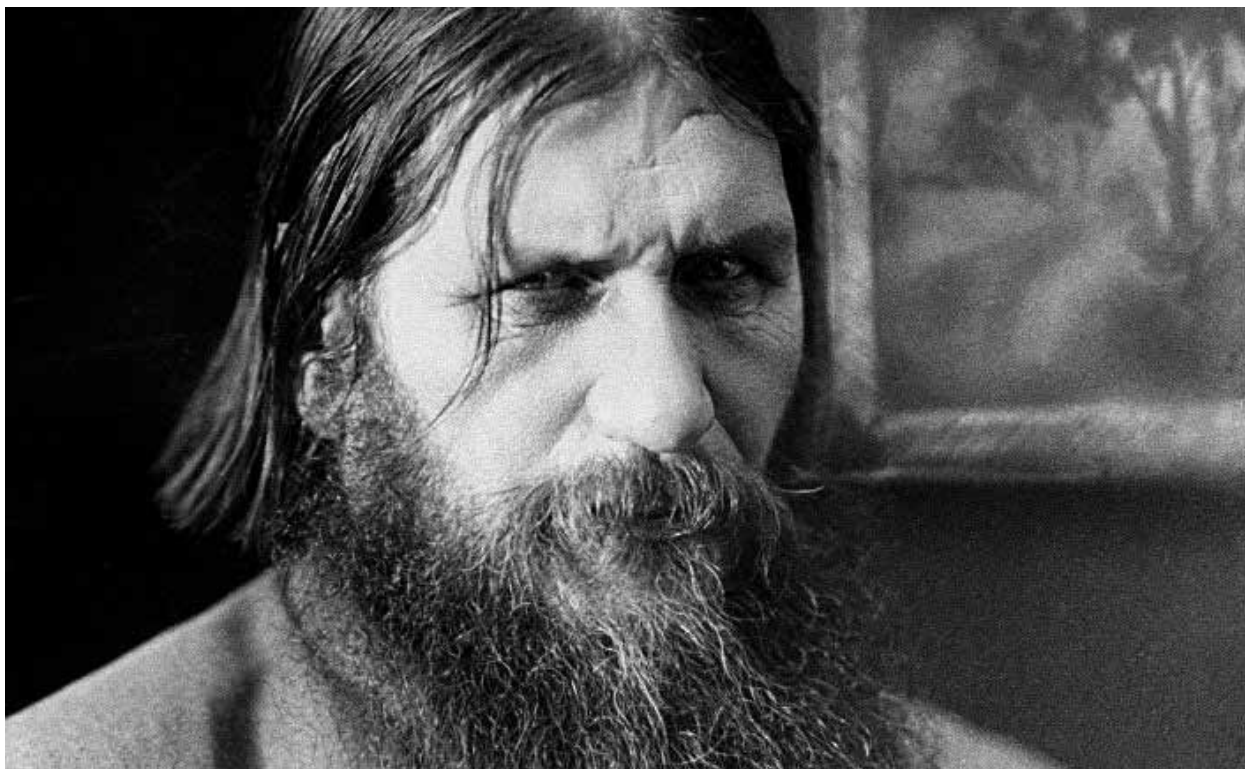
Кто и зачем убил Григория Распутина?

17 декабря 1916 года (по старому стилю) Григорий Распутин пал от рук убийц. Он был убит в результате заговора, во главе которого стоял не Феликс Юсупов и не депутат Госдумы Пуришкевич, а агент британской разведки Освальд Райнер.

Целью ликвидации Распутина было предотвращение возможности заключения сепаратного мира между Россией и Германией, для которого Григорий Распутин был фактически единственной и последней возможностью.

=====

«Если бы Распутина не убили, революции 1917-го не было бы?»

За что старца любила императрица и кому он перешёл дорогу

Один из самых интересных персонажей XX века – Григорий Распутин. Дата его рождения достоверно неизвестна – между 1864 и 1872 годами, чаще называют 1869-й, начало января. А вот убили его точно в 1916-м. В 2016 году исполнилось ровно 100 лет со дня гибели Распутина...

Как мужик войну остановил

На повестке дня большой европейской политики начала XX века стоял вопрос организации Первой мировой войны, или, вернее сказать, крупномасштабного германо-русского столкновения. Началась она в 1914 году, но могла начаться и раньше. Пороховая бочка на Балканах была уже заложена. Оставалось лишь поджечь её и усадить на неё сверху Россию и Германию. Цена вопроса – ни много ни мало господство над всем миром.

И неожиданно на пути встал неграмотный сибирский мужик.

В 1912 году, когда Россия в первый раз готова была вмешаться в балканский конфликт, Распутин на коленях умолил Николая не вступать в войну. Граф Витте в своих мемуарах писал: «Он (Распутин) указал все губительные результаты европейского пожара, и стрелки истории повернулись по-другому. Война была предотвращена».

Почему же Николай II не послушал Распутина в 1914-м?

Потому что в момент принятия этого рокового решения Распутин находился при смерти!

Чёрный пиар

15 (28) июня в Сараево убит австрийский наследник, через две недели, 30 июня (13 июля) 1914 года, в родном сибирском селе чуть не лишился жизни Распутин.

Разница в две недели между двумя покушениями не случайна. Политическая ситуация накаляется не сразу, от момента убийства Франца Фердинанда до начала Первой мировой войны пройдёт месяц и три дня.

В этот решающий момент Распутин должен быть мёртвым, чтобы не мог удержать Николая II от губительного шага. Вышла осечка, Распутин не убили, но он всё же находится при смерти, без сознания. Только перед самым началом мирового конфликта, едва придя в себя, старец шлёт телеграммы, умоляя государя не затевать войну, потому что с войной будет конец России и им самим (царствующим особам): «*Положат до последнего человека*».

Но было поздно – Россию втянули в войну.

Кампания по дискредитации Распутина была не случайна и целенаправленна. Возможно, это один из первых случаев «чёрного пиара» такого масштаба. Татьяна Боткина, дочь расстрелянного с царской семьёй лейб-медика, передаёт в своих мемуарах слова отца: «*Если бы не было Распутина, то противники царской семьи и подготовители революции создали бы его своими разговорами из Вырубовой, не будь Вырубовой, из меня, из кого хочешь*».

«Голубой» князь

На вопрос, кто являлся главным организатором убийства, историография даёт ответ одно-

значный – князь Феликс Юсупов. Этот 27-летний выпускник Оксфордского университета был наследником знатной и богатой фамилии.

Свои мысли он описывает так:

«После всех моих встреч с Распутиным, всего виденного и слышанного мною, я окончательно убедился, что в нём скрыто всё зло и главная причина всех несчастий России: не будет Распутина, не будет и той сатанинской силы, в руки которой попали государь и императрица...».

Императрица была благодарна целителю Распутину, который спасал от смертельного кровотечения больного гемофилией наследника.

Воспитанный красавец Феликс имел одну небольшую странность: он обожал носить женскую одежду. С детства князь Юсупов наряжался в платье дома, в двадцать лет в таком виде он открыто посещал общественные места, рестораны и театры не только в России, но и за границей.

Однажды в Париже в театре Феликс увидел, что «пожилой субъект из литерной ложи настойчиво меня лорнирует». Этим человеком оказался английский монарх Эдуард VII... После такого успеха у первого донжуана Европы молодой аристократ вернулся на родину окрылённый и решил выступать на сцене модного петербургского кабаре. В женском платье, разумеется.

После публикации «красавица» Феликс выступал в хитоне из голубого тюля, расшитого серебряной нитью. При этом костюм был декорирован большим количеством крупных семейных бриллиантов. По ним выступающую «звезду кабаре» и распознали знакомые родителей Феликса. Отец князя был в ярости, но, потихонечку остыв, решил подлечить сына от таких странных наклонностей. Фетишиста и гомосексуалиста родители отправили поправлять здоровье к... Распутину.

Лечение, которому подвергался Феликс, состояло в том, что старец укладывал его через порог комнаты, порол и гипнотизировал. Согласитесь, что опыт общения с Распутиным у Юсупова был, прямо скажем, специфический.

Уж не знаю, лечение Распутин помогло или просто взялся князь Юсупов за ум, только в 1914 году он отложил юбки и кринолины и женился на дочери Великого князя Александра Михайловича Романова, соединив венценосную фамилию со своими поистине несметными богатствами. Супруга князя Юсупова Ирина была внучкой покойного императора Александра III и императору Николаю II доводилась племянницей.

Таков наш первый заговорщик – женатый на племяннице царя, богатый взбалмошный трансвестит и гомосексуалист. Слабо верится, чтобы такая личность могла хладнокровно

просчитать убийство Распутин. Зато такого субъекта можно было легко направить в нужное руло.

Убийцы Распутина князь Феликс Юсупов и...

Второй из заговорщиков – Великий князь Дмитрий Павлович Романов. Его мать умерла при родах. С Феликсом Юсуповым он дружил давно. Судя по описаниям современников, Дмитрий Павлович был существом легкомысленным и беззлобным. Знал он об огромной роли Распутина в семье Николая II, о том, что тот спасает жизнь цесаревичу Алексею. Но это не смутило молодого Великого князя.

В благодарность за заботу и ласку царской семьи Дмитрий Павлович принимает участие в заговоре с целью убить самого близкого человека своей «мамы» и основного советника своего «папы». Только такая личность могла так отплатить царской семье за добро. Друг Феликс для него важнее. Потому что и Великий князь Дмитрий Павлович являлся гомосексуалистом. А любящий женскую одежду Феликс Юсупов был ему больше чем просто друг...

Мотив для ненависти к Распутину есть и у молодого Дмитрия Павловича. Царь и царица подумывают женить его на одной из своих дочерей. Распутин открывает им глаза на сексуальные предпочтения их любимца. Заодно он рассказывает о том, кто пристрастил Дмитрия Павловича к «настоящей» мужской любви. Имя совратителя – Феликс Юсупов. Разочарованные и возмущённые император и его супруга больше и слышать не хотят о таком браке своей дочери.

Тайна гибели

Правда об убийстве Распутина появилась лишь спустя 88 лет, в 2004-м. И всё встало на свои места. Разом объяснились все загадки. Стало понятно, почему морозной ночью 10 (23) марта 1917 года тело Распутина надо было непременно сжечь, уничтожить. Так, чтобы от него ничего не осталось, чтобы было невозможно провести эксгумацию трупа.

Потому что контрольным выстрелом в лоб Григорий Распутин был убит агентом британской разведки Освальдом Рейнером. Именно его имя скрывали Юсупов, Романов и Пуришкевич, ставшие слепым орудием в руках английской секретной службы.

1 октября 2004 года по английскому телеканалу BBC-2 прошёл фильм, посвящённый убийству Распутина. Отставной сотрудник Скотленд-Ярда Ричард Кален и историк Эндрю Кук на основе фотографий трупа, актов вскрытия, документов и мемуаров той поры достоверно восстановили картину убийства.

Да, Юсупов и Пуришкевич оба стреляли в Распутина. Однако именно английский агент произвёл третий, контрольный выстрел в лоб Распутину.

Гомосексуалист и трансвестит Феликс Юсупов был очень «близок» с тремя офицерами английской разведки.

Показательно поведение английского посла Джорджа Бьюкенена. На приёме в честь Нового года он заговорил с русским императором: «...Поскольку я слышал, что его величество подозревает молодого англичанина, школьного друга князя Феликса Юсупова, в соучастии в убийстве Распутина, я воспользовался случаем убедить его, что такие подозрения абсолютно беспочвенны».

Делая этот шаг, Бьюкенен выдаёт себя с головой. Когда ещё посол делает заявления, пользуясь выражением «я слышал»?! Ведь это не просто англичанин говорит с российским самодержцем, это говорит представитель британского монарха. Мало ли какие слухи ходят по русской столице, посол не может, не имеет права на них реагировать.

О грехах и милостях

Слухи о разврате Распутина не получили документального подтверждения. Комиссия Временного правительства через газету предложила откликнуться женщин, которых он совратил. Никто не появился.

Для нас не так уж важно, был ли Распутин чёртом в рубище или ангелом во плоти. Главное, что в определённый период русской истории именно он стоял на пути «союзников», ведущих Россию к гибели. И потому был ими убит.

Великий князь Дмитрий Павлович отделался лёгким испугом. Сначала его по приказу императрицы посадили под домашний арест. После Октября Великий князь Романов (случай небывалый для династии) официально перейдёт на британскую службу!

Потом он жил в Лондоне и Париже. В 1926 году Дмитрий Павлович женился на богатой американке Эмери. После чего он и его сестра Мария Павловна уехали в США, где Великий князь занимался торговлей вином, а Великая княгиня служила консультантом в фирме модной одежды.

Феликс Юсупов до окончания следствия был сослан в родовое имение. В октябре 1917-го, забрав из своего дома несколько полотен Рембрандта и ряд фамильных драгоценностей, он спешно уезжает. До 1919-го прожил в Крыму, а в апреле 1919 года вместе с оставшимися в живых членами династии уплыл на английском боевом корабле за границу.

Убийцы Распутина от новой большевистской власти не пострадали.

«Распутинские» оргии устраивали... актёры

О знаменитом старце мы говорили с писателем и историком Николаем СТАРИКОВЫМ

– Николай Викторович, так кто же такой Распутин – неотёсанный мужик, удивительным образом проникший в царскую семью, аферист-гипнотизёр-колдун, использующий необычные способности в своих корыстных целях?

– Феномен Распутина не раскрыт до сих пор. Существуют свидетельства его реальной помощи страдавшему гемофилией наследнику. Распутин любил Россию, любил царскую семью. И тем трагичнее осознавать, что именно он стал тем поводом, из-за которого царский дом был замазан революционерами и западной пропагандой грязью с головы до ног.

Анализируя жизнь Распутина, приходишь к выводу о его противоречивости. Он получал 10 000 руб. в год от императрицы, от Министерства внутренних дел. При этом те деньги, что приносили просители, он тут же раздавал людям, которые нуждались в средствах. Деньги не копил, после его смерти не нашлось никаких капиталов. Думаю, что, оказавшись на такой высоте, Распутин не отказывался и от соблазнов, присущих высокому положению и славе.

Но одно нужно сказать твёрдо: некими силами была развёрнута целенаправленная кампания по его дискредитации. *Нанимались актёры, которые кутили с проститутками в гриме и костюме Григория Ефимовича.* При этом дать 100-процентную гарантию, что он сам был аскетом и ни разу не поддавался искушениям, также невозможно.

– Есть ли какая-то предопределённость, знак судьбы в том, что такой странный человек оказался в трагичнейший момент русской истории на её гребне?

– Я не верю в предопределённость. Так же как и не верю в неизбежность революции. Ничего в политике не предопределено. СССР распался вовсе не из-за «неизбежности» или «экономической несостоятельности», а из-за предательства его руководства. Гитлер напал на нас вовсе не из-за «неизбежности» такого нападения, а потому что был англофилом и поверил, получив информацию через Рудольфа Гесса, что Лондон заключит с ним мир.

Точно так же не было никакой «гарантии», что русский народ сам разрушит свою страну. Но работа для этого велась. Мишенью компрометации стал Распутин, а через него замазывали императрицу и императора. Вели работу по созданию революционной ситуации в России наши союзники по Антанте, англичане. Причина геополитическая – в случае победы Антанты у России были бы турецкие проливы.

Но в течение 200 лет Англия блокировала все наши попытки выйти на простор Средиземного моря через узкую «пробку» Босфора и Дарданелл. Отдавать проливы русским нельзя. Но можно будет не отдавать, если Россия рухнет. Так и получилось. Временное правительство моментально отказалось от всех потенциальных территориальных приобретений. Кому это было выгодно? Нашим вековым противникам. Именно из Лондона оплачивались все наши «борцы за свободу» на протяжении практически ста лет. И по сию пору, кстати, источник финансирования не поменялся.

– Если бы Распутин не был убит, могла бы не так страшно сложиться судьба царской семьи?

– Единственным шансом для России в той ситуации мог быть сепаратный мир с немцами. Но император категорически отказывался об этом даже слышать. Единственный, кто мог соединить Берлин и Петроград хотя бы теоретически, был Распутин. И сказать царю эту правду мог только Распутин. Желая самого хорошего, Распутин оставался при дворе, давая повод для очернительства. Возможно, уйди он – события могли пойти по-другому...

– Почему у неграмотного мужика Распутина оказалось так много врагов?

– Даже мать Николая II относилась к Распутину резко негативно, зная, что он помогает наследнику, останавливает у него кровотечения. Думаю, Распутин не был ни святым, ни чёртом. Это был человек со своими слабостями.

– Верите ли вы в то, что Распутина связывали с императрицей близкие отношения?

– Нет, ничего подобного не было. Это гнусная клевета. Но в эту ложь верили все. Вот в этот момент и нужно было удалить Распутина от царской семьи. Какую бы пользу он ни приносил, вреда от таких слухов было значительно больше. Именно эта ложь во многом привела к тому, что в феврале 1917-го всё как-то сразу и рухнуло.

– Кто они – убийцы Распутина?

– Убийцы Распутина все очень странные люди. Феликс Юсупов и Великий князь Дмитрий Павлович были бисексуальны и находились в весьма близких отношениях. Депутат Пуришкевич был немного не в себе. Например, на 1 мая в Думе он вставлял в ширинку алую гвоздику и в таком виде ходил вдоль рядов, издеваясь над левыми депутатами. Но душой заговора были не они. А английская разведка. Сейчас это доказанный исторический факт.

Британцы страховались на случай возможно-го сепаратного мира России и Германии. Смертельный выстрел в Распутина сделал английский разведчик Освальд Рейнер, добивший жертву в упор, в лоб. И это не было случайностью. Рей-

нер знал Юсупова по совместной учёбе в Англии, был его другом, и также был его любовником. Именно через трансвестита Юсупова англичане и сколотили группу заговорщиков.

Те, кто и сегодня отправляет своих детей учиться в Англию, должны помнить, с одной стороны, каким образом там заводятся знакомства, с другой – как промываются мозги.

– Как сложилась судьба англичанина, сделавшего роковой выстрел в Распутина?

– В 1917 году (о случайное совпадение!) Освальд Рейнер получил звание капитана. В 1919 году получил орден и начал работу в Стокгольме. Именно из нейтральной Скандинавии тогда вела свою работу английская разведка. В 1920 году его перебросили поближе – под прикрытием журналистской деятельности он перебрался в Финляндию. Только очень наивные люди могут предполагать, что кадровый разведчик рядом с его «профильной страной» всего лишь пишет статьи в «Дейли Телеграф» о горячих финских парнях. В дальнейшем Рейнер не потерял связи с эмигрантом Юсуповым и помог перевести его книгу на английский язык.

Умер Освальд Рейнер в 1961 году. Интересно, что информацию об участии МИ6 в убийстве разгласили именно британские исследователи. И это лишь крошечная часть огромного айсберга подрывной работы Великобритании против России. Впереди нас ждёт ещё множество открытий.

Н. Стародымов

Январь 1917 года: каким был предпоследний месяц Российской Империи

Не знаю, как для кого, а для меня в истории всегда какой-то притягательной силой ретроспективно обладали месяцы, и даже дни, ставшие последними перед какой-то катастрофой. Смотришь кино, читаешь книгу, берёшь в руки документ, в которых отображены события, скажем, 21 июня 1941 года... Ты-то уже знаешь, что обратный отсчёт надвигающегося кошмара уже начался, что гитлеровские генералы уже вскрывают пакеты с приказом перейти границу, что в баки самолётов уже заливается горячее, что в танки загружают боекомплект, что солдаты вермахта получают необходимый боекомплект и сухой паёк, снаряжают обоймы... Что из неведомого завтра уже накатывается роковая черта, которая разломит историю на «до войны» и сегодня...

Но это знаю я, из своего XXI века. Но те люди, которые на экране или в книге – для них ещё мир! И я с каким-то воспалённым любо-

пытством всматриваюсь в эти образы. Ибо для меня их жуткое завтра – уже история.

...Вот потому мне захотелось заглянуть в январь 1917 года. Чем жила страна накануне Февраля, который своротит глыбу, имя которой «Российская империя», с того места, где она покоилась столетия, и, казалось, не сдвинется никогда?

Итак, сегодня мы знаем, что монархия уже обречена. И тем удивительнее нам кажется, что многие современники той поры тот факт, что мир катится в тартарары, абсолютно не осознают, что они просто живут, занимаются будничными делами...

Между тем, продолжается война, однако при этом в воспоминаниях той поры нередко она вроде как и не имеет существенного значения, она вроде как есть, но где-то там, далеко, и вообще несерьёзна...

Читаешь документы той поры, и в душе, в мозгах появляется какой-то протест, какое-то неприятие той действительности...

В общем-то, фронт и тыл всегда жили разными законами. Однако в некоторые периоды истории это особенно остро чувствуется.

Ну давайте попытаемся представить себе январь 1917-го глазами солдата-окопника!

В советские времена достижения промышленности было принято сравнивать с 1913 годом. Это выглядело смешно, однако имело некоторый резон – то был последний мирный год старого мира. Продолжим аналогию: психология человека, его мировосприятие также после 1913-го начали меняться – поначалу постепенно, а потом и обвально.

В январе 17-го на передовой находился уже совершенно не тот солдат, что с лихим посвистом отправлялся на фронт в августе 14-го. Кадровой армии после двух с половиной лет кровавой мясорубки уже практически не существовало – ветеранов оставалось всё меньше, а на их место приходили в абсолютном своём большинстве мобилизованные крестьяне. Опять же – младшие офицеры... Те, из 14-го года, воспитанные в традиционном духе русской армии в полноценных военных училищах, кто погиб, а кто продвинулся по службе... А их места, непосредственно в окопах, занимали офицеры уже совершенно новой формации – вышедшие из других социальных слоёв, окончившие «скорострельные» курсы... В профессиональном плане кто-то из них, быть может, и отвечал требованиям фронта (особенно из числа повоевавших ранее), а вот в плане социально-политической картина изменилась кардинально!.. Традиционно русское офицерство сторонилось политики – скороспелые офицеры новой формации ею пропитались насквозь.

Самый красивый лозунг со временем тускнеет – это факт. В 14-м году солдат шёл на фронт «За Веру, Царя и Отечество!». За прошедшие к январю 17-го почти 30 месяцев войны солдат не мог не задумываться над внутренним содержанием этой фразы. Миллионы погибших – разве не могли они поколебать Веру?.. За царя, который к тому времени уже здорово профукал отпущенный ему лимит авторитета?.. За Отечество, которое там, за спиной, становилось всё более непонятным в нарастающих противоречиях?..

Нынешние воздыхатели о царских временах почему-то видят в истории той поры только царскосельские балы. И забывают, что Россия была на 90 процентов крестьянская страна. Нынешние нувориши, накупившие себе дворянские дипломы, а то и графско-княжеские титулы, а главное, сами уверовавшие в их подлинность, упускают из вида, что, сколько бы сказок они ни рассказывали нам о своих знатных предках, реально большинство из них пахали землю-матушку, которую удобряли навозом, собственноручно выгребаемым из-под

собственной коровёнки! А большинство из нынешних богатеев и вовсе проживало бы за «чертой оседлости» – помните, для кого эту «черту» провели по просторам империи?.. Родовитое дворянство в абсолютном своём большинстве уже давно заложило-перезаложило, а то и вовсе промотало свои наследные усадьбы, и могло кичиться предками сколько угодно, но прозябая при этом в нищете... И сколько таковых имелось в процентном отношении от общества?..

А окоп уравнивает всех! И пуля вражеская, впиваясь в тело, не разбирает, какая в нём течёт кровь – простолюдина или дворянина...

Солдат образца «август-14» и «январь-17» – суть разные люди!

В те времена уже существовало понятие «распропагандированный полк»... Так вот, агитаторы всех мастей, несомненно, играли тут немалую роль. И всё же главным и самым успешным пропагандистом против войны являлась сама же война – бессмысленная и беспощадная.

В январе 1917 года состоялась последняя крупная наступательная операция царской армии – Митавская. Её ещё называли Рождественской, как нетрудно догадаться, потому, что её сроки совпадали с Рождеством: с 23 по 29 декабря по одному стилю, и с 5 по 11 января по другому. В наступление перешла русская 8-я армия, которой командовал генерал Радко Радко-Дмитриев. В результате наступления задача оказалась выполненной лишь частично. Причины тут две: во-первых, некоторые части отказались выполнять приказ о наступлении, а во-вторых, командующий фронтом генерал Николай Рузский не поддержал части, которые добились успеха. Непосредственных зачинщиков акции неповиновения расстреляют – почти сто человек. Что же касается Николая Рузского, то он являлся участником заговора против царя Николая; проваленная операция и тысячи просто так убитых ему в этот раз сойдут с рук – его полтора годами позднее расстреляют «красные»...

В упомянутой операции отличилась Латышская дивизия – та самая, которая сыграет немалую роль в победе Октября.

Человек, который на войне отказывается выполнять боевой приказ, подлежит осуждению. Тут нет никакого сомнения. А потому, не оправдывая, просто задумаемся: а почему солдаты отказались идти в бой в те рождественские холода (это сражение красочно описал Алексей Толстой в романе «Хождение по мукам»)? Возьмём пока чисто военную сторону...

Полугодом ранее состоялся знаменитый Брусиловский прорыв. Чем он завершился?.. Полмиллиона убитых солдат российской армии, немцы перебросили войска с Западного фронта, облегчив положение союзникам России

по Антанте, а командование другими российскими же фронтами Брусилова не поддержало.

Что, солдат в окопе об этом не знал?.. Не знал – так в условиях нараставшего недовольства в стране нашлось кому подсказать!.. Идти в бой ради далёких союзников?.. Зачем?!

По официальным данным на январь 1917 года на фронтах погибло 2,5 миллиона солдат русской армии. Таких потерь Россия ещё не знала. И что же, на фронтовиков не давил психологически этот факт?..

Нам сегодня говорят, что если бы не свершился Февраль, то летом 17-го в Константинополь направился бы русский десант, который захватил бы проливы... Ну и так далее – красивая такая сказочка про белого бычка.

Во-первых, я уже неоднократно писал, что история частицы «бы» не ведаёт. Мы не знаем, как и что было бы, если бы история в какой-то момент покатила по другим рельсам. Пусть об этом пишут авторы модных ныне романов по «альтернативной» истории. Мы, потомки, имеем право по-своему интерпретировать факты, однако никак не искажать их.

Ну а во-вторых... Допустим, что такой десант состоялся. Не сомневаюсь, что боевых, не «распропагандированных» частей, готовых участвовать в том гипотетическом десанте, в армии нашлось бы немало. Допустим, что десант принёс успех. Опять же не сомневаюсь, что в моральном плане это оказало бы некоторый всплеск патриотических настроений в обществе и в первую очередь в армии.

Допустим!!!

Но в целом-то, в целом боевой дух армии сползал всё ниже. Солдат, простой солдат всё глубже задумывался, за что, за кого он воюет! Он уже не понимал, почему должен убивать такого же бауэра, что и он сам, только одетого в шинель другого цвета! Всё чаще случавшиеся фронтовые «братания» – нагляднейшее подтверждение данному утверждению.

Тем более, что он видел, так или иначе узнавал о том, что собственные генералы саботируют распоряжения Ставки, отказываются наступать.

В январе всё того же 17-го года новым военным министром стал генерал Михаил Беляев. Кабинетный чиновник, не имевший особого боевого опыта, он не пользовался авторитетом в войсках, но импонировал царю Николаю. Его назначение не могло добавить авторитета у «окопников» ни к Ставке, ни к царю.

К слову, о назначениях... Накануне Нового года (а по новому стилю, уже в январе) на пост премьер-министра был назначен князь Николай Голицын. «Милейший человек» (по словам современников), но совершенно не подходящий для этой должности – Николай Дмитриевич едва не на коленях умолял государя не взва-

ливать на него сию непосильную ношу. Однако назначение состоялось по настоянию императрицы Александры Фёдоровны.

Не перестану удивляться: насколько ценный Николай Александрович не умел выстраивать кадровую политику! Остаться в Феврале в абсолютном одиночестве – это его, только его личная вина!

Следующий факт можно было бы расценивать как злобный анекдот, если бы тому в истории не имелось множества подтверждений. 2 января из-под льда извлекли труп Григория Распутина. Узнававшие об этом люди первым делом интересовались, живым ли его спустили в прорубь или бездыханным. И ликовали, узнав, что ещё живым. Потому что по древней традиции утопленника Церковь не могла провозгласить святым.

Страна ликовала по поводу убийства царёва любимца! Страна ликовала, что убитого не объявят святым!..

Конечно же, я понимаю, что историю пишут победители. И что всем силам, которые сменяли друг друга после Февраля, выгодно было выставить Григория именно как исчадие Тёмных сил, и, соответственно, зафиксировать всенародное ликование по поводу этого убийства. Потому и не стоит воспринимать его (свидетельство о ликовании, понятно) слишком буквально. И всё же... Отпевание «старца» прошло с нарушениями канонов, власти всерьёз опасались народных волнений, если отправить тело на родину... Опять же непосредственных исполнителей убийства любимца царской семьи, по сути, не наказали.

И о каком авторитете государя можно вести речь?..

Нет-нет, я понимаю, что основная масса крестьянства по-прежнему оставалась монархически настроенной. Однако родившаяся в незапамятные времена поговорка, что «царя за боярами не видно» срабатывала и теперь. И если образ царя оставался для многих сродни репутации жены Цезаря, то его окружение вызывало у народа всё большее озлобление.

Вернёмся к нашему солдату, которого мы изобразили своим поводырём по январю 17-го.

Из событий Февраля мы знаем, что Петроградский гарнизон в абсолютном своём большинстве поддержал антицарский переворот и присоединился к общенародному ликованию. Казалось бы: здесь же служили в первую очередь гвардейцы, военная привилегированная элита!.. Почему ж так вышло-то?.. Да очень просто. Наиболее боеспособные части находились на фронте, а в окрестностях столицы размещалось множество запасных частей. Как известно, учебные подразделения в Русской армии учредил веком ранее Михаил Барклай-де-Толли. И вот теперь перед отправкой на фронт вчерашние крестьяне проходили на базе военных городков ускоренную военную подготовку.

Современники сообщают, что условия, в которых проживали новобёрстанские солдаты, были ужасающими. Казармы переполнены в несколько раз... Вот тут-то как раз у агитаторов имелись все условия для разлагающей работы. Люди воевать не хотели, и каждое слово против войны падало на благодатную почву. И попробуй выявить пропагандиста в этой превышающей все допустимые нормы скученности людей, которые ещё не стали единым коллективом!..

Да здесь только и жили надеждой, что прозойдёт нечто – и на фронт не придётся ехать!..

От апологетов царизма сегодня постоянно слышатся обвинения в адрес «красной пропаганды»: мол, не было в России накануне революции никакого голода! Это, мол, клевета и происки, искусственно подтасованные факты.

Но вот берём документ – 16 января царь-батюшка вводит уголовную ответственность за искусственное взвинчивание цен на продукты питания. И параллельно объявляется кампания против «челноков», которые начинают курсировать между городом и деревней, осуществляя натуральный обмен. Как писали современники, хлеб в деревне имелся, однако у крестьянина не было, скажем, тех же иголок... А стремительно нараставшая гиперинфляция вообще вдребезги разрушала систему товарно-денежных отношений в стране. Это уже не пропаганда – это факт!

Россия впервые в своей истории столкнулась с инфляцией именно в предреволюционный период, а не после него. Стремительное обесценивание рубля началось при царе – «керенки» появились позднее.

Известно, что там, где курс бумажных денег привязан к некому золотому номиналу, инфляция если и имеет место, то весьма умеренная. Там, где печатный станок работает вне взаимосвязи с реальным обеспечением валюты... Да что там – довольно окинуть взглядом нашу историю с 1992 года!..

Итак, если подытожить январь 1917 года, что мы видим?... Гиперинфляция. Нарушение по этой причине внутреннего товарооборота. Городу не хватает продуктов и топлива – не забудем, что

идёт зима, а котельных для центрального всеобщего отопления не существует, этим страна займётся при советской власти. На селе дефицит промышленных товаров (как тут не вспомнить батюку Ангела в фильме «Адъютант его превосходительства»?)... Вводятся ограничения на пассажирские железнодорожные перевозки. Ширится саботаж – и исходит он не от рядового работника, а от чиновничества.

В обществе нарастают антивоенные настроения. На фронт призываются в основном крестьяне – рабочие нужны на заводах, а село властям видится неисчерпаемым источником «серой скотинки»... А уж крестьянин и вовсе не понимает, зачем ему война!.. Ладно, делаем скидку на изначальное верноподданничество крестьянства – так оказываясь в запасных батальонах, молодые парни тут же подпадают под пропаганду поднаторевших в болтологии краснобаев-революционеров всех мастей...

Замечу к слову, что большевики в тот момент вообще никакого особого веса в политическом раскладе оппозиционных сил не имели. Преобладали эсеры, а вот они вообще говорили с селянином на одном языке!..

Да и вообще, все агитаторы говорили одно и то же: долой войну! И народ с этим лозунгом охотно соглашался.

...А некоторые события января 1917 года и вовсе кажутся странными... Нет-нет, я сейчас не о себе – о том условном фронтовике, с позиций которого мы пытаемся рассматривать события вековой давности.

Скажем, 5 января в Санкт-Петербурге открыли Дворцовый мост. Допустим, к этому известию солдат отнесётся с каким-то пониманием – строительство есть строительство, и мосты нужны всегда. Но вот 20 января в Петрограде создано Всероссийское ботаническое общество.

– Это ж кто такие ботаники? – спросит солдат, читая газету в полутёмной землянке у печурки и слушая, как завывает снаружи морозная метель, время от времени прошиваемая стрёкотом пулемёта.

– А это которые деревья в лесу считают, – ответит более просвещённый однокашник.

– Делать им больше во время войны нечего!.. – ворчит первый, так и не в силах уяснить, зачем во время войны ботаникам вдруг потребовалось объединяться в некое общество.

Он переворачивает страницу. И читает о том, что 11 января в России открыт первый в России заповедник – Баргузинский...

Тут уж, думаю, и более продвинутый товарищ оказывается в тупике, не в силах разъяснить, зачем этот заповедник понадобился именно сейчас...

Фронт и тыл живут разными представлениями о насущных потребностях!

...Ну хорошо, о народе поговорили, о солдате – тоже... А что же царёво окружение?..

Можно спорить о том, хорошие люди входили в него или нет... Но дураков там нашлось бы не слишком много. Уж в высших эшелонах власти понимали, что государь страну ведёт куда-то не туда...

Разговоры о том, что нужно отстранить от власти Николая Александровича и Александру Фёдоровну, и вместо них возвести на трон кого-то другого из рода Романовых велись уже едва не в открытую. Например, предлагалась кандидатура великого князя Дмитрия Павловича, который стал очень популярным в обществе после личного соучастия в убийстве Распутина. Говорили о Николае Николаевиче, который ещё недавно исполнял обязанности Верховного главнокомандующего Русской армии...

Выше уже говорилось, что в вопросах истории я противник всевозможных допущений. Однако рискну высказать уверенность, что если бы на тот момент, т. е. на январь 1917 года, кто-то из многочисленного семейства «принцев крови» дома Романовых взял на себя смелость перейти от салонного фронтирования к реальным действиям и возглавить заговор, сместил безвольного Николая, воодушевил монархические силы России и принял меры по наведению в стране жёсткого порядка...

Не рискнул ни единый человек.

И после этого нам втюхивают лапшу про преимущество монархического строя!

Нет, друзья мои, монархия в России сама себя дискредитировала правлением Николая Александровича!

Просто невозможно не вспомнить его пресловутый дневник.

Вот скажите, а зачем человек вообще ведёт дневник?.. Чтобы записать какие-то мысли, порассуждать о чём-то, чтобы со временем перечитать его и вновь пережить давно ушедшие дни, вернуться к некогда передуманным мыслям...

Но вот читаю в дневнике государя... Написано как раз в том же январе... «Встречался с Беляевым»... И что решили на пару Верховный Главнокомандующий и военный министр в связи с неудачей под Митавой и странным поведением генерала Рузского?.. «Я был в черкеске»... Да какое кому дело, в какой костюм облачился царь, когда страна сползает в пропасть?.. «2,5 часа гулял по парку»... Хорошо, здорово, что гулял – только о чём ты в это время думал?.. «Вечером читал вслух»... Кому и что читал?..

И так – изо дня в день!..

Впрочем, что уж тут воду толочь!.. Остаётся только повториться: в том, что произошло в Феврале, повинен Николай, только Николай и никто кроме Николая!

...Он ещё целый месяц будет оставаться государем всероссийским. У него оставался целый месяц для того, чтобы в конце концов не оказаться на лестнице, ведущей в подвал Ипатьевского дома, да к тому же в сопровождении семьи и самых верных приближённых...

У него оставался целый месяц, чтобы не позволить России расколоться на множество осколков – географических, идеологических, национальных...

Но мы знаем, что историю не переписать... Россия сползала в Февраль...

Свидетельства очевидцев

Л. Пунин

Телефонный кабель шёл от нас прямоком в немецкие окопы...

Журнал впервые публикует воспоминания подпоручика Льва Пунина, встретившего революцию на фронте

Автор «Воспоминаний о Февральской революции на фронте 12-й армии» – мой дед, Лев Николаевич Пунин, кадровый военный, преподаватель Военно-транспортной академии, историк, участник Первой мировой, Гражданской, Советско-финской и Великой Отечественной войн. В 1917 году служил в отряде Особой важности атамана Пунина, располагавшегося на выдвинутом участке фронта в районе местечка Старый Кеммерн (близ Риги). Это формирование выпол-

няло специальные разведывательные задачи и было одной из наиболее дисциплинированных и спаянных частей 43-го армейского корпуса 12-й армии Северного фронта.

Лев Николаевич оставил бесценные свидетельства, в том числе и о том, как на фронте встретили Февральскую революцию. Публикуется в сокращении.

*Публикация Ольги Хорошиловой,
кандидата искусствоведения*

Лев Николаевич Пунин, начальник курсов усовершенствования командного состава при Училище военных сообщений им. М. В. Фрунзе. 1934 год. Фото из личного архива автора

«В тылу окопались... сытые барчуки...»

В конце декабря 1916 года 12-я армия перешла в наступление почти накануне праздника Рождества, в связи с чем это наступление было названо Рождественским... Надо сказать, что в успех этого предприятия никто не верил. И офицеры нашего отряда тоже. Наступление началось в ночь на 23 декабря внезапной атакой по обоим берегам реки Аа в общем направлении на Митаву. Перед наступлением дух войск, особенно у сибирских и латышских стрелков, был в целом хорошим. Однако первый успех скоро захлебнулся, атакующие были остановлены контратаками германцев, и успех всего наступления был тогда предрешён.

Моя часть вела тяжёлые бои на правом фланге наступающих, в районе болота Тируль (недалеко от местечка Кеммерн). 26 декабря нам была поставлена задача содействовать атаке 6-й особой пехотной бригады генерала Евгения Васильевича Лебединского... Встретив огневое сопротивление германцев, бригада сперва залегла перед проволочными заграждениями, а потом начала отступать и даже бежать назад. Мне пришлось беседовать не только с солдатами, но и с офицерами этой бригады. Общий тон их объяснений сводился к тому, что: «Мы своё отвоевали, воюем уже три года, не раз были ранены, а теперь опять послали умирать, за что? В тылу окопались многие сытые барчуки и купчики, они пороха не нюхали, а нас посылают на расстрел».

Но особенно серьёзные события, предвосхитившие Февральскую революцию, произошли в двух сибирских стрелковых полках 6-го и 2-го Сибирских корпусов нашей 12-й армии. Перед наступлением они взбунтовались, отказались идти в бой, предъявили командованию ряд требований. В итоге командованию удалось произвести массовые аресты. Военно-полевой суд армии решил виновных расстрелять, а сочувствовавших им сослать на каторгу.

Всего было расстреляно несколько десятков человек (в одном 17-м полку – 24 человека).

Весть о расправе над своими же солдатами быстро облетела все части 12-й армии и, естественно, стала темой бесед как среди офицеров, так и – особенно – среди солдат. Солдаты задавали мне каверзные вопросы: «Кто виноват, что солдаты взбунтовались? Почему среди казнённых нет офицеров, ведь они тоже не пошли в наступление? Кому на пользу эти новые жертвы войны? Скоро ли кончится эта жестокая бойня?».

Признаюсь, трудно было офицеру найти убедительные ответы...

«Солдаты веселились и танцевали»

В середине февраля на наш фронт стали проникать слухи о беспорядках в Петрограде, о стачках и демонстрациях рабочих, об указе царя о роспуске Государственной Думы и об отказе думцев выполнять это постановление. Всё это подогревало и так уж накалённую атмосферу. Все ждали грозы... Несколько дней не поступали газеты из Петрограда, и это обстоятельство ещё сильнее нас нервировало.

Рождались различные, иногда весьма фантастические слухи и высказывались самые разнообразные мнения о возможности революции. Наконец, пришли первые газеты. Крупным шрифтом было написано: «РЕВОЛЮЦИЯ»... Среди газет появились «Известия» – орган Комитета петроградских журналистов, – раздававшиеся бесплатно (первый номер вышел 27 февраля). В нём мы прочитали как о создании Временного комитета Государственной Думы, так и о создании Совета рабочих депутатов.

В следующем номере «Известий» от 28 февраля были заголовки: «Газеты не выходят. События идут слишком быстро. Население должно знать, что происходит». В этом номере газеты наряду с обращением к населению Временного комитета Государственной Думы объявлялось воззвание Совета рабочих депутатов к населению Петрограда и России. В воззвании было сказано: «Борьба ещё продолжается; она должна быть доведена до конца. Старая власть должна быть окончательно низвергнута и уступить место народному правлению. В этом – спасение

России. Для успешного завершения борьбы в интересах демократии народ должен создать свою собственную властную организацию.

Одновременно со всеми другими газетами мы неожиданно получили «Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов». Этот новый орган свидетельствовал о том, что в Петрограде рабочие теперь вместе с солдатами гарнизона создали «свою собственную властную организацию». Местные рижские газеты («Рижское обозрение» и «Рижское утро») перепечатывали материалы петроградских и московских газет, поэтому они нас особенно интересовали. В качестве курьёза стоит только упомянуть о том, что редакторы этих газет, видимо, мало разбирались в происходивших событиях, если 6 марта напечатали объявление театра «Юнона», приглашавшего смотреть («Только у нас!») картину «Трёхсотлетие царствования Дома Романовых», когда Романовы уже несколько дней назад навсегда перестали царствовать в России.

Повсюду в 12-й армии солдаты веселились и танцевали, песни раздавались целые дни. Офицеры тоже поздравляли друг друга и охотно шли читать газеты солдатам своих подразделений. Обычно такое чтение заканчивалось общим криком «ура», и офицера качали. На груди солдат появились красные банты, неизвестно откуда и кем доставленные. Впрочем, наши офицеры отнюдь не все охотно надевали эти банты, и даже в этой, может быть, мелочи сказалось разделение офицеров на сторонников «старого режима» (их на фронте в это время было меньшинство) и на сторонников революции, свободы и демократии.

Конечно, как это показали последующие месяцы, среди офицеров, будто бы поддержавших революцию, оказались и шкурники, и трусы, и провокаторы, приколовшие красные банты исключительно ради маскировки.

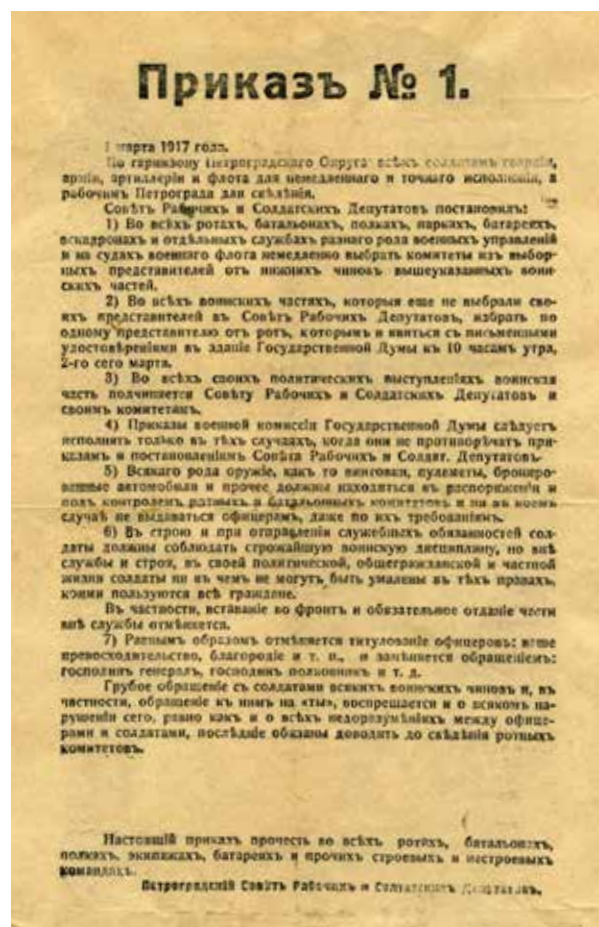

Митинг в пехотном полку Северного фронта. Весна 1917 года. Фото из личного архива автора

«Мы не знали, какие точно партии существуют...»

Что же было делать нам, боевому сработавшему отряду в таких тяжёлых политических и военных обстоятельствах? Приходилось, конечно, изворачиваться в разговорах с солдатами, чтобы не допускать подрыва авторитета начальника отряда. До нас доходили слухи о стычках, произошедших между офицерами и солдатами в соседних частях. Но, к счастью, в нашем отряде офицеры всё ещё пользовались авторитетом, и потому солдаты требовали от нас пока лишь пояснений к происходившим событиям. Однако, что же мы им могли сказать, мы, для которых в соответствии с императорским уставом все враги делились исключительно на «внешних» и «внутренних»?

Подавляющее большинство наших офицеров были совершенно безграмотными в вопросах внутренней политики. Мы не знали, какие точно партии существуют, какие у них программы и что эти программы обещают народу и солдатам. Выходившие газеты различных направлений мало помогали разбираться в этих сложных вопросах...

Экземпляр Приказа № 1 из Петрограда, полученный Львом Пуниным

Приказ № 1 опрокинул традиции русской армии...

Возникшее тогда двоевластие нас смутило, и разобраться в этом сложном сплетении политического руководства было очень трудно, особенно в боевой обстановке, на фронте. Наиболее властно мы почувствовали роль Советов, когда в «Известиях Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов» прочитали исторический Приказ № 1, опрокидывавший истарисложившиеся традиции в русской армии.

У нас в части солдаты были также очень взволнованы и этим приказом, и начавшимися разговорами об упразднении боевых наград и прекращении выплаты положенных за них пенсий, которые в солдатском бюджете играли значительную роль. Солдаты то и дело спрашивали у меня: «Ведь мы кресты получали за геройство, за храбрость, за защиту России от германцев? Вы вон тоже кавалер – разве вам не обидно снять заслуженные боевые награды? ведь мы с вами вместе их заработали».

Вскоре, однако, в местной газете появилась заметка: «Георгиевские кавалеры могут быть спокойны», в которой сообщалось, что отменяются обычные ордена, а боевые награды и получаемые за них пенсии сохраняются. Солдаты мои успокоились. Вскоре даже была установлена новая боевая награда – Георгиевский серебряный крест (то есть солдатского образца) с серебряной лавровой веткой на ленте. Этой награды удостоивались лица командного состава по приговору общего собрания солдат, и данная награда была весьма завидной, так как свидетельствовала не только о храбрости того, кому назначалась, но и об отношениях к нему солдат.

Во исполнение пункта первого Приказа № 1 в нашем отряде и прочих частях 12-й армии в первых числах марта 1917 года начались выборы комитетов. Так как Положение о порядке выборов, о правах и обязанностях комитетов были опубликованы только в двадцатых числах марта, первые выборы происходили без всяких инструкций. Иными словами, царил полный хаос. В состав первых комитетов решено было включить наиболее уважаемых массой солдат и даже офицеров, хотя в Приказе № 1 было точно указано, что комитеты создаются «из выборов нижних чинов».

Политические убеждения первых «комитетчиков», как их тогда стали называть, были самые разнообразные. Стало ясным, что для правильного направления деятельности комитетов нужно иметь определённую политическую программу. Выборы делегатов в комитет 12-й армии показали, что армия неуклонно революционизируется, и главное было в том, что делегатам строго наказывали стоять на «лат-

форме» (как тогда говорили) тех, кто стоит за мир во что бы то ни стало, то есть мир без аннексий и контрибуций (хотя, признаюсь, среди наших нижних чинов почти никто не понимал значения этих громких слов).

То и дело звучал лозунг: «Долой помещиков и капиталистов».

8–9 марта 1917 года в Риге состоялся съезд депутатов 12-й армии, который образовал исполнительный комитет Совета солдатских депутатов (ИСКОСОЛ 12). В эти же дни состоялся съезд офицерских депутатов 12-й армии, на котором был выбран исполнительный комитет Совета офицерских депутатов (ИСКОМОФ 12). Но он просуществовал недолго, а в ИСКОСОЛЕ 12 развернулась настоящая нешуточная борьба между представителями соглашательских партий и большевиками.

И всё это трудное и странное время, пока в тылу, в Риге вели политические речи, наш отряд продолжал оставаться на передней линии фронта. Солдаты всё ещё подчинялись офицерам...

Александр Гучков.

Фото: из личного архива Ольги Хорошиловой

«Обрадованные до глубины души низвержением правительства...»

Начало марта 1917 года ознаменовалось и другим важным для всех нас событием. В связи со свершившейся революцией собранием офицеров и нижних чинов было решено послать к новому военному министру, Александру Николаевичу Гучкову, депутацию от нашего отряда. В своё время он сделал много для формирования нашей части, и теперь мы сочли правильным и своевременным явиться к нему, выразить свою поддержку новому правительству, а также донести до него желание всех чинов – чтобы наш отряд получил название «имени атамана Пунина».

Делегация Отряда особой важности после приёма у Александра Гучкова. В центре сидят офицеры отряда: подпоручик Александр Пунин (слева) и корнет Домбровский. 9 марта 1917 года.

Фото из личного архива Ольги Хорошиловой

Сказано – сделано. 9 марта наша делегация в составе пяти нижних чинов и двух офицеров была у военного министра на приёме и между прочим передала ему официальный адрес от отряда. Вот его текст:

«Ваше Превосходительство, Глубокоуважаемый Александр Иванович.

Мы, офицеры и нижние чины Конного отряда особой важности при штабе Главнокомандующего армиями Северного фронта, обрадованные до глубины души низвержением правительства, приведшего нашу дорогую Родину на край гибели и оттолкнувшего от себя своими преступлениями всех верных сынов её, приносим Вам и просим Вас передать всем представителям нашего Великого народа наше искреннее поздравление с переходом власти в руки Государственной Думы. Находясь на боевом посту и посему лишённые возможности лично, в полном составе, явиться в Ваше распоряжение, мы, партизаны, привыкшие с улыбкой на лице прямо смотреть в глаза смерти, одушевлённые любовью к России и уверенные в близкой победе над вторгнувшимся в её пределы врагом, клянемся в том, что до последней капли крови будем верны нашей дорогой Родине и тому образу правления и Правительству, кои будут выбраны нашим народом. Дай Бог Ве-

ликой России счастья, процветания и победы над врагами её внешними и внутренними.

Март 9-е, 1917 года».

Боевым молодцеватым видом солдат и офицеров Гучков остался весьма доволен. И его отношение повлияло на дальнейший ход событий – уже в двадцатых числах марта наш отряд получил официальное разрешение именоваться «Конным отрядом особой важности имени атамана Пунина». Мы все ликовали.

12-я армия захлебнулась в политических спорах

Тем временем ситуация в частях 12-й армии ухудшалась день ото дня. После свершившейся революции, в марте, но особенно в апреле в наших частях усилились политические разговоры. Казалось, что вся 12-я армия только и делала, что занималась политикой, забыв о своих прямых обязанностях. Порядка не было, большинство частей уже открыто не желали воевать. Наши партизаны, отдав им должное, высказывали единодушное желание продолжать боевую работу, хотя теперь нам активно мешала наша же русская пехота.

В апреле и мае было несколько случаев, когда в расположение отряда пехотинцы ночью бросали бомбы.

Масла в огонь подливали германцы, прекрасно знавшие об атмосфере в 12-й армии. Они периодически разбрасывали прокламации, призывавшие кончать с войной. Любопытную листовку мы сняли с проволоки у наших позиций – в ней немцы, обращаясь к нашим солдатам, винили в войне Англию, утверждая, что сами они желают лишь мира. Кроме того, мы обнаружили телефонный кабель, шедший от позиций нашей пехоты напрямик в немецкие окопы. Провод был снят. Но разве это могло повлиять на общую ситуацию...

Весной–летом 12-я армия окончательно потеряла боеспособность, захлебнувшись в политических спорах. И на наш отряд возложили обидную функцию конной полиции – часть офицеров и партизан откомандировали в расположение 180-й пехотной дивизии. Они рыскали по фронту, участвовали в подавлении бунтов в частях нашей пехоты, конвоировали в тыл зачинщиков. Такая работа была не по душе никому. Мой старший брат Александр, новый начальник отряда имени атамана Пунина, жаловался в письме:

«Служба нелёгкая, ответственности много, удобств никаких... Жаль только, что не было специальной работы. Гонялись в качестве стражи за дезертирами. При усмирении пехоты наш отряд отличился, выступив против 180-й пехотной дивизии, из которой изъято было и арестовано 33 зачинщика. Работой нашей довольна дивизия армии и комиссары. Но хочется настоящей боевой работы, без которой наряд боевой портится».

Поручик Лев Пунин (в центре) с нижними чинами отряда Особой важности. Несмотря на революционные события, отношения между офицерами и солдатами оставались товарищескими. Весна 1917 года.

Фото из личного архива Ольги Хорошиловой

Такого же мнения были и наши нижние чины: «Нам здесь много раз хуже, чем вам под Ригой, – писал партизан Бурлаков. – Здесь работы по самую глотку, лошадей совсем загнали. И всё зря. Каждый день ездили на усмирение пехоты. Возим как фараоны арестованных в Двинск. Одним словом, служба ни к чёрту – лучше бы быть снова в полку».

Произошедшая революция отразилась не только на моральном облике наших солдат. Она оказала влияние на ход военных операций. Её последствия мы со всей силой почувствовали позже – во время летнего наступления германской армии, в результате которой нам пришлось оставить Ригу.

Борис Савинков

Из статьи «Вольное казачество»

...При царе слово «казак» вызывало недобрые чувства. Казак – значит нагайка. Казак – значит усмиритель. Казак – значит «Боже, царя храни». Была ли заслуженна эта репутация?

Да, конечно, при царе казаки «усмиряли». Но ведь и фанаторийцы, и семёновцы усмиряли тоже, и 9 января 1905 года народная кровь пролилась в Петрограде потому, что стреляли пехотные части. И как было не стрелять? Кто отказывался стрелять, тот сам был расстрелян. Когда при царе меня арестовали жандармы, солдаты Белостокского полка, которые вели меня в крепость, говорили мне – «арестанту»: «Мы знаем, что ты за землю и волю, значит, за правду, значит, за нас. Но если побежишь, будем стрелять, потому что иначе нас расстреляют».

Настал 1917 год. Вспыхнула февральская революция. Если бы не казаки, протопоповские жандармы бы подавили «бунт». Казаки, если не ошибаюсь, присоединились к «бунтовщикам» и пошли против Николая II. Сперва казаки, а затем уже гвардии Волынский полк. Русским людям, любящим родину, для которых режим Распутиных, Штюрмеров, станowych, губернаторов и жандармов так же ненавистен, как режим Троцких, чрезвычайек, совдепов, циков, не следует забывать этой великой казачьей службы. «Усмиритель»-казак в феврале 1917 года показал себя истинным сыном народа и верным слугой демократической и свободной России.

Донцы, кубанцы, терцы, оренбуржцы, уральцы, астраханцы, забайкальцы, амурцы первые отозвались на призыв «За Родину и свободу».

«Совет союза казачьих войск», членом которого я состоял и с ведома которого я приписан к станице Пашковской Кубанского войска, первый выступил против большевиков: две донские сотни защищали Временное правительство 25 октября. 30 октября того же 1917 года опять-таки казаки, под начальством генерала Краснова, пытались освободить Петроград от Троцкого и К°. Их усилия разбились в неравном бою под Пулково. С тех пор и по нынешний день казаки ни на минуту не сложили оружия, ни на минуту не отреклись от Родины и не перестали защищать свободу...

«Кубанцы и самостоятельность»

...Так называемое «самостийное» движение среди казачества принято рассматривать почти как государственное преступление. Так его рассматривали и Колчак, и Деникин. Так его рассматривают Авксентьев, Керенский, Милюков.

Люди, которые торжественно заявили и заявляют, что они борются за свободу, когда речь идёт не только о свободе нашей, великороссов, но и свободе остальных народов, входивших в состав бывшей Российской империи, и в частности, и может быть, в особенности о свободе казачьей, не колеблясь ни на мгновение отрицают эту свободу.

Чем объяснить это вопиющее противоречие? Я спрашиваю: почему москвич имеет право на управление своей родиной, страну,

а кубанец или донец лишён этого права? Я спрашиваю: почему москвич, имея право на управление своей родной страной, посягает ещё на управление Кубанью и Доном? И я спрашиваю: почему кубанец или донец обязаны умереть за Москву?

Мне скажут: нет донцов, нет кубанцев, нет терцев, есть только русские люди. Казаки – те же великороссы, но отселившиеся на окраины государства.

Да, конечно, казаки такие же православные, говорящие на русском языке русские люди, как и великороссы (не забудем, однако, что на Кубани есть немало казаков-украинцев). Но ведь у казачества свой особый уклад, свои особые нравы, своя история, свои законы. Но ведь казачество не покушается на Москву и не отрекается от Москвы. Но ведь казачество желает только одного – чтобы мы, великороссы, не вмешивались в его, казачьи, дела и не насильствовали его, казачьей, воли. Я не сомневаюсь, что независимые Дон, Терек, Кубань найдут приемлемый, достойный и их, и Москвы, и выгодный для нас всех способ сожительства с свободной Великороссией. Но способ этот должен быть утверждён не принудительно, не вооружённой рукой, а добровольным и добросовестным приглашением.

Казаки были готовы грудью защитить родные станицы. На Дону, на Маныче, на Кубани легли тысячи и тысячи казаков в борьбе против коммунистической власти. Но Деникину слышался перезвон московских колоколов, и казаки пошли на Москву, и усеяли своими трупами путь до Орла, и вернулись в Новороссийск к «пароходным дымкам». Разумно ли поступил Деникин? Как знать. Может быть, кубанцы, терцы, донцы отстояли бы свои казачьи земли, если бы не поход на Москву. И, может быть, не было бы ныне горя казачьего, того тяжкого горя, которое ходит по белу свету, мыкаясь по Турции, Болгарии, Германии, Сербии, Польше в то время, когда заливаются слезами родные станицы.

Принуждением не выстроится Россия. Пулемётами воедино не соберётся. Когда в Москве падёт враждебная народу власть, когда в Москве не будет ни Троцких, ни Романовых, ни жандармов, ни чрезвычайцев, ни генерал-губернаторов, ни комиссаров, когда в Москве будет мир и свобода, – независимое казачество само протянет руку, положит первый камень государственному строительству новой, «третьей» России, народной, крестьянской, казачьей...

Из сб. «Статьи по национальному вопросу». – Варшава, 1921.

Переворот, а не революция. Депутаты хотят переписать учебники истории

По мнению депутатов Госдумы, события столетней давности не должны расцениваться как нечто позитивное, а потому терминологию стоит поменять. Слово «переворот» напомним о дворцовых заговорах.

В российских учебниках Февральскую революцию предлагают назвать переворотом 1917 года. Соответствующее обращение министру образования Ольге Васильевой направил зампред Комитета Госдумы по образованию Борис Чернышов (документ есть в распоряжении Лайфа). Депутат утверждает, что термин «переворот» в отношении февральских событий столетней давности – более подходящий, так как в основе произошедшего был заговор, и это печальный факт в российской истории.

Как подчёркивает Чернышов, в большинстве российских учебников период, когда происходили «массовые антиправительственные выступления рабочих и солдат», зря показан с положительной стороны. Ведь эти события, как утверждает парламентарий в обращении, привели «к краху Российской империи и отречению Николая II от престола».

– Февральский и октябрьский перевороты и последовавшая за ними Гражданская война не могут отмечаться в качестве дат, памятных для России, поскольку эти годы запомнились развалом великой державы и истреблением русских русскими. Более того, первые 10 лет после свержения монархии сами большевики и их союзники отмечали эту дату именно как годовщину февральского переворота, – говорит в письме к министру Чернышов. – Сначала были заговор и переворот, а только потом закрепившиеся у власти большевики стали заниматься преобразованиями, которые можно считать революционными.

Поэтому Чернышов убеждён, что следует заменить в учебных пособиях слово «революция» на «переворот».

Однако историки с мнением депутата категорически не согласны.

– Вопрос, связанный с понятиями «великая русская революция» и «российская революция», нужно начинать изучать с 1905 года. И само слово «переворот» относится непосредственно к событиям октября 1917 года. Так большевики во главе с Лениным их называли, – говорит профессор кафедры истории России РУДН Елена Котеленец.

Историк и член ЦК КПРФ Михаил Костриков считает, что революция в феврале 1917 года действительно таковой была: тогда Россия перестала быть феодальным государством.

– Вопрос по Февральской революции исследовался на протяжении почти ста лет. Конечно, подобные мнения (о том, что всё-таки был переворот. – Прим. Лайфа) высказывались и раньше, но, насколько я знаю, из числа историков абсолютное большинство такое мнение не разделяют.

Революция – это явление, смена социально-экономической формации. По форме может проходить как угодно: вооружённое восстание, массовое выступление людей, а также как переворот. Но совершенно очевидно из событий, происходивших в феврале, что движение там было массовым, – поясняет Костриков.

– Говорить о том, что в том месяце был большой террор, тоже не приходится, это свойственно царскому правительству в отношении собственного населения. Тому примеры – Ленский расстрел и Кровавое воскресенье. Гражданская война началась существенно позже и при вмешательстве внешних сил. Поэтому Февральская революция не может сводиться к какому-то заговору и перевороту, это событие, которое привело к провозглашению республики в сентябре 1917 года, – обратил внимание историк.

В свою очередь доцент кафедры всемирной и отечественной истории МГИМО Татьяна Черникова напомнила, что Февральская революция имела чисто стихийный и народный характер.

– С 23-го по 28-е число было фактическое действие масс, и в ходе революции было крайне мало пострадавших: в тот момент, когда войска перешли на сторону оппозиции, а произошло это очень быстро, жертв не было. Единственные, кто пострадал, – так это жандармы и полицейские, а их было не так много: все разбежались и попрятались.

Также Черникова добавила, что сегодня в научных кругах обсуждается предложение объединить Октябрьскую и Февральскую революции в единый революционный процесс и назвать его Великой русской революцией.

Источник: <http://historicaldis.ru/blog/43144313443/Perevorot,-a-ne-revolyuutsiya.-Deputaty-hotyat-perepisat-uchebni>

Как истребляли казачество

Михаил Шолохов – Сталину: «Я видел такое, чего нельзя забыть до смерти: ...ночью, на лютom ветру, на морозе, когда даже собаки прячутся от холода, семьи выкинутых из домов жгли на проулках костры и сидели возле огня. Детей заворачивали в лохмотья и клали на оттаявшую от огня землю. Сплошной детский крик стоял над проулками. Да разве же можно так издеваться над людьми?».

Поскольку дискуссия о казачестве в последнее время ожесточилась и многие участники имеют смутное представление о том, как обошлись с казачеством в сталинские времена, предлагаем вниманию читателей следующие архивные документы:

Директива ВЦИК от 24 января 1919 года «Об истреблении казачества»:

«Последние события на различных фронтах в казачьих районах – наши продвижения вглубь казачьих поселений и разложение среди казачьих войск заставляют нас дать указания партийным работникам о характере их работы при воссоздании и укреплении Советской власти в указанных районах. Необходимо, учитывая опыт года гражданской войны с казачеством, признать единственно правильным самую беспощадную борьбу со всеми верхами казачества путём поголовного их истребления. Никакие компромиссы, никакая половинчатость пути недопустимы.

Поэтому необходимо:

1. Провести массовый террор против богатых казаков, истребив их поголовно; провести беспощадный массовый террор по отношению

ко всем вообще казакам, принимавшим какое-либо прямое или косвенное участие в борьбе с Советской властью. К среднему казачеству необходимо применять все те меры, которые дают гарантию от каких-либо попыток с его стороны к новым выступлениям против Советской власти.

2. Конфисковать хлеб и заставить ссыпать все излишки в указанные пункты, это относится как к хлебу, так и ко всем другим сельскохозяйственным продуктам.

3. Принять все меры по оказанию помощи переселяющейся пришлой бедноте, организуя переселение, где это возможно.

4. Уравнять пришедших «иностранцев» к казакам в земельном и во всех других отношениях.

5. Провести полное разоружение, расстреливая каждого, у кого будет обнаружено оружие после срока сдачи.

6. Выдавать оружие только надёжным элементам из иностранцев.

7. Вооружённые отряды оставлять в казачьих станицах впредь до установления полного порядка.

8. Всем комиссарам, назначенным в те или иные казачьи поселения, предлагается проявить максимальную твёрдость и неуклонно проводить настоящие указания.

ЦК постановляет провести через соответствующие советские учреждения обязательство Наркомзему разработать в спешном порядке фактические меры по переселению бедноты на казачьи земли.

Подпись:

Я. М. Свердлов».

Источник: Известия ЦК КПСС, 1989, 6. С.177–178.

Из переписки писателя М. А. Шолохова с И. В. Сталиным

*М. А. Шолохов – И. В. Сталину
4 апреля 1933 года
Станица Вёшенская*

«...Теперь о методах, которые применяли во всех колхозах района согласно установкам Овчинникова и под непосредственным руководством Шарапова. Выселение из дома и распродажа имущества производилась простейше: колхозник получал контрольную цифру сдачи хлеба, допустим, 10 ц. За несдачу его исключали из колхоза, учитывали всю его задолженность, включая и произвольно устанавливаемую убыточность, понесённую колхозом за прошлые годы, и предъявляли все платежи, как к единоличнику. Причём соответственно сумме платежей расценивалось имущество колхозника; расценивалось так, что его в аккурат хватало на погашение задолженности. Дом, например, можно было купить за 60–80 руб., а такую мелочь, как шуба или валенки, покупали буквально за гроши...

Было официально и строжайше воспрещено остальным колхозникам пускать в свои дома ночевать или греться выселенных. Им надлежало жить в сараях, в погребах, на улицах, в садах. Население было предупреждено: кто пустит выселенную семью – будет сам выселен с семьёй. И выселяли только за то, что какой-нибудь колхозник, тронутый рёвом замерзающих детишек, пускал своего выселенного соседа погреться. 1090 семей при 20-градусном морозе изо дня в день круглые сутки жили на улице. Днём, как тени, слонялись около своих замкнутых домов, а по ночам искали убежища от холода в сараях, в мякинниках. Но по закону, установленному крайкомом, им и там нельзя было ночевать! Председатели сельских советов и секретари ячеек посылали по улицам патрули, которые шарили по сараям и выгоняли семьи выкинутых из домов колхозников на улицы.

Я видел такое, чего нельзя забыть до смерти: в хут. Волоховском Лебяженского колхоза ночью, на лютном ветру, на морозе, когда даже собаки прячутся от холода, семьи выкинутых из домов жгли на проулках костры и сидели возле огня. Детей заворачивали в лохмотья и клали на оттаявшую от огня землю. Сплошной детский крик стоял над проулками. Да разве же можно так издеваться над людьми?

Мне казалось, что это один из овчинниковских перегибов, но в конце января или в начале февраля в Вёшенскую приехал секретарь крайкома Зимин. По пути в Вёшенскую он пробыл два часа в Чукаринском колхозе, и на бюро РК выступил по поводу хода хлебозаготовок в этом колхозе.

Первый вопрос, который он задал присутствовавшему на бюро секретарю Чукаринской ячейки: «Сколько у тебя выселенных из домов?»

«Сорок восемь хозяйств».

«Где они ночуют?»

Секретарь ячейки засмеялся, потом ответил, что ночуют, мол, где придётся.

Зимин ему на это сказал:

«А должны ночевать не у родственников, не в помещениях, а на улице!».

После этого по району взяли линию ещё круче. И выселенные стали замерзать. В Базковском колхозе выселили женщину с грудным ребёнком. Всю ночь ходила она по хутору и просила, чтобы её пустили с ребёнком погреться. Не пустили, боясь, как бы самих не выселили. Под утро ребёнок замёрз на руках у матери. Сама мать обморозилась. Женщину эту выселял кандидат партии – работник Базковского колхоза. Его, после того как ребёнок замёрз, тихонько посадили в тюрьму. Посадили за «перегиб». За что же посадили? И если посадили правильно, то почему остаётся на свободе т. Зимин?

Число замёрзших не установлено, т. к. этой статистикой никто не интересовался и не интересуется; точно так же, как никто не интересуется количеством умерших от голода. Бесспорно одно: огромное количество взрослых и «цветов жизни» после двухмесячной зимовки на улице, после ночёвок на снегу уйдут из этой

жизни вместе с последним снегом. А те, которые останутся в живых, будут полукалеки.

Но выселение – это ещё не самое главное. Вот перечисление способов, при помощи которых добыто 593 тонны хлеба:

1. Массовые избиения колхозников и единоличников.

2. Сажание «в холодную».

– Есть яма?

– Нет.

– Ступай садись в амбар!

Колхозника раздевают до белья и босого сажают в амбар или сарай. Время действия – январь, февраль, часто в амбары сажали целыми бригадами.

3. В Ващаевском колхозе колхозницам обливали ноги и подола юбок керосином, зажигали, а потом тушили:

– Скажешь, где яма! Опять подожгу!

В этом же колхозе допрашиваемую клали в яму, до половины зарывали и продолжали допрос.

4. В Наполовском колхозе уполномоченный РК, кандидат в члены бюро РК Плоткин при допросе заставлял садиться на раскалённую лежанку. Посаженный кричал, что не может сидеть, горячо, тогда под него лили из кружки воду, а потом «прохладиться» выводили на мороз и запирали в амбар. Из амбара – снова на плиту, и снова допрашивают. Он же (Плоткин) заставлял одного единоличника стреляться. Дал в руки наган и приказал: «Стреляйся, а нет – сам застрелю!». Тот начал спускать курок (не зная того, что наган разряженный), и, когда щелкнул боёк, упал в обмороке.

5. В Варваринском колхозе секретарь ячейки Анিকেев на бригадном собрании заставил всю бригаду (мужчин и женщин, курящих и некурящих) курить махорку, а потом бросил на горячую плиту стручок красного перца (горчицы) и не приказал выходить из помещения. Этот же Анিকেев и ряд работников агитколонны, командиром коей был кандидат в члены бюро РК Пашинский, при допросах в штабе колонны принуждали колхозников пить в огромном количестве воду, смешанную с салом, с пшеницей и с керосином.

6. В Лебяженском колхозе ставили к стенке и стреляли мимо головы допрашиваемого из дробовиков.

7. Там же: закатывали в рядно и топтали ногами.

8. В Архиповском колхозе двух колхозниц, Фомину и Краснову, после ночного допроса вывезли за три километра в степь, раздели на снегу догола и пустили, приказав бежать к хутору рысью.

9. В Чукаринском колхозе секретарь ячейки Богомоллов подобрал 8 чел. демобилизованных красноармейцев, с которыми приезжал к колхоз-

нику – подозреваемому в краже – во двор (ночью), после короткого опроса выводил на гумно или в леваду, строил свою бригаду и командовал «огонь!» по связанному колхознику. Если утращённый инсценировкой расстрела не признавался, то его, избивая, бросали в сани, вывозили в степь, били по дороге прикладами винтовок и, вывезя в степь, снова ставили и снова проделывали процедуру, предшествующую расстрелу.

9. (Нумерация нарушена самим Шолоховым.) В Кружилинском колхозе уполномоченный РК Ковтун на собрании 6-й бригады спрашивает у колхозника:

– Где хлеб зарыл?

– Не зарывал, товарищ!

– Не зарывал? А ну, высовывай язык! Стой так!

Шестьдесят взрослых людей, советских граждан, по приказу уполномоченного по очереди высовывают языки и стоят так, истекая слюной, пока уполномоченный в течение часа произносит обличающую речь. Такую же штуку проделал Ковтун и в 7 и в 8 бригадах; с той только разницей, что в тех бригадах он помимо высовывания языков заставлял ещё становиться на колени.

10. В Затонском колхозе работник агитколонны избивал допрашиваемых шашкой. В этом же колхозе издевались над семьями красноармейцев, раскрывая крыши домов, разваливая печи, понуждая женщин к сожительству.

11. В Солонцовском колхозе в помещение комсода внесли человеческий труп, положили его на стол и в этой же комнате допрашивали колхозников, угрожая расстрелом.

12. В Верхне-Чирском колхозе комсодчики ставили допрашиваемых босыми ногами на горячую плиту, а потом избивали и выводили, босых же, на мороз.

13. В Колундаевском колхозе разутых добоса колхозников заставляли по три часа бегать по снегу. Обмороженных привезли в Базковскую больницу.

14. Там же: допрашиваемому колхознику надевали на голову табурет, сверху прикрывали шубой, били и допрашивали.

15. В Базковском колхозе при допросе раздевали, полуголых отпускали домой, с полдороги возвращали, и так по нескольку раз.

16. Уполномоченный РО ОГПУ Яковлев с оперативной группой проводил в Верхне-Чирском колхозе собрание. Школу топили до одурения. Раздеваться не приказывали.

Рядом имели «прохладную» комнату, куда выводили с собрания для «индивидуальной обработки». Проводившие собрание сменялись, их было 5 чел., но колхозники были одни и те же... Собрание длилось без перерыва более суток.

Примеры эти можно бесконечно умножить. Это – не отдельные случаи загибов, это – уза-

коненный в районном масштабе «метод» проведения хлебозаготовок. Об этих фактах я либо слышал от коммунистов, либо от самих колхозников, которые испытали все эти «методы» на себе и после приходили ко мне с просьбами «прописать про это в газету».

Помните ли Вы, Иосиф Виссарионович, очерк Короленко «В успокоенной деревне»? Так вот этокое «исчезание» было проделано не над тремя заподозренными в краже у кулака крестьянами, а над десятками тысяч колхозников. Причём, как видите, с более богатым применением технических средств и с большей изощрённостью.

Аналогичная история происходила и в Верхне-Донском районе, где особо-уполномоченным был тот же Овчинников, являющийся идейным вдохновителем этих жутких издевательств, происходивших в нашей стране и в 1933 г.

...Обойти молчанием то, что в течение трёх месяцев творилось в Вёшенском и Верхне-Дон-

ском районах, нельзя. Только на Вас надежда. Простите за многословность письма. Решил, что лучше написать Вам, нежели на таком материале создавать последнюю книгу «Поднятой целины».

С приветом М. Шолохов».

Публикацию подготовил Владимир Васильевич Иванов, бывший редактор газеты «Приамурский казачий вестник».

От автора: Эта подборка архивных документов, хорошо известная российским историкам, была предложена для публикации и в газете «Приамурский казачий вестник», однако её не опубликовали, поскольку газета, финансируемая из хабаровского краевого бюджета, ориентирована исключительно на позитив. Надеюсь, читатели сайта «Дебри-ДВ» прочтут эти материалы и не будут жестоки к памяти казачества.

Интернет, сайт «Дебри-ДВ»

Справка

Прототип Григория Мелехова в романе М. Шолохова «Тихий Дон» Ермаков Харламий Васильевич был расстрелян в 1927 году.

Всего два месяца прожил Харламий с женой и детьми: в апреле 1923 года было заведено дело – Ермакова арестовали. В мае 1925 года суд оправдал Х. Ермакова и других казаков. Но в январе 1927 года Харлампия Ермакова снова арестовали. 6 июня 1927 года состоялось заседание Коллегии ОГПУ, причём без присутствия подсудимого, на котором было принято постановление: «Ермакова Харлампия Васи-

льевича расстрелять». 17 июня приговор был приведён в исполнение.

В одном из интервью Михаил Александрович говорил: «Были мысли увеличить роман ещё на одну книгу, но я их оставил».

Власти не позволили бы закончить роман расстрелом Григория Мелехова, причём не врагами советской власти, а доблестными советскими чекистами.

Генерал, Атаман, писатель...

На Дону вновь, теперь по инициативе неких знатоков и потомков «буревестников революции», поднят вопрос о закрытии музея «Антибольшевистская борьба Казачества» в станице Еланской и сносе скульптуры Атамана Всевеликого Войска Донского, генерала П. Н. Краснова в мемориале «Донские казаки в борьбе с большевиками».

Мотивировка – его сотрудничество с немцами в годы Великой Отечественной войны.

А что мы знаем о прошлой жизни и военно-политической деятельности генерала П. Н. Краснова?

Родившийся и выросший в Санкт-Петербурге, в славной своим героическим прошлым старинной казачьей семье из дворян Войска Донского, П. Н. Краснов в августе 1914 года во главе 10-го Донского казачьего генерала Луковкина конного полка выступил на фронт Первой мировой войны. За боевые отличия в 1914–1915 годах был повышен в должности до командира дивизии, досрочно произведён в генерал-майоры, награждён Георгиевским оружием, орденом Святого Великомученика и Победоносца Георгия IV степени и рядом других государственных наград.

Недавно в России скромно, но отметили историческую дату – 100 лет знаменитого Луцкого прорыва Русской армии, названного в СССР Бру-

силовским. Многие с удовлетворением узнали о том, что пошедшей первой на прорыв 8-й армией командовал донской казак А. М. Каледин. Но, к сожалению, не узнали о том, что в Луцком прорыве участвовали 4 казачьи дивизии. Действия одной из них – 2-й Сводно-казачьей дивизии – были особо отмечены в приказе Главнокомандующего, Великого Князя Николая Николаевича. А командовал ею генерал-майор Краснов, который с полным основанием может считаться одним из героев Первой мировой войны.

2 февраля 1918 года П. Н. Краснов возвратился на Дон, а 4 мая «Круг спасения Дона» подавляющим большинством голосов избрал его Донским Атаманом.

В весьма короткий срок П. Н. Краснов сформировал «молодую» Донскую армию. И пока командование Добровольческой армии ждало, но так и не дождалось сколько-нибудь серьёзной военно-технической помощи от Англии и Франции, Атаман П. Н. Краснов установил контакт с немецким командованием на Украине и в обмен на поставки продовольствия получил необходимые для Донской армии оружие, боеприпасы и технику, имевшиеся на захваченных немцами складах Русской армии. И уже к середине августа 1918 года почти вся Донская область была освобождена от большевиков.

15 сентября 1918 года Большой Войсковой Круг вновь избрал генерала от кавалерии П. Н. Краснова Донским Атаманом и утвердил разработанные при его личном участии «Основные законы Всевеликого Войска Донского». Их принятие фактически означало появление нового государственного образования «Всевеликое Войско Донское». В своей программной речи П. Н. Краснов подчеркнул: «...мы отделяемся не от России, а от большевиков!».

2 февраля 1919 года в силу сложившихся обстоятельств П. Н. Краснов вынужден был сложить с себя атаманские полномочия и покинуть родной Дон, а в конце марта 1920 года – и Россию, осев с 1923 года во Франции, а в 1936 году перебравшись в Германию.

Все эти годы П. Н. Краснов активно участвовал в общественно-политической жизни российского и зарубежного казачества: был членом Высшего монархического совета, сотрудничал с Великим Князем Николаем Николаевичем, с «Российским Общевоинским Союзом» (РОВС), был одним из учредителей «Братства Русской Правды» и др.

И... писал! Им были подготовлены рукописи 25 романов и повестей, из которых 23 были изданы, и не только на русском, но и на 12 иностранных языках общим тиражом более одного миллиона экземпляров.

«...А литературные произведения П. Н. Краснова? – писал в 1928 году С. Н. Палеолог. – Только большое русское казачье сердце могло так правдиво и талантливо изобразить всё, что нам дорого и свято...»

В 1926 году профессором славистики Карлова университета (Чехословакия) В. А. Францевым П. Н. Краснов был номинирован на Нобелевскую премию по литературе. В нескольких десятках изданий российского и зарубежного казачества публиковались отрывки из романов и повестей П. Н. Краснова, его рассказы, статьи и очерки. Некоторые из них после доработки выходили отдельными брошюрами.

«Описание Красновым быта и боевой жизни Русской армии и особенно казачьей, – отмечал учёный, генерал-лейтенант Н. Н. Головин (Франция), – это перлы русской литературы, и за одни только эти страницы П. Н. Краснов будет причислен к сонму русских классиков...»

В первый же день (22 июня 1941 года) нападения нацистской Германии на СССР 72-летний П. Н. Краснов опубликовал своё письмо к казакам, начинающееся словами: «Я прошу передать всем казакам, что эта война не против России, но против коммунистов и их приспешников, торгующих русской кровью...». Подобного содержания документы из-под пера П. Н. Краснова выходили в последующие годы не один раз.

В годы войны рассказы, очерки, статьи и отрывки из ранее изданных произведений П. Н. Краснова публиковались в газетах казачьих формирований вермахта «Казачья лава» и «Казачья земля», в журналах «На казачьем посту» и «Казачьи ведомости» (оба – Берлин), в «Казачьем листке» (Испания).

В 1942–1943 годах на временно оккупированных территориях Дона, Кубани и Терека некоторыми казачьими авторитетами, в 30-е годы сотрудничавшими с органами НКВД и в незначительной мере благодаря этому благополучно пережившими массовые репрессии 30-х годов, стали создаваться казачьи организации и вооружённые казачьи формирования.

П. Н. Краснов к их формированию отношения не имел, на временно оккупированные территории СССР не приезжал, с их руководителями не встречался.

В начале 1943 года, отступая с Кубани и Терека, местные казачьи формирования пришли на Дон и, будучи объединены с донцами, создали вооружённое формирование «Казачий Стан», насчитывавшее до 40 тысяч казаков, в том числе и гражданских беженцев. П. Н. Краснов к формированию «Казачьего Стана» отношения не имел.

18–19 июня 1943 года у П. Н. Краснова состоялась встреча с одним из руководителей СД Германии, майором Хенгельхаунтом. Обсуждался вопрос об участии казаков в борьбе против советской власти. Несколько позднее с участием сотрудника Хенгельхаунта капитана Кобуса П. Н. Красновым было подписано соответствующее обращение к донским казакам, в частности – «Казачьего Стана».

17 сентября 1943 года П. Н. Краснов приезжал в город Млау (Польша), где встречался с казаками формировавшейся там 1-й казачьей дивизии.

В середине 1944 года «Казачий Стан» в полном составе был перебросен в Северную Италию для борьбы с итальянскими партизанами и предотвращения высадки союзников.

31 мая 1944 года П. Н. Краснов был назначен начальником Главного Управления казачьих войск вермахта. Пробыв на этом посту менее 5 месяцев, он выехал в «Казачий Стан», где обосновался на вилле в 2 км от деревни Клябулиев, вёл занятия в школе пропагандистов и в организованном кадетском корпусе, участвовал в издании 99 номеров «Казачьего листка», в которых были и его публикации. При исходе «Казачьего Стана» из Италии П. Н. Краснов уходил в его рядах.

В Австрии казаки были разоружены английскими войсками, а более двух тысяч казаков-офицеров, в том числе и П. Н. Краснов, были вывезены якобы на совещание. По прибытии в опутанный колючей проволокой лагерь Шпиталь казаки узнали от английского коменданта, что подлежат выдаче СССР. Обращаясь к казачьим офицерам, П. Н. Краснов сказал: «Нас выдадут большевикам, но ударить в грязь лицом нельзя. Нас ждёт смерть, и её надо принять гордо и прямо, а не ползать...».

И выдали 28 мая 1945 года, и приговор ему был крайне суровый – смертная казнь через повешение, приведённый в исполнение 16 января 1947 года во внутренней тюрьме НКВД в Москве.

Сегодня есть основания говорить о том, что имя и литературное наследие П. Н. Краснова возвращаются в Отечество. Ведь при всей сложности, противоречивости его жизни, общественной и военно-политической деятельности и трагичности его судьбы, окутанных различными домыслами, тиражируемыми малоинформированными «знатоками» и потомками «буревестников революции», П. Н. Краснов был и героем, и певцом Исторической и Национальной России.

Один четырёхлетний период его 78-летней жизни нельзя рассматривать оторванно от остальной общественной, военно-политической и литературной деятельности!

Комментарий Почётного Атамана Амурского казачьего войска:

Я не был в Подольском музее, но очень хочу его посмотреть. Не глазами опять навязываемой нам красной власти, а глазами русского человека, не «белого» и не «красного», не «реестрового». Гражданская война и новые нувориши власти рьяно кинулись выбивать из России её тысячелетние традиции, обычаи и культуру, а вместе с ними и людей. Казачество, определённое красной властью к полному и повсеместному уничтожению, спаслось за границей. Не было им места в своей стране, как сегодня нет места нереестровым, общественным казакам. Могилы казаков разбросаны по всему земному шару, и это не их вина. Кто же захочет по доброй воле умирать на чужбине? Вот этим людям, как я понимаю, и был создан Подольский музей. Музей памяти казачеству, русскому казачеству. Мы не обсуждаем вопрос этничности казачества, речь идёт о музее скорби и памяти.

Но и здесь нашлись манкурты и принялись выискивать причины для закрытия музея. Мне непонятно, кому может мешать музей. Кому так чужда память о тех русских, которые оказались на чужбине не по своей воле, кого злой рок большевизма таскал по полям сражений. Большевизм и нацизм не могут жить без войны, это их догматы. Но дойти до того, чтобы объявить войну памяти, – это вершина беспринципности и антигуманизма. Хотелось бы думать, что музей будет продолжать свою деятельность, и тысячи русских людей смогут посетить его и молча прочесть молитву за погибших русских людей. Не «белых», не «красных», не реестровых, а просто русских казаков, превозмогших страшные невзгоды и лишения, но никогда не забывавших о Родине.

В. В. Крюков

Открытое письмо атаману

*Е. В. Цицилин,
полковник в отставке*

Кто же Вы, казак или чиновник, гражданин Степанов?

Из открытого письма Владимиру Степанову: «Ещё 1 июня 2007 г., на Третьем Большом круге казаков России, сам Патриарх Всея Руси Алексей II собственноручно публично благословил атамана Владимира Крюкова на возрождение Амурского Казачьего войска и вхождение его в реестр казачьих войск».

Я не казак, и в казачьих обществах ранее не состоял и не состою в настоящее время. Просто я длительное время работал совместно с Владимиром Крюковым, и вся его битва за возрождение Амурского Казачьего войска (АКВ) проходила на моих глазах, но без моего участия. На тот момент никакого отношения к казачеству и его проблемам я не имел, да и, говоря откровенно, не интересовался. Со временем, чисто подсознательно, заинтересовался вначале историей возникновения, становления, развития и ликвидации казачества, а затем и вопросами его возрождения на современном этапе. Не знаю, для кого как, а на мой взгляд, для АКВ возрождение в его исторических границах превратилось в настоящую битву со сторонниками и противниками, с перебежчиками и предателями, с локальными победами, а зачастую с поражениями.

Я знаю В. В. Крюкова с сентября 2008 г., в то же время и Вы, Владимир Николаевич, познакомились с ним, и впоследствии воспользовались этим знакомством для трудоустройства в аппарате правительства Хабаровского края. Знаю его как энергичного человека, успешного бизнесмена, патриота России и родового казака, беззаветно преданного идее возрождения АКВ. Да, характер у него непростой, крутой, вспыльчивый, одним словом – казак, но никто не может его упрекнуть в несправедливости и жадности, в стремлении нажиться на возрождении казачества. Ведь не секрет, и все казаки это знают, что именно В. В. Крюков нёс все финансовые издержки по обеспечению возрождения АКВ (форма одежды, денежное довольствие должностных лиц, печатный листок, почтовые расходы, содержание офисов и пр.). А сколько казаков приходило к нему за помощью со словами: «Батько, помоги!», «Батько, выручай» и т. д. И он помогал, одалживал деньги (порой очень большие деньги) просто под «честное слово казака» без какой-либо долговой расписки. Всё это было на моих глазах. А когда в 2009–10 гг., в период экономического кризиса, он обратился к своим заёмщикам с просьбой вернуть занятые у него деньги, то все как один забыли своё «твёрдое казацкое слово», стали уверять, что получали деньги безвозмездно, и разбежались в разные стороны. Некоторые, такие как Миненко А. И., Яблоков А. В., Науменко Е. Н. до сих пор прячутся, имея миллионные долги перед В. В. Крюковым. Я всегда переживал за Почётного Атамана Амурского Казачьего войска Крюкова Владимира Викторовича, но молчал. Но вот в еженедельнике «МД XXI век» была опубликована статья «Янус амурского казачества», которая поразила меня до глубины души своей подлостью и стала той последней каплей, которая переполнила моё терпение и не позволяет мне больше молчать.

Авторы опубликованного пасквиля не зря стыдливо подписались: «казаки ХКОО «Ниже-Амурский казачий округ» Амурского казачьего войска», т. к. знали, что такой общественной организации не существует, нет её на учёте в ЕГРЮЛ. Есть на учёте в ЕГРЮЛ ХКОО «Казачье землячество «Ниже-Амурский казачий округ» (ОГРН 1112700000863). Но, как говорится: «Та же Маша, но не наша». А значит, и отвечать в суде за враньё придётся только редакции еженедельника.

И вот здесь возникает вопрос: «Возможно ли, чтобы в редакции еженедельника не нашлось ни одного сотрудника, который бы проверил легитимность подписавшихся под статьёй?». Иначе получается, что любой человек может принести сомнительный, бездоказательный материал, подписаться – «Иванов, Петров, Сидоров и т. д.», и редакция сразу опубликует этот материал? Что-то в это не верится. Тем более – главный редактор еженедельника Чернышов В. С. при личной встрече с юристом Почётного атамана Амурского казачьего войска Крюкова В. В. заверил, что перед публикацией статьи консультировался с Вами, Владимир Николаевич, как с «основным региональным знатоком казачества», и при этом пообещал во всём ещё раз разобраться и опубликовать опровержение. Но своего обещания не выполнил, а после получения письменной претензии от Крюкова В. В. и вообще затих и стал недоступен. Значит, чувствует свою безнаказанность, с кем-то советуется и выполняет чьи-то указания. Думаю, что с Вами, господин В. Степанов. Слишком явно просматривается во всей этой истории Ваша патологическая ненависть к Крюкову В. В. и Амурскому казачеству в целом. Она явно начала проявляться с Вашим приходом в аппарат губернатора края на должность заведующего сектором по взаимодействию с казачеством в аппарате правительства, а возможно, и ещё раньше, когда тот же В. В. Крюков рекомендовал Вас на эту должность.

Что Вами руководило? Зависть к родовым казакам? Думаем, что нет. Скорее всего, холодный расчёт. Ведь в отличие от Крюкова В. В. деньги, необходимые на возрождение казачества, зарабатывать на стороне Вы не умели, анаоборот, существуете за счёт казачества. К тому же Вы не родовой казак (рождение в Комсомольске-на-Амуре не в счёт), и к казачеству примкнули (именно примкнули, т. к. говорить о вступлении нельзя – нет никаких сведений о том, кто и когда Вас верстал в казаки) только в 2006 году, в преддверии Вашего увольнения из органов ФСИН. Думаю, что на это Вас подвигло принятие 05.12.2005 г. Федерального закона № 154-ФЗ «О государственной службе Российского казачества», открывающего большие

финансовые перспективы для лиц, причастных к возрождению казачества (надо же на что-то жить, не на пенсию же). В это же время и, возможно, по той же (финансовой) причине к вопросу возрождения казачества внезапно стал проявлять большой интерес тогдашний губернатор Хабаровского края, правильнее сказать, интерес не к возрождению, а к созданию своего, «карманного» казачьего войска, на «создании и становлении» которого можно было плотно подсесть на государственное финансирование.

Амурское казачье войско, возрождаемое ещё с конца 80-х годов прошлого века родовыми казаками, такими как Проценко Ю. В., Крюков В. В., Фархадов А. Ф., Пушкарёв Г. Г., Фисько Е. Г., Крайнов А. Р., Супрун Н. И., Денисенко А. П. и пр. на эту роль не подходило из-за строптивости и своенравности выше названных казаков, не готовых «ломать шапки» перед губернаторскими чиновниками. Тем более, что ещё 1 июня 2007 г. на Третьем Большом круге казаков России сам Патриарх Всея Руси Алексей II собственноручно публично благословил атамана В. В. Крюкова на возрождение Амурского Казачьего войска и вхождение его в реестр казачьих войск.

И вот тут на сцене театра абсурда появился Владимир Степанов (готовый и «шапку сломать» перед кем надо, и согнуться пониже) в роли заведующего сектором по взаимодействию с казачеством в аппарате правительства, со своим богатым организационно-бюрократическим опытом. Под чутким руководством советника губернатора края Владимира Скворцова и при активном содействии консультанта сектора по взаимодействию с казачеством Георгия Голохвастова Вы развернули кипучую деятельность по дискредитации Амурского казачества и его лидеров. Цель – не допустить их входа в реестр. Параллельно Вы активно включились в работу по созданию «карманного», исторически никогда не существовавшего Хабаровского казачества.

И мне уже не кажется странным, что все попытки амурских казаков в 2009–2010 гг. согласовать с губернатором края Устав Казачьего общества «Нижне-Амурский казачий округ» разбивались о «бюрократические волнорезы» аппарата правительства края. А вот Устав вновь созданного, как по мановению волшебной палочки, Округного казачьего общества Хабаровского края, принятый 6 марта 2010 г. на экстренно собранном в краевом «Белом доме» «Большом учредительном круге», был моментально согласован губернатором и сразу зарегистрирован в Минюсте. Кстати, представители Амурского казачьего войска, на тот момент уже зарегистрированного как юридическое лицо, в лице Войскового атамана А. Ф. Фархадова и округного атамана А. П. Денисенко на этот круг допущены не были.

Этот же день стал звёздным для Владимира Степанова, «большого знатока» казачьих обычаев и традиций, «активного» участника создания «губернаторского» казачества – он был назначен (только глупец может считать его избранным) атаманом этого «казачьего» общества. Как видно, не нашлось родового авторитетного казака среди «хабаровских» казаков. Потребовался пришлый, готовый на всё ради должности.

И теперь становится понятно, почему в своём интервью главному редактору издания «Аргументы времени» В. Воейковой 27 октября 2010 г. свежеиспечённый казачий атаман отказал казачеству в культурно-этнической общности – народности, и определил его так: «...казачество – это сословие», тем самым приравняв казачество к канувшим в Лету дворянству и купечеству, и тем самым как бы отказывая казачеству в возрождении. Нет же купечества, зачем возрождать казачество? Если атаман не считает казаков народом, а всего лишь сословием – казак ли он?

Ещё в 1807 году в книге Е. Зябловского «Новейшая география Российской империи» перечислялись славянские народы России: «...россияне, казаки, кои суть славянские народы, кои суть донские, гребенские, терские, волжские, сибирские, малороссийские, бургские и черноморские...». А в учебнике «Русская история» Устрялова, изд. 1845 г. сказано: «Народ казачий возник от слияния разноплеменных людей, искавших необузданной воли...».

Да и Указ Президента РФ от 15 июня 1992 г. № 632 «О мерах по реализации Закона Российской Федерации «О реабилитации репрессированных народов» в отношении казачества» Вам, В. Степанов, тоже не мешало хотя бы прочитать, а там однозначно сказано, что данный указ издан «...в целях восстановления исторической справедливости в отношении казачества, его реабилитации как исторически сложившейся культурно-этнической общности людей...», т. е. народа.

Тем более, как может человек, позиционирующий себя знатоком истории казачества, заявлять в том же интервью, что «на территории Хабаровского войска до революции были станции, хутора, и округа Уссурийского казачьего войска... поскольку с 1889 года территория нашего региона была под юрисдикцией Уссурийского казачьего войска и хабаровская земля принадлежала этому формированию». Для тех, кто, переиначивая В. В. Иванова-Ардашева, по интеллектуальному уровню на порядок ниже В. В. Крюкова, сообщаю, что в 1851 г. по предложению генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьёва было сформировано Забайкальское казачье войско, силами кото-

рого началось освоение Приамурья, и в период с 1854 по 1858 г. в Приморье на р. Уссури были основаны три казачьих посёлка. В тот же год Указом Государя Императора был образован Приамурский край с делением на Амурскую и Приморскую области с административной границей по южному берегу озера Ханко. А 8 декабря 1858 г. Указом Государя Императора было образовано «...в Амурской и Приморской областях казачье войско, под названием Амурского Казачьего войска». Территория Войска простиралась «...от станицы Покровской, в 4-х верстах ниже слияния Шилки и Аргуни, затем вдоль Амура до устья Уссури, далее вверх по этой реке до её верховьев и от озера Ханко по сухопутной границе до морского побережья». К этому времени на этой территории было образовано 96 станиц и посёлков, в т. ч. 29 – на реке Уссури, однако южнее озера Ханко посёлков на то время не было, следовательно, Приморский край был не освоен. С целью освоения Приморской области 1 июля 1860 г. в составе Амурского казачьего войска был сформирован Уссурийский казачий пеший батальон, и на территории Приморской области был создан Уссурийский округ. Территория округа простиралась от озера Ханко по сухопутной границе до морского побережья.

И только через 29 лет, 26 июня 1889 г. Уссурийский казачий пеший батальон был выведен из состава Амурского Казачьего войска и развернут в Уссурийское казачье войско на территории Приморской области.

Таким образом, утверждения, что хабаровская земля находилась под юрисдикцией УКВ, являются ложными и похожи на попытку «вырубить топором то, что написано пером». Как говорится – власть в руках, ума не надо. Если Вы, В. Степанов, сделали подобное заявление по неведению, то это глупость, а если сознательно – подлость, попытка ввести людей в заблуждение и в очередной раз оправдать незаконное создание единого казачьего войска на весь ДФО. Ведь именно в атаманы этого войска так рвётесь Вы, «чиновник-казак» Степанов В. Н., уверовавший в своё величие и решивший, что ему дано право решать, что такое хорошо и что такое плохо. Ярким примером тому является недавний скандал, связанный с уходом главного редактора газеты «Приамурский казачий вестник» Владимира Иванова-Ардашева.

Как видно, «казак» В. Степанов не забыл своей прежней трудовой деятельности, где он, возможно, не терпел вольнодумий со стороны своих подчинённых. Возможно, решив, что Ваш интеллектуальный уровень выше, чем у опытного журналиста, писателя, краеведа В. В. Иванова-Ардашева, Вы решили поставить

его на место и отчитать за то, что тот осмелился публично высказать своё мнение, отличное от «чиновно-казачьего».

А как же быть с Конституцией Российской Федерации, гражданин Степанов? Ведь статья 29 гласит:

1. Каждому гарантируется свобода мысли и слова.

2. Не допускаются пропаганда или агитация, возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду. Запрещается пропаганда социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства.

3. Никто не может быть принуждён к выражению своих мнений и убеждений или отказу от них.

4. Каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом. Перечень сведений, составляющих государственную тайну, определяется федеральным законом.

5. Гарантируется свобода массовой информации. Цензура запрещается.

А ведь есть ещё и Уголовный кодекс, статья 136: «Нарушение равенства прав и свобод человека и гражданина». Изучите. Она касается Вас, Степанов В., т. к. Вами нарушены конституционные права Иванова-Ардашева В. В. с использованием своего служебного положения и в зависимости от его должностного положения и убеждений. Надеемся, что Иванов-Ардашев В. В. воспользуется своим правом защитить честь и достоинство.

В завершение моего письма хотелось бы обратиться к нынешнему губернатору Хабаровского края – как Вы, Вячеслав Иванович, лично относитесь к истории как к науке, и как – к истории Дальнего Востока в частности? Почему чиновники аппарата правительства края, используя служебное положение, так вольно трактуют историю освоения Дальнего Востока, извращая её в интересах сокрытия своих неблагоприятных деяний, направленных на противодействие регистрации Устава Амурского Казачьего войска и его вхождение в реестр? Всем здравомыслящим людям давно понятно, что создание Уссурийского казачьего войска как единого казачьего войска на весь Дальний Восток противоречит истории казачества региона, постановлению Верховного Совета РФ № 3321-1 от 16.07.1992 г. «О реабилитации казачества»: «...признать за казачеством право на создание общественных казачьих объединений, их регистрацию и деятельность в общем порядке» и вместо объединения казаков вносит раскол в их ряды и общую дестабилизацию в обществе края.

Складывается такое впечатление, что чиновники правительственного аппарата края (такие как Скворцов В. И. и Степанов В. В.), пользуясь тем, что губернатору, возможно, просто нет времени вникать во все тонкости казачьих споров, и используя своё служебное положение, стараются добиться тех же целей, которые впервые в истории были достигнуты в 1572 году в Речи Посполитой. Тогда, 5 июня 1572 года, грамотой польского короля Сигизмунда II Августа, был объявлен набор трёхсот так называемых реестровых казаков на государственную службу, с полным государственным обеспечением. Основной целью этого указа являлось внесение раскола среди казаков, т. к. в первую очередь принимались люди, не имеющие основания отождествлять свои интересы с интересами этнического казачества (мелкие украинские шляхтичи, зажиточные крестьяне и т. п.), т. е. те же «ряженые». А после создания реестрового войска Речь Посполитая стала признавать казаками только тех, кто был вписан в реестр, а за остальными не признавали не только казацких прав, но и самого названия «казак».

Поэтому, я думаю, казаки Амурского Казачьего войска, чтобы не оказаться в положении «не казаков», пойдут до конца в своём стремлении восстановить историческую спра-

ведливость – возродить АМУРСКОЕ КАЗАЧЬЕ ВОЙСКО и войти в реестр казачьих обществ (войск). И будут отстаивать свои права вплоть до Конституционного суда Российской Федерации, а если потребуется, то обратятся и в международные инстанции.

Честь имеем!

Е. В. Цицилин, полковник в отставке

Вместо постскриптума

**Сказано было давненько,
а результаты видим каждый день**

«Казачество – такое, какое оно есть сегодня – государство, т. е. власть, не устраивает. С 1990 года возрождение стихийное. В 21-м веке казачество с его «навозным» патриотизмом – анахронизм; общины, традиции – средневековое мракобесие. «Упёртое казачество» современному государству европейского уровня просто вредно. Мы создадим новое казачество – из чего угодно, без так называемых казачьих потомков, тянущих нас назад к феодализму».

Советник Президента Российской Федерации по делам казачества генерал Трошев

История казачества

А. Лебедев

Не допустить закрытия Музея истории донских казаков в станице Еланской Ростовской области

С 2007 года на территории частного подворья предпринимателя и мецената Владимира Петровича Мелихова в станице Еланской Ростовской области начал свою работу Мемориал «Донские казаки в борьбе с большевиками» и единственный в России Музей истории донского казачества. Мемориал включает в себя памятники «Донскому атаману», «Партизанам Чернецовцам», «Матери казачке», памятные кресты, посвящённые трагическим событиям истории казаков в XX веке и барельефы казачьих атаманов. Экспозиция музея рассказывает об истории донских казаков с древнейших времён до наших дней.

Музей открыт для посетителей совершенно бесплатно и является единственным в России музейным собранием, располагающим богатейшими коллекциями экспонатов времён Гражданской войны, политики расказачивания, а также последующих за ней эмиграции части казаков и репрессий против казачьего

народа. На сайте музея (<http://elan-kazak.org/memorial>) можно совершить по нему виртуальную экскурсию и ознакомиться с сотнями отзывов его посетителей, число которых растёт с каждым годом.

Кроме того, открытие музея дало новую жизнь умирающей станице Еланской, в которой до революции проживало около 5 000 человек, а сегодня вместе с дачниками не более 50.

Создатель музея В. П. Мелихов считает, что его основная цель – сохранение памяти и просвещение народа, который сам должен сделать выводы о базовых ценностях и ошибках собственной истории. Поэтому в экспозиции музея представлены экспонаты, рассказывающие о двух сторонах общественного противостояния в Гражданскую войну, в период становления и укрепления Советской власти. А в залах, посвящённых истории казаков в годы II Мировой войны, рассказывается не только о казачьих частях Рабоче-Крестьянской Красной Армии, но и о добровольческих казачьих частях, воевавших на стороне германского вермахта, чины которых были выданы союзниками в 1945 году Советскому Союзу. Предоставляя посетителям возможность взглянуть на историю отечества с двух точек зрения, музейная экспозиция пытается показать исторические события с максимальной степенью беспристрастности.

Несмотря на просветительский и строго исторический характер музейных экспозиций, его деятельностью недовольны областная организация КПРФ Ростовской области и чиновники из администрации Шолоховского района. По их инициативе с 2008 года были написаны десятки обращений в прокуратуру с жалобами на экстремистский характер музея и Мемориала, экспозиции которых якобы пропагандируют фашизм. Камнем преткновения стал памятник Донскому атаману, который занимает центральное место Мемориала. В этом памятнике представители КПРФ и чиновники увидели прославление «предателя родины» и «пособника фашистов» П. Н. Краснова, хотя монумент работы скульптора К. Р. Чернявского является символическим изображением фигуры Донского атамана с перначом, символом атаманской власти.

19 мая 2016 года на открытом заседании правительства Ростовской области глава фракции КПРФ в областном Законодательном собрании Евгений Бессонов потребовал от губернатора области Василия Голубева «снести памятник предателю Краснову», а представители Шолоховской районной администрации заявили о «недопустимости работы музея, где собраны экспонаты, повествующие о генерале П. Н. Краснове». Губернатор области фактически поддержал данную инициативу, ответив: «Я обращаюсь в правоохранительные органы в рабочем порядке, чтобы они проверили законность работы этого музея». Данный факт посетители и почитатели Музея рассматривают как попытку давления на казака В. П. Мелихова и на всех донских казаков и казачек, родовая память которых увековечена в Музее станицы Еланской.

Необходимо сказать, что за годы работы Музей пережил уже множество судебных заседаний, проверок со стороны прокуратуры и правоохранительных органов, которые безуспешно пытались найти в его деятельности экстремизм. Все претензии были признаны беспочвенными в судебном порядке.

Мы требуем прекратить угрозы и давление на создателей Мемориала и Музея истории донских казаков и обеспечить дальнейшую свободную деятельность этого уникального просветительского центра, являющегося одним из основных туристических и культурных объектов Шолоховского района Ростовской области и исторических территорий Всевеликого Войска Донского.

Эта петиция будет доставлена министру культуры РФ Мединскому Владимиру Ростиславовичу, губернатору Ростовской области Голубеву Василию Юрьевичу, прокурору Ростовской области Баранову Юрию Алексеевичу.

Женщины-казачки

Героических женщин в истории России и казачества было великое множество, но остались в памяти лишь те, о ком сохранились архивные документы и редкие фотографии. Часто, к сожалению, из архивов ВЧК и НКВД, сделанные перед расстрелом.

Есть смелые женщины и в наши дни, о чём свидетельствует приведённое ниже «Обращение к казакам» казачки Светланы Глазиной.

«Казачка станицы Новочеркасской Мария Смирнова, трижды отличившаяся в делах против неприятеля на германском фронте. Была прикомандирована к одному из донских полков, числилась под именем добровольца Сергея Смирнова. Контужена и ранена неопасно пулей в ногу навывлет».

Казачка Мария Смирнова пошла на фронт вместо большого чахоткой мужа. Надела костюм

мужа, отрезала волосы. Медосмотра при поступлении не было. На вид она здоровая, крепкая женщина, с грубым голосом. В полку не подозревали, что она женщина. После ранения была доставлена в госпиталь. Там и выяснилось, что она женщина. Награждена тремя Георгиевскими крестами за то, что вынесла раненого офицера с поля боя, отбила у австрийцев 2 пулемёта, и имела ещё ряд заслуг.

Обращение к КАЗАКАМ

Нечволодова
Нина Николаевна

Атаманша
Никифорова

Лопухина
Маргарита Ивановна

...Казачий Присуд, дарованный нам Богом, сегодня в серьёзной опасности. По сути он уничтожается. Четыре года в Хопёрском округе Области Войска Донского идёт борьба за чистоту земель, против оборзевшей олигархической шайки, что пришла на наши казачьи земли, чтобы испоганить их, исковырять, отравить и выдрать из их недр полезные ископаемые, дабы по-шустрому да по сходной цене сбавить их «нашим иностранным партнёрам». А там, скажу я вам, не поваренная соль и не песочек, там стратегический материал, который обычно используется для компонентов современного оружия массового поражения.

Но где же казаки, вставшие на защиту своего, как мы все утверждаем, милого сердцу Присуда? А нет их. Или почти нет. По первой было собрался народ, но так же скоро и разбрёлся по домам, махнув на всё рукой. Охотников махать шашкой вроде много было, да только попритихли все. Так без победы шашку и вложили назад в ножны. А это не по-нашему, братушки. Нельзя нам без победы.

За четыре года противостояния на Хопре мы повидали много проходимцев, гастролёров, а также либеральной шантрапы, единственной целью которых был собственных пиар перед каждыми выборами да отработка выделенных им заграничных денег. Было также много разнообразных атаманистых атаманов, деятельность которых в итоге навсегда вписала их имена в официальные и неофициальные списки

предателей. Все эти волки в масках пушистых овечек уводили и, к сожалению, некоторые из них до сих пор уводят протест в сторону иную от цели казаков и русских людей, честно защищающих хопёрскую землю.

...Сейчас за Хопёр реально борются лишь казаки атамана Скабелина из Урюпинска, которые ни на день не прекращали своего протеста, а вместе с ними и группа русских людей, которым также не наплевать на будущее нашего Отечества.

...Для всех тех, кто до сих пор активно борется за Присуд, отвоевать Хопёр – дело чести. Каждый из нас внутренне для себя решил: мы бьёмся до конца. Мы не остановимся и не сдадимся до тех пор, пока компания-рудодобыватель не уберётся с нашей земли и не приберёт за собой то, что уже отравила. А отравила она уже много. По сути, на Присуде, по всей верхнедонской земле сейчас уже происходит полноценная экологическая катастрофа.

...Мы теряем наш Присуд, братья! Теряем под собственные песни и пляски, под бесконечные шермиции и выставки казачьих товаров. Кому нужны наши бесчисленные фотографии в соцсетях в национальной одежде? Кому нужны бесконечные разговоры о казачьей идее? Кому нужны наши показушные пластунские игрища и состязания, если они не воспитывают воинов духа, способных погнать врага из собственного дома?

...К чему я это рассказываю? Да к тому, братья, что вы нужны своей земле. Нужны уже сегодня. Она нуждается в вашей защите. Именно

в вашей. Это наша земля, и всяким пришлым богачам- басурманам в ней шариться негоже, а уж тем более травить её и заражать радиацией, утяжеляя собственные банковские счета грязными деньгами. Уже стали умирать люди, растёт заболеваемость онкологией. Загублена огромная площадь элитных чернозёмных полей, уходит вода. Это всё происходит у нас дома, на том самом Присуде, изображения которого вы зачастую гордо носите на своих майках.

Господь подарил нам богатейшую землю, наши предки сумели её защитить и отстоять. А мы, стучащие себя в грудь: «Слава Богу, мы казаки», сможем ли это сделать?

Нет у нас другого пути, кроме как самим спасти свой дом. Вспомните о своём долге

перед Богом, перед предками и перед нашими потомками. Что мы им оставим? Взгляните внутрь себя, послушайте свою совесть. Нет у нашей земли других казаков, нет других защитников, а только мы, такие загруженные массой собственных проблем и забот. Вспомните кто хозяин в нашем доме. Время уходит. С каждым днём вред растёт. Уже сейчас многое погибло и исправить это уже невозможно. Но мы обязаны, слышите, братья, ОБЯЗАНЫ сохранить то, что пока ещё осталось. А иначе имеем ли мы право зваться казаками???

http://allcossacks.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=1327%3A2016-11-05-15-46-22

Казаки сегодня

Казачий военно-патриотический клуб «Спасатель»

Общественная организация Уссурийского казачьего войска «Союз казаков Дальнего Востока» Новичкое хуторское казачье общество.

Несмотря на школьные каникулы, в казачьем военно-патриотическом клубе «Спасатель», что работает при ДК «Лозовый» Партизанского городского округа Приморского края, продолжается учебный процесс. С 21 по 24-е июля казачата посетили остров Русский по приглашению казаков станицы Муравьёва-Амурского. На берегу моря, у посёлка Подножье, были поставлены палатки и разбит лагерь.

В первый же день удалось воочию наблюдать за военно-морскими учениями десанта морской пехоты: боевые машины выходят из большого десантного корабля, ровным строем идут по воде, выходят на берег и выстраиваются в колонну. После перестроения БТРы идут в обратный путь.

Потрясающее зрелище!

Нам удалось пообщаться с морскими пехотинцами, узнать немного о боевых машинах и о нелёгкой службе морпехов.

В этот же день кадеты КВПК «Спасатель» познакомились с заместителем атамана и инструктором по конно-строевой подготовке, есаулом Удовенко Владимиром Игнатьевичем, который любезно предоставил лошадей для конных прогулок. В общем за два дня казачата участвовали в четырёх конных походах по острову.

На следующий день кадеты во главе с руководителем клуба, вооружившись большими мусорными пакетами, совершили рейд по

очистке берега от мусора. Кадеты очистили более ста метров прибрежной полосы. В тот же день под руководством опытного инструктора-аквалангиста ребята познакомились с аквалангом, его устройством, как правильно его надевать и использовать, правила погружения, контроль самочувствия и инструктаж по поиску пострадавшего. Затем руководитель КВПК «Спасатель» произвёл одно погружение на несколько минут, через час – второе. А поздно вечером, как стемнело, было проведено ночное учебное занятие на тему: «Поиск и оказание помощи пострадавшему в условиях ограниченной видимости». Ребята обнаружили на берегу моря двоих пострадавших (естественно, условных), правильно уложили, провели реанимационные действия, обработали раны, ссадины и аккуратно перенесли их в безопасное место.

Также, в целях изучения истории Приморского края, был организован пеший поход на старые военные капониры, когда-то служившие для защиты города Владивостока от врага. Очень впечатляющие сооружения вековой давности.

Наутро следующего дня, соблюдая традиции казачества, кадеты посетили Свято-Серафимовский мужской монастырь, где отслужили молебен и помолились о здравии своём и своих родных и близких. Собираясь в обратный путь, все гости горячо попрощались с ка-

заками, пригласившими к себе погостить и поблагодарили за гостеприимство, плодотворное общение и помощь в проведении мероприятий и экскурсий. Ну и наконец перед выездом с острова казачата посетили знаменитую «Ворошиловскую батарею», внутри которой находится очень интересный музей.

На надземной поверхности расположены только две огромные башни, каждая с тремя стволами, а внутри – целых три этажа, каждый имеющий своё значение: запас боевого вооружения, управление орудиями, размещение личного состава и многое другое. В общем, ещё один исторический момент, говорящий о боевой мощи того времени. Недаром город-крепость Владивосток никто и никогда не смог завоевать. Несмотря на ненастную, порой дождливую погоду, ничто не помешало проведению запланированных занятий, экскурсий, походов и других мероприятий. Кадеты-казачата получили хорошие знания, умение и навыки, да и просто здорово, весело и плодотворно провели время на острове.

Организовал и провёл мероприятие Кошевой атаман ООУКВ, СКДВ, руководитель КВПК «Спасатель», атаман НХКО, сотник Шилин Виктор Анатольевич совместно с казаками станицы Муравьёва-Амурского, Приморский край, остров Русский.

Сотник В. Шилин,
кошевой атаман ООУКВ СКДВ, руководитель КВПК «Спасатель»

Спасатели

30 октября 2016 года кадеты казачьего военно-патриотического клуба «Спасатель», что работает при ДК «Лозовый» Общественной организации «Уссурийское казачье войско» Союза казаков Дальнего Востока, во главе с руководителем клуба сотником Шилиным В. А. приняли участие в практических занятиях по парашютно-десантной подготовке в аэроклубе «Пятый океан» на аэродроме Новонежино.

Заезд участников был 29-го, и сразу опытные инструкторы приступили ко всем инструктажам, к теоретическому и практическому обучению кадетов. После заполнения некоторых документов ребята знакомы с парашютами, их видами и назначением. Затем вышли на тренажёрное поле, где учились правильно выходить с борта, правильно приземляться, грамотно вести себя в парашютной рамке, управлять парашютом, и постигали многие другие необходимые тонкости парашютного дела.

Переночевали прямо в аэроклубе. Наутро, после осмотра и заключения врача, началась настоящая подготовка: вынос основных и запасных парашютов, каски и другие принадлежности, построение, последние наставления инструкторов, которые надевали на ребят парашюты, плотно подгоняли по рельефу тела. Наконец долгожданная посадка

в самолёт «Ан-2», взлёт до высоты 800 метров и... выход в воздух тремя группами по 3-4 человека.

Неописуемые ощущения в течение двух с половиной минут и приземление. Все кадеты, в отличие от руководителя КВПК, прыгали в первый раз. Вот они, герои воскресного дня: Малышкин Кирилл, Безуглов Григорий – студенты; Кожевников Александр – школа № 12; Цыбульников Арсений, Кальченко Александр, Лысенко Алексей – школа № 24; Неякин Степан; и единственная девочка, тринадцати с половиной лет, Трипольская Дарья, – школа № 2.

После сбора парашютов и возвращения к месту инструкторы аэроклуба провели своеобразный ритуал посвящения в парашютисты с выдачей сертификатов о первом прыжке.

Молодцы кадеты!!! Успешно преодолен сложный этап в учебной подготовке кадетов.

Политика

Сотник В. Шилин,
кошевой атаман ООУКВ СКДВ, руководитель КВПК «Спасатель»

Вопрос к Совету по делам казачества при Президенте РФ

Выход данной статьи немного задержался из-за экономических проблем нашего журнала, поэтому обращение к Совету по делам казачества при Президенте РФ и к бывшему министру Улюкаеву запоздало, но, собственно, его ведомство-то осталось. И тенденции, озвученные казаками, кажется, никуда не ушли вместе с бывшим хозяином министерского кабинета, поэтому мы решили оставить данное обращение в журнале, но уже адресованное к новому министру МЭР и к новому составу Совета по делам казачества при Президенте РФ.

Казаки хотят знать, кто продаёт Россию

Нас, казаков регионального отделения Общероссийской общественной организации по развитию казачества «Союз Казаков-Воинов России и Зарубежья» в Забайкальском крае,

в очередной раз поразили действия министра экономического развития, описанные в статье, а вернее, отношение министра экономического развития Алексея Улюкаева к вопросам собственности Российской Федерации. Он заявил, что инвесторы из США будут допущены к участию в приватизации российских госкомпаний.

Для нас, казаков, США как страна не существует, эта страна – империя зла и мошенник мирового масштаба.

Эта страна – мошенник, и живёт за счёт своей финансовой пирамиды, в которую втащила все европейские страны, и весь мир посадила на зелёные фантики, называемые долларами. Был СССР, была у него своя денежная система, независимая от этих фантиков. Но нет, предатели Советского Народа сделали всё, развалив Советский Союз, чтобы Россия села на эту долларовую иглу.

Вы, гражданин Улюкаев, делаете и предлагаете что-то не то, вы не патриот своего российского народа и государства, если предлагаете гражданам страны, президент которой господин Обама объявляет Россию одним из основных потенциальных врагов. Вы хотите, чтобы враги нашего государства управляли российскими компаниями и оставили нашу страну без бензина и без транспорта. Мы уже это проходили.

Неужели вы не знаете и не понимаете, кто есть американский посол Джон Таффт. Мы вам посоветуем обратиться на Лубянку или на Полежаевку, вам в этих конторах пояснят, кто есть этот посол и для чего он находится в России.

В самом названии статьи «Кто продаёт Россию» стоит вопрос: «Кто продаёт Россию?».

Вернёмся к анализу принимаемых решений.

Американские компании смогут выкупить российские госпредприятия.

«Невероятное заявление прозвучало из уст министра экономического развития Алексея Улюкаева после встречи с американским послом Джоном Таффтом. Как сообщил глава МЭР, инвесторы из США будут допущены к участию в приватизации российских госкомпаний, среди которых могут оказаться такие монстры, как «Башнефть», «Роснефть», ВТБ и др. Монополисты вроде «Аэрофлота», «Совкомфлота» и РЖД тоже значатся в списке кандидатов на частичную продажу.

Назвать это решение абсурдом было бы верхом корректности и дипломатичности. И дело даже не в приглашении к приватизации американцев. Элементарной логике тут противоречит решительно всё».

Нужно всё называть своими именами. Казаки-забайкальцы оценивают это решение как дурость высшего масштаба. По всему видно, что такие предложения может лоббировать только предатель российского народа. Получается, что Улюкаев специально это лоббирует.

Нужно посмотреть, нет ли у него денег где-то в иностранном банке. Каждый, кто имеет в зарубежных банках деньги, – это потенциальный агент западных спецслужб. И это даже не должно обсуждаться.

Их по закону вообще не должно быть среди госслужащих.

Неужели у Министерства экономического развития нет в мозгах ничего существенного, чтобы решить вопрос, как должны работать вышеперечисленные компании? Ведь Джону Таффту этого и надо, чтобы внедрить своих агентов в российские компании. Где же Председатель Правительства господин Медведев, что он думает по этому вопросу?

Не нужно рассчитывать на разовую выгоду от полученных средств за предательские аферы господин Улюкаева.

Пусть в российские компании американских представителей, вы приобретаете мощный балласт, который будет раскачивать российскую экономику в разные стороны.

Это же вопрос к Вам, господин президент. Вы лично пользуетесь большим уважением и доверием среди населения нашего региона и всей России. Но почему руководители, которые должны работать на благо народа, работают против него?

США были законодателями объявления санкций России. Умные люди, патриоты России понимали, что это шанс для развития экономической составляющей России. И дело сдвинулось с мёртвой точки. Но такие, как Улюкаев, по нашему мнению, специально ведут дело так, чтобы экономическая составляющая государства зависела от США.

Поверьте нам, ничего хорошего из этой затеи не выйдет.

Поэтому повторяем вопрос и просим на него ответа:

Кто продаёт Россию? Зачем предаёт народ России?

Этот вопрос:

к Совету по делам казачества при Президенте Российской Федерации;

к МЭР господину Улюкаеву;

к Председателю Правительства Российской Федерации господину Д. А. Медведеву.

Информацию подготовили:

Информационно-аналитический центр общероссийской общественной организации по развитию казачества «Союз Казаков-Воинов России и Зарубежья» в Забайкальском крае.

КАЗАКИТОЛЬЯТТИ – источник: «КИАЦ»
Статья напечатана с небольшим сокращением.

Сап

«В сущности, смерть ярчайшим образом высвечивает смысл жизни. Говорить о смерти – это один из наиболее разумных способов говорить о смысле жизни».

Андре Мальро

«Я видел, как зло стало всеобщим».

В. Шульгин, «1920»

Отмахав по просёлкам вёрст шестьдесят и растеряв в пути и в перестрелках обоз, полуразбитая сотня белых вышла на лесную просеку, уходившую в глубь тайги. Палило солнце. Слабонаезженная колея, едва заметная среди пожухлой травы, то пряталась за густыми зарослями боярышника, то смело пробегала по поляне, покрытой редкой, чахлой растительностью.

Люди двигались осторожно, бросая тревожные взгляды по сторонам и вскидывая наизготовку винтовки и карабины при любом подозрительном движении веток. Гнус – враг всего живого в тайге – не щадил ни людей, ни лошадей, но страх смерти оказался сильнее укусов таёжной поганы, и казаки лишь изредка давили на лице мошку, оставляя на коже широкие кровавые полосы.

Впереди ехала тройка разведчиков, боязливо выставив перед собой короткие дула иностранных винтовок. Они, всегда готовые при малейшей опасности нажать на спусковой крючок, даже не отмахивались от гнуса, и тот залеплял им глаза, нос, уши.

Коричневый слой пыли, жирный и рыхлый, подрагивал в складках одежды всадников в такт движению лошадей, скопившись на фуражках, струился дымными ручейками по жёстким, хрустящим в изломах гимнастёркам, марая солёные загривки бородачей рыжей мучицей.

Слева от дороги, в глубокой лощине, опутанной засохшими водорослями, блеснула вода. Ломкие камыши, словно пряча от посторонних влагу, сиротливо разбрелись по высохшему дну водоёма, причудливо распушив облетающие головки и угрожающе заострив поломанные ветром прошлогодние стебли.

Разведка, сделавши своё дело, возвращалась назад, кидая жадные взгляды на сверкающую под солнцем лужу. Лошади нервно дёргали ушами, втягивая спёкшимися ноздрями горячий воздух, тянули к болотцу.

– Стой! – прохрипел сотник и поднял руку.
– Всем спешиться.

Мешком выпав из седла, он первый, сплёвывая камышинный пух, побрёл к воде.

Воды было много, и вся она, подёрнутая ржавой, радужной плёнкой, отдавала тиною и прелью, но казаки и ей были рады. Разогнав в стороны жуков и козявок, они по очереди падали на колени и, стараясь не замутить неосторожным движением отстоявшуюся лужу, пили, и довольно утирались большими носовыми платками или просто рукавом. Лошади, сдерживаемые коноводами, напоминая ржали, вытягивая искусанные оводами шеи к воде. Казаки грубовато успокаивали их, наполняли стеклянные баклажки про запас, и только после того, как последний казак напился, подвели лошадей. Брезгливо процеживая болотную гниль сквозь сильные зубы, лошади фыркали, мотали головами и, до конца не напившись, отходили в сторону, грустно позвякивая обжигающими удилами.

Кто-то отвязал от седла потрёпанное брезентовое ведро и попытался зачерпнуть им воду, но только измазался в грязи и, матюгнувшись, стал вытирать брезент о жёсткий камыш.

После короткого привала сотня прошла ещё версты две и втянулась в огромный кедряч. Здесь решили сделать днёвку и отдохнуть, выставив усиленные караулы. Вчерашнее ротодействие обошлось сотне почти взводом потерь, и люди, напуганные внезапным боем, ещё не пришли в себя и требовали передышки.

Слава Богу, раненых было мало, их просто забыли подобрать после боя, и сотня благодаря

этой «забывчивости» приобрела неоспоримое преимущество – маневренность. Это понимали все, и косо поглядывали на кровотокащие бинты ускользнувших из западни легкораненых: выдержат ли, не станут ли обузой?

Весь прошлый месяц казаки провели в карательных экспедициях по северным деревням, устали, потроша крестьянские избы, и мечтали об отдыхе в городе, не зная, что в городе уже красные. Красные ждали их у пригородной деревеньки за выгоном, и положили бы всех у той деревушки, неказистой и крошечной, если бы раньше времени не подняли шум новобранцы-чоновцы.

Сотник скрипнул зубами и закашлялся:

– Ничё, поквитаемся ишо! Подискутируем на досуге о том, о сём... – пробурчал он, сплёвывая кровью. – Будет и у нас Христов праздничек!

Сотник нервно ходил под высоким кедром, и его изящные офицерские сапоги по щиколотку тонули в мягких жёлтых иголках, облетевших с деревьев, и неприятно пружинили, не нащупывая твёрдой почвы.

«Вот так и мы, – подумалось молодому сотнику, – летим по жисти, не доставая до чего-то самого главного, Летим, а куда – не знаем».

Болезнь лёгких, полученная молодым офицером на войне, сделала его эгоистом, нервным и вспыльчивым, философствующим по пустякам. Он со вниманием приглядывался к окружающим его людям и происходящим событиям, но ничего хорошего из своих наблюдений не вынес: Бога нет, люди – сволочи, и жить среди них – не самое большое удовольствие. Где-то

здесь жили его родители, богатые низовские казаки, где-то рядом воевали братья, но ни видеть их, ни тем более жить рядом с ними ему не хотелось. На душе у него было постоянно муторно и скверно. Сейчас же он понимал только одно: надо уходить в тайгу, и чем быстрее, тем лучше. Позади красные, вокруг ненавистное с детства чалдонистое мужичьё, фронт неизвестно где. Сегодня спасают лошади, их сильные мускулистые ноги, завтра не спасут и они. А тайга... тайга примет всех. Ей всё равно, кто ты: красный, белый, зелёный...

Сотник уводил людей в глухомань, надеясь отсидеться в урманах, переждать до лучших времён, хотя и не знал, когда они настанут. Он просто хотел жить, очень хотел, и, сотрясаясь в чахоточном кашле, мечтал о том времени, когда закончится эта бойня и он, ещё молодой и красивый, отправится лечиться за границу. Заграница!.. Сколько же потребуется денег на лечение? Он не знал, но доставал золото, где только мог. И мечтал, мечтал... Он даже втайне от всех писал стихи о будущем, и виртуозно зарисовывал их в разрубленную пополам конторскую книгу, марая аккуратными завитушками синие линованные страницы. Он хотел жить, несмотря ни на что. Жить! Жить!.. И люто возненавидел своего бывшего командира сотни есаула Ковалёва, убившего красавицу жену и застрелившегося в припадке ревности несколько недель назад. Смерть есаула настолько потрясла больного молодого человека, что его даже не обрадовало новое назначение – командиром сотни – и ходатайство полковника о представлении его, хорунжего, к званию есаула, которое, как обещал полковник, хорунжий получит по возвращении с операции, согласованной с самим Верховным.

– Скотина! – сказал хорунжий на похоронах. – Нашёл время!

И больше старался не вспоминать о покойнике, которому некогда безумно завидовал. «Жена миллионерша, сам помещик!.. Чёрт, что ему ещё нужно было?»

В аду Гражданской войны смерть от собственной руки возмущала и оскорбляла новоиспечённого командира сотни с погонами хорунжего. Нет, пусть стреляется слабый, а он, прошедший огонь и воду, видевший тысячи смертей, будет жить. Жить! Жить! Жить! И только жить! Жить всегда, жить вечно, вот чего бы хотел хорунжий и понимал, что умирает, что жить осталось немного. И от этого страдал невыносимо. Как ненавидел он здоровых и весёлых, беспечных и молодых! С каким удовольствием посылал в них пулю за пулей, если это были пленные, как изводил мелочными придирами, если это были подчинённые. Поэтому казаки в сотне большей частью были неразговорчивыми, молчаливыми.

К вечеру, когда стала спадать жара, двинулись дальше. Угрюмые, обросшие недельной щетиной лица не выражали ничего, кроме злобы. Злобы на жаркий день, на дорожную пыль, на начальство, пославшее их в тьмутаракань и удравшее неизвестно куда, не оставив никаких приказов. Ехали молча, лишь изредка кто-нибудь понукал усталого коня да гулко кашлял сотник.

Вечером на взгорье показалась деревня. Казаки заметно повеселели, радуясь долгожданному отдыху, но в ворота за поскоотиной въехали с той же затаённой молчаливой злобой.

Небольшие крестьянские избы, стоящие за высокими плетнями, насторожённо встретили неожиданных гостей. Лишь ветерок кагил по деревенской улице пучок соломы да жалобно бляела за огородами напуганная кем-то овца. Деревня обезлюдела.

Неожиданно из проулка прямо под копыта лошади сотника выскочила юркая старушонка с берёзовым веником под мышкой и, испуганно перекрестившись, торопливо прижалась спиной к плетню. Сотник остановился, за ним остановились остальные.

- Чё, старуха, – спросил он, поглаживая рукой небритый подбородок. – Чай, суббота сёдни?
- Суббота, милый, суббота, – затараторила та.
- Чай, в баню пошла, – попытывался сотник.
- В баню, милый, в баню.

Сотник молодецки выпрямился в седле, окинул мутным взглядом усталый, пропылённый отряд и весело гаркнул:

- Ну, чтоб тебе, старуха, от бани до бани таскать... зубами!

Дружный хохот повис в воздухе. От неожиданности старуха присела, разинув рот, да так и замерла. Сотник закашлялся, но, быстро оправившись, хмыкнул и, весьма довольный собой, пришпорил лошадь.

- Чтоб тебе, окаянному, шею сломать! – вдруг заверещала старуха. – Чтоб тебе костью, поганцу, подавиться! Чтоб тебе...

Бабка не успела договорить, как тяжёлая плеть, со свистом рассекая воздух, опустилась на её худые плечи. Не ойкнув, она упала.

- У-у, старая сука! – над ней склонился бородач в папахе. – Лаяться лайся, да знай меру!

И, лихо опустив нагайку на тощий старушечий зад, поскакал вдогон за повеселевшим сотником.

Налетевший ветер принёс крупный слепой дождь. Дождь весело забарабанил по спинам всадников, по тесовым крышам изб.

Охая, старуха полезла в проулок, забытый ею берёзовый веник, шелестя сухими листьями, валялся в дорожной пыли.

Через полчаса уже остывшие было бани вновь зачадили по всей деревне, расстилая над

домами приятный горьковатый дымок. У двух глубоких колодцев выстроились молодайки, чертыхаясь, а кто побойчее – так и матерясь вполголоса, таскали на коромыслах воду в бочки и чаны.

После дороги казаки приводили себя и лошадей в порядок, намётанным глазом недобро выглядывая всяк себе на вечер бабёнку. Кто помоложе, так и вовсе ходили перед женщинами гоголем, нарочно задирая у колодцев редких прохожих мужиков, и без того напуганных до смерти. Забылась вчерашняя кровавая рубка и больше не вспоминалась. Раны и те, кажется, меньше болели. Каждый занимался своим делом. Со всех сторон слышались грубые солдатские шуточки и смешки, иногда жуткий разбойничий посвист догонял молодых в тихих переулках, и те шарахались в разные стороны, мелко-мелко крестясь.

Бородатый урядник, тот самый казак, что «приласкал» нагайкой старуху, деловито прохаживался по деревне в сопровождении целой своры злобно лающих псов. В одной руке у него был карабин, в другой нагайка. Возле каждой избы урядник сильно бил прикладом по ветхим плетням, окружавшим крестьянские дворы, и к чему-то прислушивался, внимательно вглядываясь в хозяйственные постройки. Те деревенские собаки, что сидели на цепи по своей лютости, рвались к бородачу с диким лаем, готовые разорвать недоброго пришельца в считанные минуты, их яростный хрип сливался с общим злобным воем осатаневшей стаи. Бородач любовался произведённым шумом и с наслаждением дразнил их.

- Куси-куси! – несло по деревне. Остервенело напирали псы, звонко щёлкала нагайка, и трусливые собаки боязливо отступали на безопасное расстояние.

- Куси-куси!...

Наконец он нашёл то, что искал. Хлопнул выстрел, и молоденькая сучка с большим мягким животом до самой земли, подпрыгнув в воздухе, рухнула на ветхое крыльцо покосившейся избушки. Оставшись одни, зашевелились, заскулили щенки, тыкаясь слепыми мордочками в зелёную траву у завалинки. Бородач ласково потрепал их по пушистым загривкам, посмотрел пасти, довольный поцокал языком и огляделся по сторонам, ища собеседника, чтобы похвастаться перед ним своей удачей. Но никого во дворе не было. Не было ни души и на улице. Даже собаки, минуту назад преследовавшие его, куда-то исчезли.

- Эй, – крикнул бородач. – Эй, есть тут кто?

Во дворе стояла тишина, только гнулась под ветром черёмуха в палисаднике да продолжали скулить осиротевшие щенки.

- Эй, мать вашу так! – крикнул бородач. – Выдь кто-нибудь, а то хату спалю!

В сенях зашевелилось что-то, кто-то охнул, отворяя двери, и на крыльцо вышла красивая молодуха лет тридцати с небольшим. Удивлённый казак крикнул от неожиданности.

– Чё не откликаешься-то? Плетей захотела, што ли?

Баба отчаянно завыла, увидев мёртвую собаку.

– Цыц! – прикрикнул на неё казак. – Поварить умеешь?

– Могу-у... – захлюпала та в платок.

– «Могу-у!» – передразнил её бородач. – Тьфу! Господам никогда не стряпала?

– Не-а...

– Ну так будешь. – Бородач заторопился. – Наш сотник любит, чтоб всё по-городскому было, в аккурат скусно. Поняла?

– Поняла.

– А раз поняла, на вот живность. – Бородач как бы случайно стукнул самого упитанного щенка головкой о приклад и уже мёртвого подал бабе, та, заорав, будто её режут, кинулась в избу.

– Куда, ячмёна мать? – заорал бородач вслед. – А ну выдь сюда!

Баба ни жива ни мертва вернулась на крыльцо.

– Возьмёшь и сварить с картохой. В чистом сварить. Поняла? А то знаю вас, сволочей!.. Чувешь?

Баба согласно кивала головой.

– Муж-то у красных, поди?

– Что ты, побойся Бога! – совсем перепугалась молодуха. – В мировой погиб, в мировой. В поминанье уже третий год записан. Спроси у батюшки.

– Лады, – усмехнулся бородач. – Лады!

И, оглядев бесстыдно бабу, прищёлкнул языком.

– Кода солнышко сядет, приду. Смотри, штоб всё как следоват было.

Осведомился:

– Одна вдовствуешь?

– Зачем же одна? Дети есть. – Баба заволновалась.

– Лады, лады, – повторил ещё раз бородач, покручивая усы. – Ты не пужайся, я к тем, кто ко мне ласков, сам добрый. А кутёнок што? Кутёнок сотнику для лекарству нужен. Чахотка, вишь ли, у него. – Бородач развёл руками. – Не жилец он на свете, ох, не жилец!.. Ну, да я пошёл. Так вечером, стало быть, жди.

И зашагал вон со двора, по-хозяйски прикрыв за собой жердёвые воротца.

В это время чоновский отряд, преследовавший карателей, остановился верстах в двадцати от казачьей ночёвки, измученный и больной. Много дней гонялся он за белыми, громил их и сам нёс потери, пополняясь добровольцами

и мобилизованными из молодёжи. Медленно продвигался с боями отряд вслед за фронтом, кочуя по заброшенным уездам, оставляя тяжелораненых по деревням, хоронил убитых на лучших деревенских улицах под звуки растерзанной гармошки, пока не убили самого гармониста и некому стало играть последний «Интернационал» у братских могил. Измотались ребята страшно, измучились. Носы да глаза только из-под фуражек виднеются, но держатся бойцы на революционной сознательности да на ненависти к мировому капиталу. Всё им кажется, что вот-вот накроют они последнюю банду, шлёпнут последних мерзавцев, и тогда... Что будет тогда, точно не знал никто, однако слова «мир», «социализм», «интернационал» склонялись ими по любому поводу. В каждый бой они шли как в последний и решительный, не труся и не жалея себя. И вырвавшиеся из засады каратели казались им, уставшим и больным, самым великим злом на Земле, после уничтожения которого человечество ждало необыкновенное и прекрасное царство всеобщего братства. За карателями они шли по пятам давно, а достать не могли, сил было мало. Ещё месяц назад почувствовал командир – неладное творится в отряде. Будто дурман какой на людей и лошадей напал. Кони ведут себя странно, не то кашляют, не то фыркают. Жар у них появился, из носа жидкость потекла, и гнойнички по телу рассыпались. Срочно лечить коней надо, иначе бандитов не словить, да за ветеринаром аж в волость ехать. И послать-то некого, каждый человек на счету, а тут ещё напасть к самому прицепилась: жар командира вдруг на несколько дней залил, а потом большой озноб с липким потом. Прошло немного, да опять началось. И ординарец его тоже какой-то квёлый, и многие бойцы не лучше. «Что с вами?» – спросил командир. – «Жар». Вот он и подумал: «Может, тиф?». Надо к фельдшеру срочно. А какое там срочно, когда к вечеру на банду напоролись. Да и не банду, а так, пять – шесть разбойников с большой дороги. Рассыпались бандиты кто куда, сыщи их! А впереди каратели. Снова вдогон кинулись...

Дней через пять совсем плохи дела: лошади на ноги слабы стали, на носу у них пупырышки с конопляное семя вскочили и в язвы превратились. Сопят лошади. Гноем отфыркиваются. Несколько коней вовсе пало. Жар да озноб почти весь эскадрон бьёт. После неудачной засады командир свернул недолгую погоню, вошёл с отрядом в первое же село и в одном месте всех бойцов поселил, приказав никуда не отлучаться. Ординарца за фельдшером послал...

Нехорошо, правда, с расселением получилась...

Разведка сходу, не таясь, вылетела на большой сельский луг. У самых домов какой-то

старик пас двух тощих коров, а увидев вооружённых всадников, испугался и быстро погнало своё небольшое стадо в ближайший двор. Естественно, бойцы кинулись за ним... Пока разбирались кто да что, подошли соседи и тут же рассказали, что здесь, во дворе у старика, белые с месяц назад зарубили двух пришлых, вроде бы большевиков...

Когда подъехал командир, страсти накалились до предела. Чтобы не распалить и без того разгорячённые головы, решил он выслушать обе стороны. Правда, картина была ясна ему с самого начала, и сколько ни объяснял тщедушный старик, что какие-то мужики, задержанные накануне колчаковцами, пытались бежать ночью из деревни через его двор, и что их за это зарубили шашками на его глазах прямо во дворе, у плетня, он в эту брехню не поверил.

«Не чист старик перед советской властью, иначе бы не прятался от бойцов Красной Армии», – подумал командир. Но, решив так, вида не подал, сказал: «Хорошо... Иди, отец, своей дорогой». А когда обрадованный крестьянин повернулся и пошёл к своим бурёнкам, командир подал знак начштаба, и тот всадил в его затылок две пули из нагана...

Старик жил с малолетним внуком, и мальчонку, чтобы село не бузило, трогать не стали. Неизвестно, сколько стоять в карантине среди лесов. А лес – он не только кормилец...

Штаб, а по сути, лазарет, расположили тут же, в избе расстрелянного. Мальчишка сам не захотел ночевать в своей избе и куда-то ушёл к знакомым. Оно было и к лучшему.

К той поре, когда солнышко закатилось за большую глиняную гору, что в верстах десяти от посотины, сивушный смрад заполонил всю деревню. Тут и там слышались пьяные песни, трещали под нахальными руками бабьи одёжки, скрипели, ломаясь, плетни и ухали разбитые черепушки... Деревенские постояльцы веселились на славу.

Надвинув папаху до самых глаз, бородач шёл по деревне уже навеселе и пытался напевать в такт движению походную песню. Вдруг за пожарищем посредине деревни почудилась возня и сдавленные крики. Бородач выхватил из кобуры наган, взвёл курок и крикнул в темноту:

– Кто там?.. Выходи, стрелять буду!

– Свои, свои, Гнат! – откликнулся голос. – Спужал только, чёрт старый!

Послышался смешок.

– Ну ты, кобель хрипчатый! Места себе, што ль, лучше не нашёл?

– Дак она родителей стесняется, – откликнулся другой голос. – А девка ничё, ядрёна.

С ней и здесь не скушно. Гы-ы... Ну ты, лежи, стерва!

– Тьфу, поганцы! – сплюнул бородач и пошёл дальше, отплёвываясь на ходу. У знакомого плетня послышался поросячий визг и шум.

– Чё здесь такое? – ещё издали взревел он, размахивая нагайкой.

Двое пьяных казаков при свете жёлто-лимонной луны бегали, спотыкаясь, по двору за малым поросёнком, третий казак, отрубив голову гусаку, спускал кровь из вздрагивающей тушки на землю.

– Ко-онтрибу-цию берём, – едва пролепетал он.

– Я те покажу «контрибуцию»! – прошипел бородач. – Марш отседава!

И ткнул его рукояткой плети в шею. Казак поскользнулся, шлёпнулся прямо лицом в лужу с кровью. Лёжа на животе и растирая грязными руками по щекам чёрное в темноте месиво, пробормотал:

– Ты б колышек вбил, што, мол, застолбил это место. А рукам волю не давай... Не давай! Я ить и обрубить их могу.

Бородач вытащил наган.

– Ну лады, лады! – примиряюще залепетал пьяный и пополз за плетень к своим давно потихоньку ушедшим товарищам. – Лады...

– Спужалась? – участливо спросил бородач бабу, стоящую, как и в прошлый раз, в проёме дверей.

– Спужаешься, однако, – истово переkreстилась она.

– Не боись, – бородач спрятал наган. – Теперь не тронут. Ну, зови в гости, хозяйюшка.

– Входи, – пролепетала баба побелевшими губами и отступила в темноту.

Согнувшись, бородач протиснулся в дверь и, пройдя сени, очутился в маленькой горенке, освещённой небольшой чадающей плоской с маслицем. Под маленькими оконцами начиная от печи валялись на полу овчины, подушки и локутное одеяло, на котором, прижавшись друг к другу, стояли три испуганных девочки-погодки. Четвёртый ребёнок качался в люльке. Бородач помрачнел, разом оценив обстановку.

– Все твои? Хм!.. Однако не скучаешь во вдовстве-то, – и кивнул на люльку.

– Не куковать же одной, – осмелела баба. – Когда мужики с ума посходили, и петуху будешь рада.

Бородач шагнул к ней, баба отпрянула к печке, нечаянно задев рукой цветную тряпку, скрывавшую за собой лежанку. И то, что она так усердно прятала от ненавистного гостя, внезапно открылось ему просто и бесхитростно. Крепкая мужская нога в подштанниках обнажилась из-под занавески едва ли не до колена. Широкая мозолистая пятка резко дёрнулась, прячась за качнувшейся тряпкой, и больше не появлялась,

только белая завязка от кальсон предательски медленно ползла по чёрной овчине полушубка.

– Хык! – будто подавился бородач, рука привычно легла на кобуру.

– Что же ты? – засуетилась баба. – Сядь, откушай! Я и выпить что приготовила. Детки, ложитесь спать! Не бойтесь, дядя вас не тронет.

Лицо казака покраснело, поперёк лба вздулась синяя жилка. Он медлил.

– Не тронь тятку! – заплакала старшая девчонка.

– Не трону, – сказал после паузы бородач и рассмеялся. – Хитра ты, баба, ой хитра!.. Детишкам спасибо скажи, а то бы... Давай вареву!

Уже во дворе зло процедил сквозь зубы:

– Скажи своему петуху, чтоб с насеста не слезал. Поймаю на воле – живём сварю!

...Марья Поливанова, по прозвищу Железкина, была замужем за местным кузнецом Ильёй Петровичем с семнадцати лет. Странная это была семья, во многом непонятная для строгих деревенских кумушек.

Илья Петрович Потапов пришёл в Сибирь из России пешком в начале века. За плечами у него была котомка с кузнечным инструментом, за поясом топор, в карманах гулял ветер. Пришёл он в глухую таёжную деревеньку и, в отличие от других пришлых, остался здесь навсегда. Мужики его полюбили за золотые руки, но побаивались за лютого характер. Чуть что не по нём – сейчас же в драку. И дрался насмерть. Бог силой его не обидел, с ним и втроём сладить было непросто, за это его шибко уважали. Уважали его и за рассудительность, столь несвойственную при его дрянном характере. Но когда что-либо решалось на сходе серьёзное, то всегда ждали, что скажет Илья Петрович Потапов. И уж как он скажет, так тому и бывать. Одно ещё было нехорошо у Потапова: в Бога не верил и в церковь не ходил. Сколько раз пенял ему за это батюшка, а он только усмехался и страшно лицом кривил... А лицо у него было, прямо сказать, не очень красивое, разбойное лицо. Всё большое: и нос, и рот, и глаза, и уши... Брови широкие, чёрные цыганские волосы... По отдельности брать – всё как у людей, а вместе... Что-то неприятное было не только в его лице, но и во всей коренастой фигуре, словно затаённая на кого-то обида прорывалась наружу и колола неосторожных, а на кого обида – поди гадай! Когда Илья Петрович смотрел своими голубыми глазами кому-нибудь в лицо, у того мурашки по спине бегали, и человек старательно отводил взгляд в сторону.

В своей деревне Илья Петрович ни с кем дружбу не водил, жил особняком, и никто ничего не знал о нём точно. Считали, что это и к лучшему. Пришёл человек и пришёл, живёт хороший мастер в деревне, и пусть себе живёт.

Есть-пить чужого не просит, а земли в Сибири всем хватит. Тем более, что в тот же год сложил он самостоятельно махонькую кузню на краю деревни, в которую потянулся народ со всей округи, и зажил небольшим, но хозяином. Правда, злые языки говорили, что будто кто-то где-то видел кузнеца на большой дороге с кистенём в руке, да мало ли что болтают злые языки. Как бы то ни было, но в деревне Илья Петрович прижился быстро, а через год высватал из соседней деревни красивую молодуху. И опять деревня судачила – пошто да почему отдали родители такую красавицу за такого арестанта. А «арестант» и после женитьбы не успокоился. За каждый проступок бил жену смертным боем. Не выдержала она, и через год с небольшим сбежала от него в родительский дом, что было для Ильи Петровича уже вселенским срамом, который самостоятельному мужику стерпеть было нельзя. Но кузнец стерпел. И, смилив гордыню, не раз приезжал в дом тестя просить жену о возвращении домой. У всей деревни на виду просил, подарков ей навёз... И упросил.

Выехали они из родительского дома что жених и невеста, в телеге, украшенной цветами, в которую был запряжён купленный весной мерин. Выехали весёлые, радостные. Кузнец у всех на глазах ласкал жену, гладил её большие косы, смеялся... И дивились на его смех мужики и бабы.

За деревней выпряг Илья Петрович мерина, привязал молодую жену за косы к оглоблям и погонял её кнутом до самого дома. Пальцем, как и обещал, не тронул. И вот что удивительно: не ушла от него Марья. Народила ему детей, и все эти годы была тиха и послушна, будто решила нести свой земной крест безропотно. Кузнец же её с той поры не бил. Когда дети пошли, сердцем подобрел немного, но суровость в нём осталась.

На войну его не взяли. Говорили, что врачи болезнь какую-то нашли, но деревенские кумушки рассудили по-своему: золотишком откупился кузнец, золотишком... И снова про кистень на большой дороге вспомнили.

Ординарец привёз старичка фельдшера довольно скоро. Он осмотрел людей и лошадей и пожелал с командиром один на один поговорить.

Вошли они в избу, старик бледный к стенке прижался, руки трясутся:

– Сап у вас. Сап!

Константин в горячке хватил его за грудки:

– Врёшь, гад белоглазый!

Фельдшер спокойно просит:

– Руки, сынок, уберите от меня... Я ещё жить хочу.

Отпустил его Константин, в сторону отошёл. А фельдшер пиджак, за который командир хватался, снял и скорёхонько в печку бросил. За разы испугался.

В глазах у командира потемнело, чуть было не порешил старика как контру, да одумался. Брату своему старшему, Дмитрию, в волость написал (брат был волостным комиссаром), отдал письмо фельдшеру и ответ велел привезти. А чтоб почтальон не сбежал по дороге, в охрану двух бойцов выделил, что поздоровее.

Послал Константин фельдшера к брату, а сам отряд из деревни в поле вывел, охрану вокруг поставил, чтоб никто из посторонних близко не подходил.

Знал Константин, что такое сап. Жену вспомнил, детей, и плохо ему стало, но взял себя в руки. Провёл смотр своему войску и приободрил людей, как мог. Сообщил, что из города к ним врачи едут. Хорошие врачи. Наши врачи.

Разложив на столе карту, сотник нервно кусал кончик карандаша.

– Не пойму, что происходит. Хоть убей, не пойму! Откуда здесь регулярные части красных, откуда?

– Может, фронт прорвали? – высказал предположение молодой подхорунжий с заячьей губой.

– Фронт?.. Где ты видел фронт, подхорунжий? Ты понимаешь, что это для нас с тобой тогда значит?

– Догадываюсь, любезнейший. Догадываюсь.

– А я знаю наверняка... И тебя, и меня, и всех нас... Эх, да что говорить! Живым попасть к ним не советую.

В горницу тихо вошёл казак.

– Ваше благородие, там лазутчика поймали.

– Что? – оторопел сотник.

– Я говорю, разведчик ихний попался, – пояснил казак.

– Разведчик? – сотник посмотрел на подхорунжего. – Значит, пронюхали, сволочи, где мы. Ташши его сюда!

Казак молча кивнул и вышел.

– Сейчас мы всё узнаем, всё выпытаем.

Подхорунжий поморщился:

– Только не здесь, уважаемый. Всю ночь кровью вонять будет. Противно!

– Тебе противно чужую нюхать, а когда твою по сусалам размажут, что скажешь?

Два казака втолкнули связанного по рукам мужика в военной форме без погон. Увидев сотника, мужик улыбнулся разбитыми губами.

– Привет, Маркелыч! Хорошо гостей встречаешь.

Сотник вздрогнул:

– Смотря каких... Петька, ты?

Мужик ухмыльнулся:

– Я, а то кто же!.. Вели развязать, руки затекли.

Сотник сделал знак, и казаки распутали арестованного. Помяв ладони одна о другую, положив руки в затёкших местах, мужик сказал:

– Ты уж извини, Маркелыч, в долгу не люблю оставаться. – И, развернувшись, ударил коротким ударом одного из конвойных в челюсть. Конвойный упал, ударившись головой о стенку, и затих на полу под лавкой.

Второй казак моментально схватил мужика за горло и повалил рядом с упавшим.

Сотник схватился за наган.

– Отпусти эту паскуду! – приказал он казaku. – Отпусти, я сам его шлёпну.

Казак отпустил мужика, а тот сел на пол, вытянул вперёд ноги и сказал хорунжему, массируя одной рукой шею:

– Охолопись, не больно боюсь. Пуганные уже.

– Не мной пуганный! – скрипнул зубами хорунжий.

– И пострашней тебя видывали. Да ты не кипятись, земляк, должок у меня за ним небольшой был. – И мужик показал на разбитое лицо. – Я же вас, кошкины дети, уже сутки по тайге ишшу. Хорошо прячетесь!

– Зачем ищешь? – прищурил глаз хорунжий.

– Больно по тебе соскучился. Чай, не один годок не виделся! Здравствуйте, Никифор Маркелович!

– Не стоило сапоги топтать, – зло буркнул хорунжий.

– А я на лошадке ехал, на красноармейской. У твоего отца, кстати, леквизированной.

Подхорунжий усмехнулся. Он один из всех сохранял спокойствие в этой заварушке, и ему доставляло истинное удовольствие наблюдать за перепалкой бывших соседей. В это время зашевелился под лавкой конвойный.

– Ничё, отойдёт! – усмехнулся арестованный. – Я ему вполсилы должок отдал. Сроду не было привычки всё сразу отдавать.

– Красный? – спросил сотник, и лицо его нехорошо дёрнулось.

– По мобилизации. Не успел домой от Колчака вернуться, неделю назад взяли. Винтовку дали, будто я своей не мог принести. Лошадь... А третёвдня вас в засадке стерёг.

– Так... Значит, это твои дружки-товарищи нас приласкали? – вскипел сотник.

– Мои, мои... – усмехнулся мужик. – Только ты им спасибо должен сказать, Маркелыч, что раньше времени стрельбу начали. Молодые ишо, необстрелянные. Со стороны поглядеть – многие совсем пацанва... Будь там десятка два-

три таких, как я, лежать бы вам под теми берёзовыми кусточками всем до единого.

– О себе подумай!

– А я и подумал. Чего, думаю, мне с голодранцами в казаки-разбойники играть, чего старый мир рушить, когда мне и раньше весело жилось?.. Чай, не забыл наших посиделок, Маркелыч? – засмеялся мужик. – Некоторые молодки до сих пор тебя поминают!

– Дальше! – угрюмо приказал хорунжий.

– А чё дальше? – усмехнулся мужик. – Сижу в засадке, вдруг – батюшки светы! – тебя увидел!.. Лихо ты офицерской задницей перед красными мелькаешь, думаю – чем я тебя хуже! Дай, думаю, за тобой пойду. И пошёл!

– Так я тебе и поверил!

– Выхода у тебя, Маркелыч, нету, – посерьёзnel мужик. – Я же сейчас один из всех вас разведку знаю: где красные, где белые, где вообще никого нет. Ну шшолкни меня, ежели хочешь, а дале чё? Куда пойдёшь? В какую сторону двинешь?

Сотник молчал.

– Вот то-то и оно! Я, один я правильную дорогу знаю. Запомни это, паря. Понял я вчера, куда ты вознамерился. На старые охотничьи зимовья потянуло? Сурьёзный человек в сурьёзное место и прячется. Только зря. Не ты один такой умный в нашей тайге.

– Чего ты хочешь? – насупился сотник.

– Остаться у тебя хочу, Маркелыч. Какая-никакая, а всё родственная душа. Меня ты знаешь. И моих до седьмого колена. Мне вроде ни к чему с товарищами. Скушно у них. Одной политграмотой замучили.

– Скушно? У нас веселья тоже нет.

– Так мы сами люди весёлые. Скучать не любим и другим не дадим.

Сотник всё больше мрачнел, глядя на земляка.

– Как красные очутились в Потаповке? – спросил он, спрятав наган.

– К себе берёшь? – дерзко спросил мужик.

– Посмотрим.

Мужик вздохнул.

– Ну, и на том спасибо. Значит, так... Как я понял, фронт прорвали выше по реке. Регулярные части соединились с партизанами с месяц назад. Наши, кто уцелел, отошли на низ, ну а вам, видать, не сообщили. Не до того было.

– Сволочи! – выругался сотник.

– Всяк о себе думает, чего дивиться? А тебя красные давно на примете держат, – мужик встал, отряхнул брюки. – Всё мужичьё против настроили.

– Плевать я на них хотел.

– Плюй не плюй, а у Вертикоса мужики вас на мякине провели.

– Как так?

– А вот так. – Мужик сел за стол. – Узнали от партизан, что ты в их сторону двинул, сход

собрали. Ночь посидели, поговорили, а утром сели на коней почти всем селом, лопаты к спинам привязали, у кого ружья не было, и прогарцевали на глазах твоих разведчиков. Издалека-то они и полком со страха показаться могли.

– Сожгу! – закашлялся сотник.

– Не сможешь. Там теперь целая рота с пулемётами квартирует. Враз порешат.

– Что посоветуешь?

– А что советовать? Подумать надо. И выход, я думаю, есть... Вели стаканчик поднести. И закуски не пожалей. Что-то озноб меня бьёт, – мужик поёжился. – Харчатся красные хреново, совсем отошшал.

Сотник приказал принести самогон и закуски. В это время окончательно пришёл в себя побитый казак и теперь сидел на лавке, тупо уставившись на пьющего «красного» лазутчика. Он ничего не понимал.

– Красные вас ловить будут на низу, – продолжал мужик. – А ты иди в верховье. Так лучше будет.

– Там нам и крышка.

– Слушай сюда, – мужик порозовел от выпитого и явно пришёл в хорошее расположение духа. – У товарищей силов пока нет, чтобы на два фронта разом работать. Им бы сейчас самый раз отдышаться да раны зализать. Потрёпаны тоже, не приведи господь! Пережди шум и давани в неожиданном месте.

– А сейчас куда идти прикажешь?

– Ну зачем мне приказывать? – мужик усмехнулся. – Я в чинах тебя пониже буду. Вели в Татьяновку лыжи вострить.

– Сто вёрст от большака? – присвистнул подхорунжий.

– А вам что, хочется на базаре лагерем стоять? – съязвил мужик.

Подхорунжий промолчал.

– Хорошо, – сказал сотник. – Иди к Ерофееву, он тебя определит.

– Винтовку-то пусть вернут. И лошадёнку тоже.

– Иди, иди!.. Всё отдадут, что положено. И лошадь тоже.

Мужик ушёл, за ним потянулись конвойные.

– Отставить! – приказал сотник. – К себе его беру. Скажи Ерофееву, чтоб всё в аккурат с ним было. Ступай! – приказал он одному казаку. Второго, битого, придержал.

– Выйдем к своим, ты его при случае... Понял?

– Понял, – кивнул казак.

– Но не раньше. И тихо.

– Сделаю. Возьму грех на душу.

Когда казак ушёл, сотник спросил подхорунжего:

– Когда тебя к нам направляли, что за обстановка на картах была?

– Не знаю! Честно говоря, мне тогда не до того было.

– А до чего тебе вообще дело есть? Эх ты, студент!

...За ужином сотник шалости ради потчевал собачинкой местного батюшку, в доме которого остановился, спаивая его самогоном и брагой.

– Вот вы, батюшка, человек учёный, – говорил он, подливая попу в стакан жёлтой браги. – В семинариях учились... А ответьте мне на вопрос – всегда ли человек смертным будет?

– Вы, наверное, хотели сказать, господин офицер, обретёт ли человек бессмертие души? – не понял батюшка. – В святом писании...

– Вы мне не про душу, а про обыкновенное человеческое тело в костях и с мясом скажите, – грубо прервал его сотник.

– Эх, господин офицер, господин офицер! – вздохнул поп и приналёг на капустку. – Где же это видано, чтобы бренное тело вечно жило? В сказках только. Да и ваша шашка, прости меня, Господи, не одну грешную душу, наверное, на волю выпустила, вам ли этого не знать?

– Верно, верно! – усмехнулся сотник. – Зачать жизнь легко, порешить и того легче, а я вот всё-таки интересуюсь, как её сохранить вечно?

– А, собственно, зачем вам, господин офицер, жить вечно? Ведь так и со скуки околоть можно!

– Ну не вечно, а лет сто я бы не отказался.

– Сто лет! Адам и Ева жили намного больше. А всё почему? Потому что не знали вражды. Потому что не шёл брат на брата. Каинов не было. А ныне все заветы Божьи забыли. Прощать друг другу грехи разучились. Сказано в писании: «Брат брату прощать должен грехи не до семи, но до семижды семидесяти раз»... Чтоб жить сто лет, не нужно брать в руки оружия. «Не убий!» – вот заповедь от Бога.

– Не убий? – скрипнул зубами сотник. – А что ты будешь делать, когда красные безбожники повесят тебя за бороду на первой осине, а из рясы комиссарше юбку сошьют?

– Всё в руке Божьей, – развёл руками священник и осенил себя крестным знамением.

– Не по вере живёте, господин поп. Зря и нас обижаете, – насел на батюшку подхорунжий. – Ибо сказано в Евангелии от Матфея, что не нужно бояться убивающих тело – то бишь нас, христовых белых воинов, души не могущих убить, – а бояться нужно тех, кто может и тело погубить в геенне огненной, и душу. «Не мир я вам принёс, но меч». Так Христос говорил, батюшка?

– Не совсем так, но... Все мы рабы его, и живём, и думаем, и дела наши делаем по его неисповедимому предначертанию. Ведь сказал же Христос о нашем смутном времени, что «предаст брат брата на смерть, и отец сына; и восстанут дети на родителей, и умертвят их;

и будете ненавидимы всеми за имя моё, претерпевший же до конца спасётся. Когда же будут гнать вас в одном городе, бегите в другой».

– Это что, намёк? – грозно спросил сотник.

– Ну что вы, это же святое Евангелие. Я хотел сказать, что Бог терпел и нам велел. Ваше здоровье, господа!

Поп выпил и снова полез ручищами в капусту. Это был крепкий на вид мужчина с красным угреватым носом на пол-лица, с широкой густой бородой, лохматой гривой и густым басом. На мир поп смотрел просто и принимал его как зло неизбежное. Если бы его спросили, верит ли он в Бога, он не смог бы ответить на этот вопрос достаточно правдиво. Во что-то верить надо...

– Культурный священник, а едите руками, – заметил подхорунжий, ещё не успевший забыть подзатыльников гимназического священника.

– Христос, вьюноша, вообще ел не омывая оных. Книжники и фарисеи порицали его за это, – усмехнулся поп, – но он отвечал им, что не та грязь грязью зовётся, которая входит в человека и выходит, а та, что душу пачкает.

И, уже не обращая внимания на слишком брезгливого подхорунжего, обратился к сотнику.

– Так вы, господин офицер, спрашивали о вечности? В христианском мире ни один из людей не был взят в рай живым. Такого не припомню.

– На нет и суда нет. – Сотник выпил и тоже потянулся к капустке, засоленной целым вилок. – Хороша у тебя попадя, батюшка, рукодельница!

– Не жалуюсь! – Поп налил сотнику в стакан. – А вот у варваров, у греков, там было всякое. Всякое!

– Умирать не хочется! – признался разомлевший сотник. – Смерть перехитрить, побороть... Вот чего хочу!

– У древних греков, – продолжал поп ровным голосом, словно и не слышал признания сотника, – был полусвятой по имени Геракл. Содеял он великое множество подвигов при жизни и один из них таков: попал однажды Геракл к царю...

– Не к Миколаю Лександровичу? – пошутил сотник.

– Нет, не к нему, царствие небесное царю-великомученику! – перекрестился поп, задрал очи в передний угол. – Попал он к одному царю, имени не припомню, к которому, оный сотворил в честь великого гостя пир зело велик. – Увлекаясь, батюшка стал говорить так, будто он стоял перед паствой. Голос его звучал всё сильнее, завораживая слушателей красотой и силой звуков, вылетающих из огромной глотки. – Стали они трапезничать, и увидел Геракл, что грустен царь. И спросил он его: «Что

с тобой?». Отнекивался царь, а потом сказал: «Смерть пришла за мной, и не смог я откупиться от неё великими дарами. И сказала она, что уступит мне лишь тогда, когда кто-то сам, своей охотой, вместо меня на смерть пойдёт». – Поп замолчал и грустно склонил голову над пустой тарелкой.

– Ну и что? – спросил заинтересованно сотник.

Собравшиеся за столом внимательно слушали поповский рассказ, даже Игнат, молчаливо сидевший на самом краю стола, и тот не отрывал глаз от потного и красного лица хозяина дома.

– Услышав эту весть, – продолжал поп, – любимая жена царя замуровала себя в фамильном склепе и с часу на час ждала прихода смерти. Только чтя закон гостеприимства, царь не захотел огорчать гостя и сел с ним за праздничный стол.

Хитрый поп, видя, что его рассказ вызвал неподдельный интерес, решил потянуть удовольствие. Ковырнул вилкой солёный гриб, с хрустом прожевал и не спеша запил самогоном. Сотник жадно наблюдал за попом, а поп пьянел на глазах, но продолжал говорить связно и громко.

– Так вот, значит, оный Геракл, зная, что смерть ещё не приходила к царю, вызвался помочь горю гостеприимного и щедрого хозяина дома. И пошёл Геракл в склеп к царице. И там дождался прихода Смерти и вступил с ней в битву, и поборол ея. Смерть отступила от царя и вернула к жизни Алкестиду. – Поп произнёс имя царицы и сам удивился этому: вот память! – Да, именно Алкестиду! Да!.. Вот так было у варваров, господа. У варваров, но не у христиан.

– Враки всё это! – сказал сотник. – Враки! Никакая баба на такое не пойдёт. Нет!

– Согласен, – сказал поп. – Потому что у греков этих было самое настоящее варварство, дикость!

Игнат просто смачно сплюнул. Подхорунжий, перебиравший на чугунной этажерке каслинского литья коллекцию цветных открыток под заглавием «Священное писание. Картины из Ветхого завета по оригиналам известного художника профессора Лейвенсберга», усмехнулся.

– А ещё у них одного отрока Зевс на небо живым взял, – вспомнил поп.

– Враки всё это, враки! – начал сердиться сотник.

– Нет, не враки, господин хорунжий, – сказал любитель живописи. – На сей раз батюшка правильно глаголет. Я эти истории ещё в гимназии во втором классе читал. Предмет у нас такой по древним мифам был. Учебник назывался, как сейчас помню, «Восток и мифы». Этакая красенькая книжица, а буквы золотые.

– Совершенно верно, молодой человек! – подтвердил поп и победно посмотрел на сотника. – Помню, ещё стихи были любопытные, кажется, Джона Мильтона. «О моей покойной маме» назывались.

Поп несколько раз кашлянул, прочищая горло, и продекламировал:

Казалось мне: умершая жена

Явилась мне – мой нежный, кроткий друг!

Так встарь Алкеста сыном Зевса вдруг

К супругу в дом была приведена...

– Поэзией интересуетесь, батюшка? – подхорунжий прищурился.

– Пустое! – отмахнулся батюшка. – Кто в юности стихов не читал? Сколько лет уж не притрагивался. С годами о словах меньше думаешь, чем о животе, о брюхе ненасытном.

– Греховное городите, батюшка. Сказано ведь в Библии: сначала бе слово... Грешно материальное во главу ставить.

– Так и жизнь наша полна греха. Рождается человек во грехе и в нём же умирает.

– А английских революционеров почему наизусть цитируете?

– Где? Когда? Каких революционеров? – изумился поп.

– Только что, батюшка, только что. Джон Мильтон – активный деятель английской революции.

– Побойтесь Бога, молодой человек! – испугался поп. – Какой же Мильтон революционер? – Но, вспомнив, видно, кто был поэт на самом деле, поп сник. – Э, когда это было? Его и косточки давно мохом поросли!

– Однако читаете вы его сейчас, – наседали подхорунжий, – в наше беспокойное время!

– Отставить! – пресёк назревающий скандал сотник. – Пусть англичане сами в своём дерьме разбираются, нам бы со своим бы справиться. Вы-то, подхорунжий, откуда знаете, что этот англичанин революционер?

– Кое-какое образование имеем, – ехидно усмехнулся подхорунжий.

– Ну и помалкивайте, коли имеете.

Сотник замолчал, и, казалось, уже не обращал внимания ни на попу, ни на слишком учёного взводного, ни на урядника, по-звериному, с урчанием поедающего мясо. И о чём он думал, угадать было трудно.

– Где гимназию кончать изволили? – робко поинтересовался батюшка у подхорунжего.

– В Харбине, – как ни в чём не бывало, ответил тот с улыбкой. – Заслушал полный курс в гимназии имени генерал-лейтенанта Хорвата Дмитрия Леонидовича, ныне верховного уполномоченного администрации Колчака по Дальнему Востоку... Хорошая гимназия была,

чистенькая... Зайдёшь в неё – всё блестит... А на втором этаже, на лестничной площадке, у самого окна, огромный белый бюст самого генерал-лейтенанта. Вспомню – сердце щемит. Так всё было тихо, спокойно...

– Как же вас туда занесло? – искренне удивился поп.

– По торговым делам, – охотно вступил в разговор взводный. – Батюшка мой, царствие ему небесное, в магазине господина Чурина работал приказчиком.

– «Чурин и К» – фирма известная!

– Да, известная... Почти до самой революции там прожили. Теперь вот здесь, с казаками, за веру и отечество.

– Сами, охотником?

– Охотником! – усмехнулся подхорунжий.

– По приказу его высокопревосходительства и его личному желанию. А то бы вы видели меня здесь, батюшка!

– Алкестида!.. В красненькой книжице... – неожиданно произнёс сотник. – Слушай, поп! – он встряхнул попа за плечи. – Так, говоришь, у христиан такого не было?

– Какого «такого»? – не понял поп.

– Геракла не было?

– Нет, у христиан не было. Георгий Победоносец был, Александр Невский был, а Геракла не было. Точно помню!

– Красные – безбожники, значит, они варвары?

– Варвары, самые настоящие варвары! – согласился поп.

– И, значит, у них может быть Геракл? Свой, красный Геракл?

– Может. У них всё может.

– Игнат! – позвал сотник.

– Слушаю, вашбродие!

– Далече отсюда красные нас попотчевали?

– Верстах в сорока.

– Далековато, однако. Но, может, успеет красный Геракл помочь красной Алкестиде, а?.. Слушай приказ. Остаёмся здесь ещё на одни сутки. Ты понял? Ровно на сутки. Надо и нам напоследок зело велик пир устроить. Выслать дозоры вёрст на пять, на семь по дороге. В бой не вступать. Если чё, сразу ко мне! Да, из деревни днём выпускать всех. Пушшай идут, пушшай доносят, а мы сделаем вот чё... Нас заманили в засаду, и мы потешимся. На живца красных ловить будем, на живца!

Той же ночью в деревне взяли трёх мужиков.

...С утра не проспавшийся поп затянул в горнице густым басом: «Спаси, Господи, люди твоя и благослови достояние твое... Победы благоверному императору нашему Миколаю Александровичу... На супротивление даруя-я...». От его хриплого голоса потянуло чем-то родным и знакомым, засевающим в душу с самого детства.

Как всё было хорошо раньше, Господи!.. Будет ли когда так хорошо ещё в жизни? Будет ли?..

Первый раз ранило сотника, а тогда подхорунжего, в начале 1916. Ранило не в бою, а при охране работающих на рытье окопов. Ранило глупо и тяжело. Щеголеватый молодой офицерик, видимо, оказался удобной мишенью для каких-то способных немецких или австрийских стрелков, которые с колокольни монастырской церкви попали в него двумя пулями в живот и одной пулей выше, в лёгкие. От пули в сердце спасла ладанка с Богом Саваофом, пришитая на внутренней стороне шинели, на уровне груди. Пуля от иконки ушла рикошетом, оставив на память о себе глубокую вмятину и порванную шинель. Согнанные на окопные работы крестьяне положили раненого на носилки, сооружённые из двух жердей, связанных чем попало, наспех перевязали полосками разорванного белья, тут же свернувшегося кровавыми верёвочками, и по ходам сообщения понесли до перевязочного пункта, удалённого от передовой на пять километров. Кажется, закрой глаза сотник, и тотчас же вспомнит те узкие проходы в сырых окопах... Те подъёмы и спуски самодельных носилок при неудобных поворотах в траншее... На перевязочном пункте врачи определили слишком большую потерю крови, сказали: «Не выживет». После этого очнулся сотник уже в тыловом госпитале. Как добрался до него, что с ним было – ничего не помнит, ничего не знает. Да и в госпитале первое время почти ничего не соображал. Не кормили долго, это запомнил хорошо, пищеварительный тракт был перебит, не поили. Как страшно хотелось пить!.. Голод почти не мучил, а вот жажда!.. Казалось, пил бы даже конскую мочу... А ухаживала за ним прехорошенькая сестра милосердия, самая разная графиня. Молодая, красивая... Или ему просто тогда она казалась красивой?.. Муж у неё был на фронте, как узнал потом подхорунжий, детей не было. Вот она и попала в госпиталь, нашла себе занятие от скуки. Правда, ничего между ними не было, да и быть не могло: кто он и кто она? Она видела в нём всего лишь маленький винтик, выпавший на время из жерла огромной машины войны, и не видела в нём человека. Жертву – видела, видела и восхищалась: надо же, ранен был казачок почти смертельно, и выжил! Человека – нет! По выходе из госпиталя прочитал он в справке, что потеря крови была «свыше 40 %». «Взвешивали они меня, што ли? – терялся подхорунжий в догадках, читая об этих сорока процентах. – Врут, поди!»

– В рубашке родился, юноша! – сказал ему на прощание врач и направил домой в отпуск на поправку. А тут... Тут вон какой отпуск третий год полыхает! Выписался-то подхорунжий в январе 1917...

Батюшка всё ещё выводил своё привычное: «И Тебя восхваляя своим жительство...», а сотник был уже на ногах и одет, обут по всей форме.

Когда ему доложили, что трое мужиков арестованы, только четвёртый куда-то скрылся, сотник рассвирепел.

– Вы мне весь план срываете! – гремел он по подворью, почему-то сразу уверившись в том, что именно этого сбежавшего мужика ему и не хватает до осуществления его замысла, хотя ещё вчера сотнику было безразлично число крестьян, которых он прикажет арестовать сегодня. – Где хотите, а найдите его. Он не должен был никуда уйти.

– Да куда же ему уходить от детей? – поддакнул батюшка. – Здесь он, в деревне. Где-нибудь зарылся в погреб и сидит, паскуда! Прости меня, Господи! – перекрестился поп.

– Где живёт? Веди меня туда, – приказал сотенный уряднику.

Урядник молча повёл сотника по деревне к уже знакомому ему дому. Вчерашняя баба стояла у жердёвых ворот и словно ждала их.

- Где муж? – спросил сотник.
 - Уехал вчера ещё... Куда – не знаю.
 - Дети здесь?
 - Здесь, – пролепетала баба.
 - Давай сюда! – приказал сотник.
 - Нет. Не дам!.. Не дам!.. – запричитала баба.
 - Не бойся, дура, не тронем твой выводок!
- рассмеялся сотник.

Он порылся в кармане, нашёл чудом уцелевшую замусоленную конфетку, и, как только Игнат вытащил из избы детей, сказал:

– Девочки!.. Кто-нибудь из вас пробовал конфеты?

Дети молчали.

– Неужели никто ни разу не ел конфет?

– Да они, ваше благородие, не знают, что это такое.

– А мы вот сейчас им покажем, – сотник развернул конфету, и вплотную подошёл к девочкам. – А ну, лизни!.. Теперь ты... Ты... Ну, вкусно?

– Вкусно, – откликнулась девочка лет трёх.

– А ещё хочешь?

Девочка кивнула головой.

– Я тебе дам конфету, если ты скажешь, где твой тятка. Мы привезли конфет для всех вас, а он, дурачок, прячется... Ну, где он? – сотник взял девочку на руки и дал ещё раз лизнуть конфету.

– Вон там, – показала девочка на копну сена во дворе.

К копне тотчас же бросились казаки, расшвыряли её по двору и обнаружили под копной яму, в которой сидел мужик...

– Вот спасибо, девочка, вот спасибо! Держи конфету, ты её заслужила, – сказал довольный сотник и слегка шлёпнул девочку.

Врач, усталый, с красными, воспалёнными от бессонницы глазами, прибыл из города с небольшим отрядом красноармейцев под утро. С ними приехали и оба бойца с фельдшером. Спешившись неподалёку от стоянки чоновцев, врач провёл тщательный осмотр каждого красноармейца, каждой лошади. Командиру же из волости чёрную весть от брата привёз: подранили его в недавнем бою, и лежал он пластом в лазарете уже вторые сутки. Совсем тошно стало командиру. Снова пошёл жар по телу... Врач к тому времени осмотр закончил, дал бойцам микстуры, порошки, в знак благодарности от командования новое обмундирование выдал, отобрал несколько человек, более здоровых на вид, и с собой в город взял, снял посты ограждения, прощаться стал. Перед уходом долго о чём-то с командиром говорил, спорил, кажется, хотел его к брату отвезти, в лазарет... Не уговорил. Напоследок передал командиру приказ из штаба, и вместе со своим отрядом уехал восвояси.

Командир молча прочитал приказ, осмотрел ещё раз бойцов и приказал им отдыхать. Всем отдыхать. Отдыхать и готовиться к выступлению. Бойцы после этого разбрелись кто куда, осматривая полученное обмундирование, обсуждая приезд врача и строя догадки о содержании приказа из штаба... Командир же пошёл на реку. Неширокая и тёмная, как большинство сибирских рек, она тянула его к себе, как живое существо, с которым только и мог поделиться своей тяжкой думою командир... Незаметно двигалась вода, унося слабым течением чей-то пух, щепочки, листья... У самого берега на солнышке резвились стайки мальков, бросаясь в разные стороны то ли от избытка сил, то ли от опасности, подстерегающей их где-то в глубине... В кустах стрекотали кузнечики, посвистывали какие-то птахи, но и птицы смолкали, лишь только рядом проходил человек или появлялся в небе жестокий коршун. Всюду на реке была жизнь, каждая козявочка хотела жить и, кажется, кричала об этом всем своим видом. Почему же он, командир, отвечающий за жизнь многих людей, доверившихся ему, не избегает... опасности, а сам ищет её?

Часа через два построил он отряд, объяснил обстановку на фронтах, рассказал, что положение волости критическое – ожидается крупное наступление белых по всему фронту, что в самом волостном городе раскрыт заговор колчаковского подполья, что борьба с врагом ещё не кончена... После зажигательной речи о неизбежной гибели мирового капитала поставил боевую задачу. Мол, в пятнадцати верстах от этого места, в глухом урочище затаилась банда. Необходимо скрытно подойти к ней и внезапным ударом разбить. Скомандовал: «По коням!», и отряд двинулся.

С рассветом деревня, занятая белыми, была на ногах. Все со страхом смотрели в сторону амбара, где сидели арестованные.

Днём верстах в десяти от деревни разведка белых неожиданно наткнулась на обоз переселенцев-погорельцев. Шли они от большой беды поближе к людям, в город. Двадцать лошадей, тридцать пять – сорок стариков с бабами и детишками, вот и весь обоз. Нищета, короче. Дозорным из вещичек поживиться было нечем, всё сожрал огонь, но и просто так отпустить обоз к красным не хотелось. Зло распирало казачков и искало выхода. Дозорные перетрянули все сундуки, искали причину для ссоры, а её всё не было. И вдруг один из них нашёл на дне сундучка справку, в которой было сказано, что «податель сей бумаги был милиционером в феврале-марте 1917 года». С этого и началось. При другом повороте дела на эту бумагу никто из них не обратил бы внимания, однако сейчас она стала главной уликой против низкорослого мужика, в прошлом рабочего спичечной фабрики Кухтерина, чёрт знает каким образом попавшего в семнадцатом в милицию Керенского. Ещё один дозорный вцепился в высокого парня с покаленной рукой. Дозорный утверждал, что видел калеку у красных в восемнадцатом. Инвалид, боясь за родных, не отрицал этого, и спокойно отошёл от телег поближе к яру, где уже стоял бывший милиционер. С инвалида тотчас же сняли почти новый меховой английский френч с накладными карманами и на всякий случай двинули прикладом в спину.

Так и лежать бы им, горемычным, в том яру, но неожиданно засуетились казачки, завжикали пули над головами у обречённых, и увидели обозники невдалеке цепь красных бойцов, бегущих по полю...

Сотник на стычку дозорных с красной пехотой прореагировал спокойно.

– Это плохо, что они не увязались за вами. Очень плохо. Видно, тоже разведка, – сказал он подхорунжему. – Осторожничают. Геракл уже недалеко, и, кажется, он оказался сильнее, чем я предполагал. Но ничё! Черви всех едят одинаково, и героев, и трусов. Мы ишо посчитаемся, мы ишо успеем попировать. Игнат! – крикнул он, высунувшись в окно. – Веди арестованных и собери народ у церкви.

У церквушки собралось всё село.

– Эт-ти мужики, – надрывался сотник в крике, – агитировали за красных ишо в семнадцатом году. И цветом не изменились по сю пору, о чём лишний раз говорит их упорное нежелание назвать дружков. А дружки их нам очень хорошо знакомы, позавчера встречались. Да-с!.. Позавчера.

Сотник прокашлялся, сделал паузу и продолжал:

– Не хотят говорить – не надо! Нам и так всё известно. Не перевелись ишо на Руси люди, верные православному отечеству, – он улыбнулся широкой улыбкой батюшке, стоявшему рядом. – А посему будем их убивать.

Последние слова сотник произнёс с улыбкой, буднично и просто, так что не сразу поняли деревенские, что же он с арестованными будет делать. А поняв, собравшиеся в центре села разом вздрогнули, завыли, запричитали десятками бабьих голосов.

– Да, будем убивать! – добавил сотник. – Ерофеев! – крикнул и закашлялся. – Веди!

И сотник нервно завертел головой, будто выискивая кого-то в толпе. Нет, того, кого он искал, там не было. А может, ещё придёт... Время-то есть... Может, придёт, выручит невинно страдающих... А если не придёт этот красный полубог?.. Если не придёт, значит, будет четырём великомучениками больше в красном яру, а тяжкий грех сотника на четыре души потяжелеет.

Обречённых вывели на площадь и поставили к стене амбара. Отделение казаков молча выстроилось напротив.

Сотник ещё раз оглядел толпу и крикнул:

– Я отпущу мужиков по домам, если за них кто-то выйдет сюда на распыл сам. По доброй воле. Согласен всех четверых заменить лишь одним человеком... Или одной бабой.

Толпа замерла, опустив головы. Удивлённо уставились на сотника и казаки.

– Ну, нет желающих?

На площади стояла мёртвая тишина.

– Ну, коли нет... Значит, нет. Подхорунжий!

– Слушаю!

– Поп говорил, что варвары – это дикие люди, которым неведомо благородство души. У них не было истинной религии... И жили они тысячи лет назад. Так?

– Да, так.

– За последние тысячи лет книжники воспитали благородными только малую часть человечества, которая подобно нам с вами по собственной воле превращается в кровожадных скотов. Представляете, сколько понадобится времени, чтобы научить это деревенское быдло элементарному проявлению благородных чувств!.. Чувств, которые были знакомы ещё варварам.

– Зато, хорунжий, у них есть злоба и желание мстить. У них есть мечта и надежда на лучшее время. А у нас с вами их нет!

– Злоба, мечта, месть... Маловато, конечно, но пусть и за это скажут спасибо. Всё-таки мы их продвинули на шаг к совершенству. Начинайте, голубчик!

Вдруг к тем четверым у стены через жидкое казачье ограждение прорвалась уже знакомая сотнику баба с грудным младенцем на руках.

– Ироды! – завопила она, обращаясь к казакам. – Что же вы делаете? Не виновен он, не виновен!

– Уйди, Марья, – вполголоса проговорил заросший чёрной бородой Илья Петрович, он был у стены в центре. – Уйди от греха, аль не видишь, кто перед тобой?

И плюнул под ноги алуя слюну.

Казачья дружина щёлкнула затворами и прицелилась.

– Уйди, дура! – сказал сотник. – Ведь убьём, вправду убьём!

– Бей, сволочь, бей! Его убиваешь – и нас бей! Не виновен он!

Женщина закрыла лицо младенца руками и крепко прижалась к мужу.

– Марья, уйди! – хрипел тот и толкал её. – Уйди!

– Ну, вот вам и русская Алкестида, – сказал, улыбаясь, подхорунжий. – Может, и впрямь Геракл пожалует? Как вы думаете?

– Пусть только попробует! – прошипел сотник и зло рявкнул на Ерофеева: – Чё рот раззявил? Первый раз, што ли? Порядка не знаешь?

– Так вы говорили...

– Мало что я говорил!.. Шутил я.

– Дак это... баба тут... Опять же дитё... И народ.

– Народ?.. Где ты видишь народ? Где? – кашель душил сотника зверски. – Разве это народ? Трусливые скоты, признающие только кнут!.. Огонь!

– Пли! – судорожно скомандовал бородач в папахе, и выстрелил первым.

Грохнул залп. Эхо тут же разнесло его по округе и смолкло... В наступившей тишине на зелёный пырей, скорчившись, упало пять мёртвых тел. Ребёнок, откатившись в сторону, плакал, напуганный выстрелами. Неловко загребая ручонками, он подполз к матери и, найдя под цветастой кофточкой ещё не остывшую тёплую грудь, жадно потянулся к ней.

На винтовочный залп в деревне ухнуло оружие за околицей. Сотник вздрогнул и зло оскалится:

– Всё-таки он есть, этот Геракл!.. Есть! Но ты опоздал, дружок, на этот раз опоздал!

Рядом с сотником стоял перебежчик Пётр и молча смотрел на хорунжего. Его бил озноб, но не от вида казни, просто он был болен. Уже два дня у него был жар.

Горстка чоновцев ехала по лесу всю ночь. Измучились изрядно. Под утро, когда стало развидняться, вышли на чистое поле, в конце которого горели костры. Не люди – тени ки-

нулись в тот бой. Не каждый и шашку в руках держать мог, горячечный туман застил глаза... Командир скакал впереди всех, только в руке его была не сабля, а какая-то бумажка.

И только они доскакали до тех костров, ударили со всех сторон пулемёты. И с флангов, и с тылу... В четверть часа никого живого на поляне не осталось. Она была плотно окружена лесом, лучшего места для засады и не придумать.

Когда всё стихло, вышли из леса бойцы того самого отряда, что в волость с докторами ускакал, вырыли по краям поляны глубокие ямы, длинными крючками стащили в одну людей, в другую лошадей, облили керосином и подожгли... В одночасье всё в прах обратилось.

И только та бумажка, что накануне командир в руках держал, целой и невредимой пролетела по-над лесом и зацепилась за куст боярышника. Ветер распрямил её, как знамя, и каждый грамотный боец мог прочитать, что на ней было написано. Это была записка от старшего брата.

«Прости за жестокость, Константин! – писал брат. – Но иначе нельзя, сам знаешь. Спасти можем только здоровых, и то на время... Положение города – безвыходное. Можно было бы, конечно, бросить вас в настоящий бой, но... Возможна эпидемия. Пострадают невинные. Лучше умереть в ложном бою с верой, что он настоящий, чем гнить заживо дни и недели, заражая других. Если хочешь, объясни это ребятам, которые духом покрепче. За Пелагею и ребят не бойсь, досмотрю, коли сам жив буду. Ещё прости, что приехать не могу, доктор не велит. Прощай, родной! Кланяюсь низко в ноги тебе и твоим героическим бойцам. Дмитрий. Твой брат и командир». А ниже подпись.

На том и кончилась история этого чоновского отряда. Заразной болезнью был сап. Неизлечимым считался.

Казачья дружина на сытых, отдохнувших конях, не вступая в бой, бешеным аллюром уходила в тайгу. Чахоточный хорунжий, так же покашливая, качался в седле, изредка сплёвывая кровью. На щеках его горел нездоровый румянец, рот скалился в полуулыбке-полугримасе. Из глотки почти безостановочно вырывалось хриплое:

– Мы ишо с тобой встретимся, Геракл... Мы с тобой... ишо встретимся!

Глотая пыль из-под лошади сотника, следом за ним скакал на красивом вороном коне юный подхорунжий. Всего на полкорпуса лошади от него отстал земляк сотника перебежчик Пётр, нещадно колотивший неказистую, потную кобылку, отфыркивающуюся гнойно-кровоавыми сапными хлопьями. За ними тянулись остальные...

Казачья дружина уходила в тайгу, уходила навстречу своей гибели.

1982 г.

(Иллюстрации автора)

«...И утонул на дно»

Живой Чапаев не был нужен ни белым, ни красным

Сводный казачий отряд полковника Уральской армии Тимофея Сладкова, совершив скрытный рейд по тылам красных, 4 сентября 1919 года вышел на подступы к Лбищенску. В станице располагался штаб 25-й стрелковой дивизии 4-й армии Туркестанского фронта, которая тогда считалась лучшей и самой боеспособной дивизией едва ли не во всей РККА. Да и по своей численности, мощи и вооружению была вполне сопоставима и с иными армейскими соединениями того времени: 21,5 тысячи штыков и сабель, не менее 203 пулемётов, 43 орудия, автобронепоезд, да ещё приданный авиационный отряд. Непосредственно в Лбищенске у красных было от трёх до четырёх тысяч человек, хотя значительная часть их – штабные службы и тыловые подразделения. Начдив – Василий Чапаев.

Резня в Лбищенске

Перерезав ночью телеграфные провода, бесшумно сняв красноармейские посты и караулы, ударная группа отряда Сладкова на рассвете 5 сентября 1919 года ворвалась в станицу, и к десяти утра всё было кончено. Как гласила оперативная сводка штаба 4-й армии № 01083, датированная 10 часами утра 6 сентября 1919 года, «в ночь с 4-го на 5-е сентября противник в количестве до 300 человек при одном пулемёте с одним орудием произвёл налёт на Лбищенск и форпост Кожехаровский, захватил их и двинулся по направлению к форпосту Бударинский. Красноармейские части, находившиеся в Лбищенске и в форпосте Кожехаровский, в беспорядке отступили к форпосту Бударинский. Штадив, находившийся в Лбищенске, захвачен полностью. Сотрудники штаба перерублены, начдив Чапаев с несколькими телеграфистами пытался скрыться на бухарской стороне, но был тяжело ранен и телеграфистами оставлен».

Обычно у страха глаза велики, здесь же с перепуга численность противника сильно преуменьшили: по данным белых мемуаристов, в рейде на Лбищенск участие принимали 1192 бойца при девяти пулемётах, да ещё и орудие было. Разумеется, всей этой массе просто негде было развернуться ночью на узких улочках станицы, так что, вероятно, в ударной груп-

пе действительно было не более 300 человек, остальные – на флангах и в резерве. Но хватило и этого, разгром был столь ужасающ, что и сутки спустя некому было донести штабу армии реальные детали и подробности. Да и кто мог поверить, что столь значительный отряд противника, которого в штабе Туркестанского фронта полагали уже практически разгромленным и беспорядочно отступавшим к Каспию, сумел не только беспрепятственно проникнуть в тыл красной группировки, но ещё и незамеченным пройти свыше 150 км по голой и выжженной степи, подобравшись к станице, над которой днём неустанно патрулировали аэропланы. Тем не менее, штаб дивизии вырезан, разгромлены дивизионные подразделения тылового обеспечения, управления артиллерии и инженерное – с сапёрными подразделениями, команда и узел связи, команды пешей и конной разведки, дивизионная школа младших командиров, политотдел, особый отдел, ревтрибунал, часть автобронепоезда. Всего казаками было

убито и пленено свыше 2400 красноармейцев, взяты немалые трофеи – свыше 2000 подвод с разным имуществом, радиостанция, пять автомобилей, захвачены пять аэропланов с лётчиками и обслуживающим персоналом. Из взятого белые смогли вывезти «лишь» 500 подвод, остальное им пришлось уничтожить – оружия, боеприпасов, амуниции и продовольствия на подводах и складах Лбищенска оказалось аж на две дивизии. Но главной потерей стал сам начдив – Чапаев.

Что именно с ним произошло, так никогда и не стало известно: он просто бесследно исчез, ни среди живых, ни среди мёртвых его так и не обнаружили – ни белые, ни красные. А все версии случившегося с ним – убит, изрублен до неузнаваемости, утонул в Урале, умер от ран, тайно похоронен – не основаны ни на документах, ни на свидетельствах. Но самая лживая версия – каноническая, запущенная в 1923 году в широкий оборот бывшим комиссаром чапаевской дивизии Дмитрием Фурмановым, а уже из его романа «Чапаев» перекочевавшая в знаменитый фильм.

Противостояние начдива и комиссара

Что мог знать Фурманов о лбищенской трагедии? С подлинными документами работать он тоже не мог – по причине их полного отсутствия в природе, о чём будет сказано ниже. Да и с непосредственными свидетелями из числа бывших чапаевцев тоже на самом деле не общался, поскольку за три месяца своего комиссарства у Чапаева не приобрёл никакого авторитета среди бойцов, так и оставшись для них чужаком, присланным исключительно для глядатайства за их любимым командиром. Да он и сам никогда особо не скрывал своего откровенного презрения к чапаевцам: «бандиты, которыми командовал усатый фельдфебель», – это из личных записей самого Фурманова. Легенду о чудесных и даже якобы дружеских отношениях комиссара и Чапаева сам же Фурманов и сочинил. В реальной жизни, судя по документам, комиссар ненавидел Чапаева. Во всяком случае, об этом красноречиво свидетельствуют опубликованные историком Андреем Ганиным письма и дневниковые записи из коллекции Фурманова, находящейся в отделе рукописей РГБ.

Да и начдив не пылал любовью к комиссарам как таковым, слыл юдофобом и всегда нарочито коверкал фамилию комиссара, именуя его «товарищ Фурман», словно намекая на его национальную принадлежность. «Сколько раз вы издевались и глумились над комиссарами, как вы ненавидите политические отделы, – писал Чапаеву уже переведённый из дивизии Фурма-

нов, – ...издеваетесь над тем, что создал ЦК». С откровенной угрозой добавляя: «Ведь за эти злые насмешки и за хамское отношение к комиссарам таких молодцов из партии выгоняют и передают чрезвычайке».

А всё, оказывается, ещё и потому, что мужики женщину не поделили – Чапаев запал на жену Фурманова! «Он хотел моей смерти, – кипел возмущённо Фурманов, – чтобы Ная досталась ему... Он может быть решительным не только на благородные, но и на подлые поступки». Оскорблённый нежным вниманием Чапаева к своей жене (этих ухаживаний, кстати, вовсе не отвергающей), Фурманов отправляет гневное послание Чапаеву. Но дуэли, даже на перьях, не вышло: начдив, видимо, попросту избил своего комиссара. И тот пишет рапорт командующему фронтом Фрунзе, жалуясь на оскорбительные действия начдива, «доходящие до рукоприкладства».

Начдиву намекают, что с комиссаром надо бы поделкатнее, и Василий Иванович делает шаг к примирению. В бумагах Фурманова, некоторую часть которых опубликовал историк Андрей Ганин, сохранилась такая записка (стиль оригинала сохранён): «Товарищ Фурман! Если нуждается барышней, то приходи, ко мне придут 2, – одну уступлю. ЧАПАЕВ». В ответ Фурманов продолжает писать жалобы на Чапаева Фрунзе и в политические инстанции, именуя начдива тщеславным карьеристом, опьянённым властью авантюристом и даже трусом!

«Мне рассказывали, – пишет он уже самому Чапаеву, – что некогда вы были храбрым воином. Но теперь, ни на минуту не отставая от вас в боях, я убедился, что храбрости в вас больше нет, а ваша осторожность за свою многоценную жизнь очень похожа на трусость...». В ответ Чапаев изливает душу... жене Фурманова: «Я больше не могу с такими идиотами работать, ему быть не комиссаром, а кучером».

Фурманов, сходя с ума от ревности, пишет новые доносы, обвиняя соперника в измене революции, анархизме, и что тот специально посылает Фурманова в наиболее опасные места, чтобы после овладеть его женой! Высокие инстанции заботливо присылают инспекции, достающие начдива дознанием, словно ему и делать уже больше нечего. Взбешённый Чапаев в ответ рапортует, что его комиссар совершенно запустил в дивизии всю политическую работу. Шекспировские страсти отдыхают, – а ведь это фронт, война!

Фурманов даже не поленился сообщить самому Чапаеву, что накопил на него компромат: «Кстати, ещё помните, что у меня в руках есть документы, факты и свидетели». И дальше неприкрытая угроза: «Эти все документы у меня на руках, и при случае я покажу их кому следует, чтобы раскрыть Вашу гнусную игру... Когда будет нужно, я обнажу документы и расчешу по

косточкам всю Вашу низость». И ведь обнажил, направив очередной пространный донос на Чапаева. Но командование фронта, утомлённое кляузной эпопеей, сместило и наказало самого Фурманова, отправив его в Туркестан.

Зачистка «батек»

По сути, Фурманов был в дивизии Чапаева надзирающим оком Льва Троцкого. Не то чтобы вождь Красной Армии не терпел персонально Чапаева (хотя не без этого) – он просто ненавидел и боялся «батек» как таковых, выборных (и бывших выборных) командиров. 1919-й год как раз и примечателен массовым «падежом» наиболее популярных выборных красных командиров, развернулась организованная Троцким чистка «народных начдивов». От «случайной» пули в спину во время рекогносцировки погибает начдив Василий Киквидзе. По указанию Троцкого «за невыполнение приказов» и «дискредитацию политработников» расстрелян командующий так называемым южным Ярославским фронтом Юрий Гузарский. Расстрелян – снова по приказу Троцкого – популярный украинский комбриг Антон Шарый-Богунский. «Случайно» убит Тимофей Черняк, тоже популярный среди бойцов командир Новгород-Северской бригады. Ликвидирован «батяка» Василий Боженко – командир Таращанской бригады, соратник Богунского, Черняка и Щорса.

30 августа 1919 года пришёл черёд и самого Щорса, получившего пулю в затылок – тоже «случайную», тоже от своих. Как и Чапаев. Да-да, он тоже получил пулю в затылок – по крайней мере, члены Реввоенсовета 4-й армии в этом не сомневались. Сохранилась запись разговора по прямому проводу члена Реввоенсовета 4-й армии Сундукова с только что назначенным комиссаром 25-й дивизии Сысойкиным. Сундуков инструктирует Сысойкина: «Тов. Чапаев, видимо, был сначала легко ранен в руку, и при общем отступлении на бухарскую сторону пытался тоже переплыть Урал, но не успел войти в воду, как случайной пулей был убит в затылок и упал у самой воды, где и остался. Таким образом, мы теперь имеем также данные о безвременной гибели вождя 25 дивизии...».

Такая вот установочная версия с интересными подробностями! Ни свидетелей, ни тела, но член Реввоенсовета армии, сидящий за десятки, а то и сотни вёрст от Лбищенска, столь убедительно говорит о «случайной» пуле в затылок, словно сам свечку держал! Или получил детальный отчёт исполнителя? Правда, свежий комиссар 25-й дивизии, понимая, что про пулю в затылок лучше не заикаться, тут же предлагает более интересную версию: «Относительно Чапаева это правильно, такие показания давал ка-

зак жителям форпоста Кожехаровский, последние передали мне. Но на берегу Урала трупов валялось много, товарища Чапаева не было. Он был убит на середине Урала и утонул на дно...». Член Реввоенсовета соглашается: на дно так на дно, так даже лучше...

Примечателен и приказ за подписью командующего Туркестанским фронтом Фрунзе и члена Реввоенсовета фронта Элиавы, датированный 11 сентября 1919 года: «Пусть не смущает вас ничтожный успех врага, сумевшего налётом кавалерии расстроить тыл славной 25-й дивизии и вынудить её части несколько отойти к северу. Пусть не смущает вас известие о смерти доблестного вождя 25-й дивизии Чапаева и её военного комиссара Батурина. Они пали смертью храбрых, до последней капли крови и до последней возможности отстаивая дело родного народа». Всего лишь пять дней прошло, ни единого свидетеля, а штаб Фрунзе тоже во всём разобрался: было не беспорядочное паническое бегство, и даже не «общее отступление», а всего лишь «ничтожный успех врага», вынудивший части славной 25-й дивизии «несколько отойти к северу». Что именно случилось с начдивом, штабу фронта тоже ясно: «до последней капли крови» – и так далее. Да и был ли сам факт гибели Чапаева предметом отдельного расследования? Или его провели столь тайно и стремительно, что оно не оставило абсолютно никаких следов в документах? То, что до последней бумажки исчезли документы дивизии, понять ещё можно. Но ведь именно за тот период ничего нет и в документах штаба армии – огромный документальный пласт словно корова языком слизнула. Зачищено и подчищено всё, причём тогда же – между 5 и 11 сентября 1919 года.

За хлопком и нефтью

А между тем незадолго до лбищенской трагедии стало известно, что Южную группу Восточного фронта не просто так переименовали в Туркестанский фронт: фронту, как и его 25-й дивизии, вскоре предстояло идти за реку Урал – на Бухару. Ещё 5 августа 1919 года председатель РВСР и наркомвоенмор Лев Троцкий подал записку в Политбюро ЦК РКП(б), предложив для нанесения удара по Британской империи совершить экспансию к индостанским предгорьям, через Бухару и Афганистан. Так что Туркестанский фронт готовился к генеральному наступлению и очередным завоеваниям, которые создали бы совершенно новую геополитическую ситуацию. В упомянутом выше приказе Фрунзе от 11 сентября 1919 года так и говорилось: «Славные войска Туркестанского фронта, пробивая России путь к хлопку и нефти, стоят накануне завершения своей задачи». Затем Фрунзе жёстко добавляет:

«Я ожидаю от всех войск 4-й армии строгого и неуклонного исполнения их революционного долга». Совершенно недвусмысленный намёк, что не все товарищи свой революционный долг исполняют столь строго и неуклонно, как того от них требует партия.

Да так оно и было: Василий Иванович, хотя он и являлся начдивом регулярной армии, по сути, всё ещё оставался типичным крестьянским вождём, «батькой». Конфликтовал с комиссарами и бил им морду, посылал матом по прямому проводу не только Реввоенсовет 4-й армии, но порой и командарма Лазаревича, бывшего царского офицера, на дух не переносил чекистов, а про его отношение к представителям некоторых национальностей уже сказано выше. Да и сама его дивизия была, по сути, огромным крестьянским табором, пусть и кочевым, но вовсе не хотевшим покидать привычный театр военных действий, удаляясь от родных краёв «на бухарскую сторону». Наступление на Бухару ещё только готовилось, а в дивизии уже пошли перебои с провиантом, и такие, что с голоду взбунтовались бойцы одной из бригад. Пришлось на полфунта урезать хлебный паёк всем бойцам дивизии. Уже были проблемы с питьевой водой, кормом для лошадей и вообще тягловой живности – это в своих краях, а что ждало в походе? Среди бойцов шло брожение, легко могущее вылиться в мятеж. Грядущий поход в хорезмийские пески энтузиазма не вызывал и у самого Чапаева, не было у него ни малейшего желания влезать в эту авантюру.

С другой стороны, и организаторам экспедиции «за хлопок и нефтью» тоже надо было обезопаситься от потенциально возможных неожиданностей. Чапаев здесь был уже лишним. Потому именно в сентябре 1919 года, когда туркестанский фронт должен был двинуться в генеральное наступление к индостанским предгорьям, и пришла пора избавиться от строптивого начдива. Например, разобравшись с ним чужими руками, подставив под казачьи шашки. Что, как полагают историки, Троцкий и сделал – через командарма Лазаревича и РВС армии, которая была у него на особом контроле.

Именно по приказу командования 4-й армии чапаевской дивизии была определена столь странная дислокация, при которой все её части оказались как бы нарочито разорваны: между её разрозненными бригадами оказались дыры в десятки, а то и по 100–200 вёрст степи, через которые легко могли просочиться казачьи отряды. Штаб в Лбищенске и вовсе расположили изолированно от бригад. Он, словно приманка для белых, маячил буквально на фронтире, прямо на берегу Урала, за которым начиналась враждебная «бухарская сторона»: приди и возьми! Они не могли не прийти, и пришли. Тем паче, им было за что и за кого мстить – чапаевцы истребляли

«казару» безжалостно, порой подчистую вырезая целые станицы. Как писал тот же Фурманов, «Чапаев пленных брать не приказывал ни казачишка. «Всех, – говорит, – кончать, подлецов!». В том же Лбищенске были ограблены все дома, у жителей отнят урожай, все молодые женщины были изнасилованы; расстреляны и зарублены все, у кого были офицеры-родственники...

Последнее воскрешение

Впрочем, белые белыми, а подстраховаться своим исполнителем не мешало, иначе откуда у члена РВС такие точные сведения о «случайной пуле в затылок»? Хотя, возможно, начдива так и недострелили. В документах фонда секретариата наркома обороны Ворошилова находится любопытная служебная записка на его имя наркома внутренних дел Ягоды за 1936 год. Один нарком сообщает другому, что вскоре после выхода на экраны фильма «Чапаев» обнаружился некий безногий инвалид, утверждавший, что он – Чапаев. Чекисты отнесли к нему со всей серьёзностью, учинив полноценное дознание. Хотели даже его очную ставку учинить с бывшим чапаевским комбригом Иваном Кутяковым, который в 1936 году был замкомандующим войсками ПриВО. Судя по всему, Кутяков был в шоке, от очной ставки с инвалидом отказался категорически, сославшись на занятость, хотя согласился на опознание по принесённым ему особистами фотографиям. Долго всматривался в них, колебался – вроде и он, похож. Потом не слишком уверенно произнёс: не он.

Самозванец, претендующий на геройские лавры после выхода на экран фильма «Чапаев»? Но из документа следовало, что инвалид вовсе не рвался в герои по своей воле, а был выявлен бдительными органами – скорее всего, в ходе проводившейся тогда паспортизации. Если Василий Иванович выжил в Лбищенске, став инвалидом, что вполне возможно, то после залечивания ран – когда его уже объявили погибшим героем – ему уже не было резона воскрешать себя из мёртвых. Он прекрасно понимал, откуда прилетела та «случайная пуля в затылок», столь же хорошо догадываясь, что с ним будет, объявись он вдруг после того, как «утонул на дно» Урала. Так что сидел тихо, пока не грянула паспортизация. Кстати, вести переписку о каком-то самозванце столь серьёзные наркомы в жизни не стали бы – не их уровень. Значит, прекрасно знали, что не самозванец?! Но поскольку живой Чапаев не был нужен уже с 1919 года, он должен отправиться туда, где и был – в пантеон мёртвых героев Гражданской войны. На том всё и кончено.

Опубликовано: 9 сентября 2016 08:22
«Совершенно секретно»,
№ 9/386, сентябрь 2016

Куда исчезли 100 тысяч пленных красноармейцев?

После проваленной Троцким и Тухачевским польской кампании десятки и десятки тысяч красноармейцев попали в плен и оказались в концлагерях.

Есть страшные фото концлагерей без обтянутых кожей скелетов-узников, без гостеприимных лозунгов «Труд освобождает» и без застенчиво торчащих из-за нетопленных человеко-конюшен труб крематориев. Их, эти фото, легко найти в интернете. Приятный лесок над какими-то рывтинами. Цементный заводик. Мусорная свалка на городской окраине. А под ними – слоями – тысячи и тысячи русских людей. Например, запросите в поисковике «Тухоль». Это в сердце Польши. И это не относится к страшным временам Второй мировой. Это сделали польские власти с нашими соотечественниками в начале 20-х годов прошлого века.

После проваленной Троцким и Тухачевским польской кампании десятки и десятки тысяч красноармейцев попали в плен и оказались в концлагерях. В неразберихе Гражданской войны рядом с ними оказались и белые, отступившие ранее под ударами Красной Армии и интернированные в Польше в концентрационные лагеря. Именно так их называли современники.

И Деникин: «Концлагеря с колючей проволокой, скорбные дни и национальное унижение»; и Савинков: «Бедственное положение находящихся в концентрационных лагерях»; и шеф польской делегации на переговорах по обмену пленными полковник Хемпель: «...транспортировано вглубь страны в концентрационные лагеря».

Концлагерь в те годы – просто термин, у него ещё не было зловещего нацистского смысла.

Хотя... Концентрационные лагеря появились во время англо-бурской войны, а вот выражение «лагерь смерти», по-моему, прозвучало впервые именно в Польше в 20-х.

«Особенно прославился лагерь в Тухоле, который интернированные называют «лагерем смерти» (в этом лагере умерло около 22 000 пленных красноармейцев)», – писал полковник польского генштаба Матушевский (доклад от 1 февраля 1922 г. в кабинет военного министра). Наркоминдел РСФСР Чичерин в ноте от 9 сентября 1921 г. заявлял «о страшной, громадной вине в связи с ужасным обращением с пленными»: «В течение двух лет из 130 тысяч русских пленных в Польше умерло 60 тысяч».

В работах современных российских исследователей фигурируют разные данные о числе пленённых тогда красноармейцев: 157 000 (Мельтюхов), 165 550 (Михутина), 206 877 (Матвеев), 216 000 (генерал Кирилин). Плюс – тысячи белогвардейцев и тысячи бойцов националистических украинских армий.

Число же вернувшихся из плена сомнений и споров не вызывает. Российские историки назвали 67 000, поляки не стали возражать. Остальные (посчитайте разницу сами) остались в польской земле.

При этом поляки – прямо как в занимательной арифметике – считают, что в плену погибло... 16–18 тысяч. Странная арифметика у поляков, при которой «теряется» около СТА ТЫСЯЧ человек!

Почему так получается?

Дело в том, что в польском плену красноармейцы гибли тысячами ещё ДО заключения в концлагеря. Раненых бросали на поле боя без помощи, везли, как скот, без еды и воды в места заключения. Расстреливали на месте «партиями» при малейшем неподчинении.

«На фронте практикуется отбирание у пленных частей обмундирования... пленных отправляют в лагеря в лохмотьях, часто без обуви и шинелей» – из доклада польского Генштаба с характерным названием «Раздевание пленных фронтовыми частями». В рапорте командования 14-й Великопольской пехотной дивизии от 12 октября 1920 г. сообщалось, что за время боёв от Брест-Литовска до Барановичей взято в общей сложности 5 000 пленных и оставлено на поле боя около 40 % названного числа раненых и убитых большевиков. После Варшавского сражения в польском военном журнале «Беллона» о поражении Красной Армии сообщалось: «Потери пленными до 75 тыс., потери погибшими на поле боя, убитыми нашими крестьянами и ранеными – очень большие». («Пусть твои карающие кулаки, вооружённые вилами, косами и цепями, обрушатся на плечи большевиков», – обращался Пилсудский к польскому народу).

В самих концлагерях, правда, газом не морили. Пленные просто «мёрли» сами – брошенные зимой без одежды, обнесённые колючей проволокой, без еды и медикаментов.

«Положение противоречит всем понятиям о гигиене и человечности», – отмечал генерал-майор медицинской службы Бернатович по итогам инспекции лагеря для пленных Полесского фронта. «Этого хватило бы, быть может, для пятилетнего ребёнка... Систематическое убийство людей!» – писал о рационе военнопленных полковник медицинской службы Радзиньский, посетивший лагерь в Пикулице в ноябре 1919 г.

«Лагерь пленных при сборной станции для пленных – это был настоящий застенок... Человек невымытый, раздетый, плохо кормленный и размещённый в неподходящих условиях в результате инфекции был обречён только на смерть», – заместитель начальника санитарной службы.

«Лагерь в Брест-Литовске представлял собой настоящий некрополь», – делала вывод Комиссия Международного комитета Красного Креста.

В 2004 г. появился 912-страничный российско-польский сборник документов и материалов «Красноармейцы в польском плену в 1919–1922 гг.». Несмотря на то, что сборник составлялся при доминирующем влиянии польской стороны, вывод можно сделать один: такие действия польских властей спустя годы в Нюрнберге квалифицировали кратко – «преступления против человечности».

Польский исследователь Велевейский писал о приказах генерала Сикорского (будущего премьера Польши) расстрелять из пулемётов 300 российских военнопленных, а также о распоряжениях генерала Пясецкого вообще не брать живыми в плен российских солдат. Солдаты 49-го пехотного полка 5-й польской армии расстреляли из пулемётов 200 пленных казаков в качестве «возмездия».

Польский историк Хандельсман, бывший в 1920 г. добровольцем, также вспоминал, что «наши комиссаров вообще не брали живьём». Это подтверждает и участник варшавской битвы Кавчак, который описывает, как командир 18-го пехотного полка просто вешал всех (!) взятых в плен комиссаров.

Аналогии с событиями, происходившими на 20 лет позже, неизбежны.

«Их следует немедленно, то есть ещё на поле боя, отделять от других военнопленных. После того как они отделены, их необходимо уничтожать», – это из «приказа о комиссарах» немецкого фельдмаршала Кейтеля. Кейтель, к слову, впоследствии был казнён по приговору Нюрнбергского трибунала как один из главных военных преступников рейха.

Мрак и туман по-прежнему окутывают тайну массовой гибели красноармейцев в польском плену. Стшалково, Шиптюрно, Ланьцут, Тухоль,

а ещё Пикулице, Коростень, Житомир, Александров, Луков, Остров-Ломжинский, Ромбертов, Здунская Воля, Торунь, Дорогуск, Плоцк, Радом, Пшемьсл, Львов, Фридриховка, Звягель, Домбе, Демблин, Петроков, Вадовицы, Белосток, Барановичи, Молодечино, Вильно, Пинск, Ружаны, Бобруйск, Гродно, Лунинец, Волковыск, Пулавы, Повонзки, Ровно, Стрый, Ковель и др. Скорбный список мест/лагерей, где страдали и гибли наши пленённые солдаты. Наши!

Российское военно-историческое общество решило установить им памятник. Так, как мы делали этим летом и в других городах и странах. Поблизости, в городе Гагарине (Гжатске) Смоленской губернии поставили часовенку – памятник 2 000 (!) пленным русским солдатам и офицерам, вопреки всем правилам «благородной войны 1812 года» расстрелянным при отступлении солдатами Наполеона (видимо, чтобы не кормить). Кстати, по мнению некоторых исследователей, это бессмысленное преступление, приведшее в бешенство самого императора французов, тоже совершили тогда поляки.

В нескольких городах Франции, в Шампани, поставили увенчанные золотыми орламиobelisks в память русских солдат, погибших в Заграничном походе нашей армии 1813–1814 гг. В городке Вязьма (помните «Вяземский котёл» 41-го?) воздвигли монумент в прискорбную память десятков тысяч советских воинов, сгинувших в гитлеровском лагере «Дулаг-184». Этот лагерь, цинично названный «пересыльным», был превращён в настоящий конвейер смерти, пересылавший тела и души – исключительно и только – на тот свет. В Италии (Южный Тироль) нами установлены 10 000 имён русских военнопленных, умерших в лагерях периода Первой мировой. Наконец, сейчас ведутся мемориальные работы во Львове (Западная Украина).

Везде гибель наших воинов, тем более пленных, особенно на чужой земле и при самых разных обстоятельствах – тема деликатная. Но везде мы встречаем понимание и уважение к нашим инициативам.

А в Польше почему-то поднялась странная шумиха. Министр иностранных дел, глава воеводства, мэр Кракова, какие-то партии и союзы

– все начали верещать о подлой «провокации» РВИО. И о чём по сути речь? О скромном памятнике с крестом на... кладбище! И только...

Дело, думается, в другом.

После 1945-го тема погибших в концлагерях красноармейцев нами стыдливо не поднималась. За освобождение польской земли от гитлеровцев, «прославившихся» там Освенцимом и Майданеком, отдали свои жизни 600 тысяч советских солдат. Стоило вспомнить про Тухоль, про другие польские лагеря смерти для русских – и неизбежно встал бы вопрос: а ради кого они умирали? Как же так, польские товарищи по социалистическому лагерю?

И мы благородно молчали.

В плане «ответной любезности» польские товарищи не вспоминали про Катынь.

Рассуждали просто: жестокостей было в те времена много, пусть мёртвые хоронят своих мертвецов.

А кто помянет старое – тому известно что.

Но вот после крушения соцлагеря – что тут началось... Какая истерика вокруг вины России во всех польских бедах – от разделов времён Фридриха II и Екатерины Великой до Катыни и несчастного самолёта. Мы, в общем, по катынскому делу не отнекивались. По Катыни много было и есть споров о точном числе погибших польских офицеров. Но в любом случае – даже один-единственный военнопленный, расстрелянный без суда и следствия, – это военное преступление. Мы это признаём. И факт налицо: в Катыни стоит величественный мемориал польским воинам. Каждый год туда – паломничество поляков.

А в местах массовой гибели наших красноармейцев в той же Тухоли или Кракове?

Или Катынь «как бы была», а Тухоли и т. п. «как бы и не было»?

И было бы всё совсем мрачно, если бы не один факт.

Не один маленький штрих.

Несмотря на бессмысленную истерику официальных польских властей, простые поляки обращаются к нам – просят дать валютный счёт.

Они хотят перечислить личные средства на памятник советским военнопленным в Кракове.

Ибо у простых честных людей есть совесть.

Особенности социального и национального состава сибирских казаков конца XVI – XVII в.

Третье десятилетие идут дебаты о происхождении казаков; о том, кто они – национальность, сословие, субэтнос или состояние души. Однозначно ответить на этот вопрос весьма сложно – различные группы казаков возникали в разное время, не только на смежных, но и на значительно удалённых друг от друга территориях. И в формировании различных групп казаков явно принимали участие представители различных национальностей, отличающихся по языку и культуре, религии либо незначительно, либо весьма радикально. И не надо забывать, что в формировании всех казачьих войск, даже самых вольных, всегда принимало самое деятельное участие государство.

Началом казакам в Сибири, как, впрочем, и началом освоения и развития её Московским государством, послужил легендарный поход Ермака Тимофеевича с дружиной в 1581 году. Это аксиома. Русские торговые и воинские люди и значительно раньше Ермака бывали в Западной Сибири, особенно в её северной части, но это всё были либо разовые акции – торгово-меновые, сбор ясака, либо карательные походы в ответ на разбойничьи набеги сибирских племён [5, с. 22–26].

О происхождении и самого Ермака, и его отряда было много споров, но авторитетный историк Сибирского казачьего войска и сибирского казачества в целом Георгий Ефремович Катанаев относит Ермака с дружиной к волжским казакам, а отнюдь не к донским, как зачастую пытаются преподнести [5, с. 30–33]. Ведь само организованное донское казачество началось с основания в низовьях Дона легендарным «казакон Байдой» – князем Дмитрием Вишневецким после походов 1557 года Черкасского городка [13, с. 7–8]. Магнат Великого княжества Литовского Дмитрий Иванович Вишневецкий с 1551 унаследовал должность старосты Черкасского и Каневского, а это самый крупный анклав днепровских (да и не только днепровских, всех) казаков на то время. Идеальный и непримиримый борец с османско-крымской агрессией, он начал проводить правильное войсковое устройство у казаков, основал на заднепровскими порогами в 1556 году разделённую на куреня Запорожскую Сечь. С 1558 по 1561 годы Вишневецкий на службе у московского царя Ивана IV Грозного, продолжает активную борьбу с Османской империей и её

сателлитами. И именно тогда он основывает по образцу Сечи Запорожской разделённый на шесть подразделений – куреней – Черкасский городок [17, с. 461]. И именно с этого времени, с создания форпоста в донских степях, началось создание Донского войска.

Призванная же на службу «именитыми людьми», а по сути хозяевами тогдашнего Урала и Приуралья Строгановыми вольница оперировала в Волжско-Камском бассейне, в районе Самары [5, с. 26–28]. Ещё в 1572 году для защиты от воинственных соседей сам Иван Грозный дал Строгановым право набирать охочих казаков и опытного военачальника [5, с. 26]. Это было в интересах Строгановых, но содержать им надо было головорезов за свой счёт. И это основная причина того, что на «шалости» с соседями хозяева края смотрели сквозь пальцы. Таким образом, в 1579 году Семён и Максим Строгановы привлекли к службе крупный отряд казаков волжской вольницы под началом атамана Ермака Тимофеевича [5, с. 27–28]. И вот в 1581 году, когда жалобы на волжскую вольницу превысил лимит, из Москвы поступил приказ «Ермака со товарищи имать». Строгановы сориентировались заранее и приняли верное решение – отправить отряд как можно дальше от зоны досягаемости центральной власти.

Всё это очень интересно, это отдельная и очень интересная тема. Но нам сейчас интересно другое – из каких социальных и национальных слоёв формировались сибирские городовые казаки.

Г. Е. Катанаев, изучивший массу старинных архивов, пишет: «Имея торговые связи повсюду и держа агентов как во внутренних, так и в окраинных городах Московского государства, Строгановы, конечно, старались воспользоваться предоставленными им правами (набирать собственные вооружённые отряды – С. З.) где и как только могли. Вольница и «гулящие люди» призывались ими на службу повсюду... особенно обильным запасом или источником для поставки такого рода добровольцев служил ближайший к месту призыва центр тогдашней Камско-Волжской вольницы, в пространстве между знаменитою в истории русского разбойничества Самарскою лукою и устьем Камы» [5, с. 26].

Так из кого состояла эта вольница, кто такие «гулящие люди»?

Официальная историография, как царская, так и советская, утверждала, что основу института отечественного казачества положили беглые зависимые крестьяне. Несомненно, в казачьи общины попадали и беглые помещичьи крепостные, государственные и монастырские крестьяне. Но не они составляли основную массу казаков, и уж тем более не они положили основу формирования казачества. Казачество не соответствовало крестьянской психологии, крестьянину прежде всего были нужны собственное хозяйство, семья и земля, на которой он бы мог спокойно работать. Тогдашнее состояние казака этому не соответствовало, жизнь его была беспокойна и полна опасностей даже в семейных казачьих общинах XVI–XVII веков. Семейные казаки того времени – это прежде всего городские казаки. И городские служилые казаки появились явно раньше вольных казачьих общин (хотя даже самые вольные казачьи общины возникли и развились только благодаря существованию метрополий – Великому Княжеству Московскому и Речи Посполитой). За примером обратимся к Катанаеву, классику истории сибирского казачества:

«...По именам возводимых и занимаемых казаками сибирских острожков стали именоваться и самые казаки, подобно тому, как внутри и на окраинах Московского Государства существовали ещё в то время Декиловские, Елецкие, Лебедянские, Путивльские, Оскольские, Рыльские, Белгородские и другие острожковые служилые казаки, отчасти поступившие на образование и укомплектование вновь образованных Тобольских, Берёзовских, Тарских, Томских и других казаков, получивших в официальной переписке того времени общее собирательное название «Сибирских казаков» [6, с. 5]. Именно привычные к боям и походам, хорошо знавшие приграничье городские казаки по ряду причин уходили в вольные ватажки, а вместе с ними и служилые люди других категорий. Также вливались в вольные казачьи отряды и так называемые «гулящие люди». Это были отнюдь не люмпенизированные бродяги, как это звучит в нашем современном понимании фразы. К категории «гулящих людей» относились лично свободные, но не несущие никакой служивой повинности и не занимающиеся никакой торговой либо ремесленной деятельностью мужчины. Это могли быть и отказавшиеся от службы стрельцы, и посадские, и тому подобные.

Так, согласно изысканиям того же Георгия Ефремовича Катанаева, предположительно дед Ермака был посадским в Суздале, затем переехавшим во Владимир. Там он занимался извозом, но связался с разбойниками, попал в тюрьму, откуда сбежал и поселился в Юрьевце Повольском. Дети после его смерти переехали

на реку Чусовую, где у одного из них, Тимофея Повольского, и родился сын Ермак [5, с. 30].

Согласно изысканиям Катанаева, отряд Ермака доходил до 800 человек. Из них 500 были из ватаги Ермака, и 300 из присоединённых к ним воинских людей Строгановых. Более поздние исследователи утверждают, что всего первоходников было около 600 человек, из них 540 пришли с Ермаком, и около 50 воинов было придано Строгановыми, и эти цифры более действительны [8, с. 14]. Строгановские служивые состояли из «разных наименований» казаков, беглых литовцев, пленных «немцев» и прочих завербованных на службу. Весь отряд был чётко поделен на сотни с атаманами и при знамёнах, полусотни и десятки во главе с полусотниками и десятниками [5, с. 36].

Известны и имена атаманов Ермаковой дружины. Это Иван Кольцо, Яков Михайлов, Никита Пан и Матвей Мещеряк [5, с. 27 Кат.]. Согласно фамилиям происхождения Никиты Пана и прожившего долгую, наполненную боями и походами ещё одного сподвижника Ермака Черкаса Александрова подаётся исследователями как украинское, из запорожских казаков [8, с. 14]. Матвей Мещеряк явно из мещеряков (совр. мишари), реликтового субэтноса волжско-уральских татар.

С конца XV века мещеряки переходят в московское подданство, привлекаются к воинской службе. В XVI–XVII вв. активно заселяют юго-восточную часть засечной линии. Многие принимают православие. До середины XIX века несут службу, как и башкиры, в отдельных конных полках, затем вливаются в Оренбургское войско и сливаются с оренбургскими казаками.

Этническая группа оренбургских казаков – православные татароязычные нагайбаки – сохранилась до наших дней. Так что вполне вероятно, что Матвей Мещеряк был в дружине не единственным представителем мишарей.

Для закрепления победы над бухарским чингизидом Кучумом Москвой, ещё при жизни Ермака, в 1583 году, под началом князя Болховского и в 1585 году, под началом воеводы Мансурова (пришёл уже после гибели атамана Ермака), посылаются небольшие отряды со стрельцами и другими «ратными людьми» [5, с. 50, 55]. После гибели Ермака в августе 1585 все дела и заботы по присоединению и освоению огромных территорий берёт на себя государство.

Существует расхожая легенда о том, что-де основная масса сибирских казаков ведёт своё происхождение от казаков донских. Это в корне не так. Сибирские казаки появились на исторической арене немногим позже донских, развивались и формировались параллельно, а вовсе не как переселённая часть казаков с Дона. Само формирование Донского войска шло до начала

XIX века включительно, и при прямом руководстве государства [3, с. 53–56]. Переселение донцов в Сибирь за всю историю казачьих войск Сибири и Приамурья насчитывает лишь несколько эпизодов. Наиболее ранний – после гибели Ермака атаман Черкас Александров (Иван Александрович Черкас) выехал по явно ему знакомой дороге на Дон и вернулся оттуда с отрядом казаков [8, с. 15]. В 1627–1628 в «именных книгах» города Берёзова из 300 служивых людей лишь 19 числились как донские казаки. Также четыре донских казака, переведённых из Берёзова, числятся по «именным книгам» города Тары за эти же годы [9, с. 78–79].

А вот днепровских казаков по документам проходит масса. Это и полковые казаки Среднего Поднепровья, и сечевики-запорожцы. Попадали в Сибирь по-разному. Сначала как военнопленные, так и завербованные царской администрацией непосредственно в Речи Посполитой. Это до вхождения Войска Запорожского обеих сторон Днепра и Сечи Низовой в состав Московского государства в 1654 году. Позже вопрос решался проще – недовольных просто в Сибирь ссылали, и для этого вина была необязательна. Часто ссылали по доносу, а иногда и без него. В документах имена рядовых казаков, имена казацкой старшины, и даже имена гетманов.

Великолепный материал по национальному и социальному составу первых служивых людей Сибири подаётся Г. Е. Катанаевым в его описании строительства Тарской крепости в 1594 году. Фигурируют там и днепровские казаки.

Итак, участники строительства Тарской крепости, ворот в Западно-сибирские степи:

«В составе служивых людей, заложивших этот город, значилось: «...с сотником Стрелецким Лодыженским московских стрельцов 100 человек; с другим сотником с Заметнею Шокуровым (помянутым выше при заложении Пельма и Табора) 47 человек. Да из Казани и с Уфы татар казанских и свияжских 100 человек, башкирцев 300 человек, да к ним детей боярских 4, со сту по человеку. Да с сотником из Казани 50 стрельцов конных, да из Лаишева с тем же сотником 50 человек с пищали, пленников; да с Тетюш с сотником с Микитой с Коряковым 50 человек казаков польских. Да из Тобольского города Литвы и Черкас и казаков добрых конных с вогненным боем с Головою Рупосовым 100 человек. Да татар тобольских служивых конных с атаманом с Черкасом Александровым, да с Головами – 100 человек. Да из волостей татары яшашных добрых конных 300 человек. Да пеших татар 150 человек... на судах. Да из Тюмени, литвы и черкас и казаков 40 человек. Да татар Тюменских, Верхотурских, Ондреевских и Белаковцев и Зырянцев, у кото-

рых заклады поиманы (т. е. заложники из лиц более знатных и влиятельных инородцев – Катанаев Г. Е.) и измены от них не почашь, добрых 50 человек конных. Да из Таборов 30 татар конных. Да из Комуков 20 человек конных. Да Пермичь плотников из Тобольского 30 пеших, да ещё Пермичь 20 человек плотников». Закончив цитировать летопись, Катанаев подводит итог: «А всего 1194 человек конных и 547 пеших. Большая часть этих людей по возведению нового острожка была распущена по домам; в Таре же оставлены не более 450 человек добрых конных из литвы, черкас, казаков и стрельцов, часть которых также на зиму уволена за жёнами. Эти люди и послужили основой новых Сибирских казаков – Тарских» [5, с. 66–67].

Теперь попытаемся разобраться в этом интереснейшем материале. Сначала вернёмся к днепровским казакам.

В приведённом документе мы видим: «с Тетюш... 50 человек казаков польских».

Тетюши – основанный после взятия Казани на берегу Волги укрепленный городок, впоследствии выросший в город. Что за казаки стояли там в конце XVI века в гарнизоне, и почему польские?

Обычно украинских казаков Поднепровья в документах того времени называют «черкасы», «запорожские черкасы», а здесь – казаки, да ещё и польские. Восточная и центральная Украина в 1569 году отошла по Люблинской унии от Великого княжества Литовского Польской Короне, оставаясь, тем не менее, в составе Речи Посполитой. Может, потому? Но ниже мы читаем, что одновременно с «литвой» и городовыми казаками прибыли именно «черкасы», а не «польские казаки». Но вот любопытная информация.

В Речи Посполитой с последней четверти XVI века существовал род средней кавалерии под названием «панцерные казаки».

Панцерные казаки, в отличие от тяжёлой крылатой гусарской конницы, носили более лёгкое защитное вооружение и применялись как самостоятельно, так и для прикрытия неповоротливой тяжеловооружённой крылатой гусарии. С 1648 года, после восстания казаков под началом Богдана Хмельницкого, панцерных казаков стали звать, во избежание путаницы, просто гусарией. Но интересно вот что.

В первые десятилетия панцерных казаков набирали именно из этнических украинских казаков, откуда и название, а уже впоследствии стали набирать из умелых кавалеристов со всей Речи Посполитой [1, с. 20–24]. Так что упоминаемые «польские казаки» вполне могли быть перевербованными панцерными казаками, а, судя по времени, ещё и этническими, и православными. Ведь уже гораздо позже, в 1654 году, в разгар русско-польского проти-

востояния, в московское войско была завербована целая тысяча крылатых гусар под началом генерала Килски [16, с. 70 с]. Возможно, они были из белорусской и украинской шляхты, но, тем не менее, произошло это в момент тяжелейшего противостояния двух держав. Ну а казаки – подданные Речи Посполитой, испытывавшие тяжёлое национальное, социальное, экономическое и религиозное угнетение, постоянно переходили в соседнее православное царство.

Уже в 1546 году, за 102 года до востания Хмельницкого, воевода пограничного Путивля доносил в Москву, что собралось много черкасских, киевских и «твоих служилых» казаков, из которых и формировались пограничные заставы и гарнизоны [7, с. 27]. Ведь ещё в 1593 году, во время царствования Фёдора Ивановича, всё казачье войско Украины просилось в московское подданство, но слабое экономическое и политическое положение помешало это осуществить [7, с. 39].

Со второй половины XVII века, как уже упоминалось, начался период ссылки казаков Поднепровья в Сибирь. Причём ссылали зачастую партиями, с оружием, с семьями.

Так, сосланный украинский сотник Никифор Черниговский, вступившись за честь жены (по другим источникам – сестры), убил в 1665 году в Илимском остроге воеводу-деспота Лаврентия Обухова. Уйдя на Амур, в Албазинский острог, Никифор с мятежными казаками сохраняли самоуправление аж до 1674 года, после чего получили царское прощение [8, с. 17].

Да, ссылка времён Алексея Михайловича отличалась от ссылки императорской России, и тем более от ссылки сталинской. Списки ссыльных казаков XVII века пестрят фамилиями казачьей элиты Днепра: гетман Демьян Многогрешный в 1672 году сослан в Енисейск, да не один. В том же 1672 году сослан генеральный бунчужный Матвей Гвинтовка. В 1687 году (кстати, по доносу Мазепы) сослан в Тобольск гетман Иван Самойлович. В разные годы были сосланы полковники Иван Нечай, Семён Высочан, Семён Палий, Дмитрий Зеленский (двое последних, правда, уже в эпоху Петра I). В 1672 году был сослан даже легендарный кошевой Сечи Запорожской Иван Сирко. Некоторые из сосланной старшины, например, Сирко и Палий, были возвращены из ссылки, другие остались и положили начало сибирским казачьим родам [8, с. 16]. Например, в 1743 году кузнецкий (здесь – город Кузнецк, будущий Новокузнецк – С.З.) сын боярский И. Гвинтовкин и казак П. Мельников нанесли побои крестьянину М. Речкунову, вследствие чего он и помер [2, с. 89].

Служили выходцы из Украины в особых сотнях «черкасского списка», то же самое можно сказать и о попавших в Сибирь белорусах, поляках, галичанах – они служили в сотнях

«литовского списка» [9, с. 79]. Основным населением Великого княжества Литовского, даже после перехода Руси (Центральной и Восточной Украины) согласно Брестской унии 1569 года в состав Польши, были никак не литовцы, а белорусы. Весь XVI век Московское государство воевало с Литовским княжеством больше, нежели с Польшей. И потому по традиции всех выходцев из Речи Посполитой, в том числе и русинов (тогдашнее название украинцев – не казаков) на Москве звали литвой. Часть «литвы» – это пленные, сосланные и обязанные служить в дальних сибирских гарнизонах. Во-первых, далеко не убежишь, да и за службу-то платили, это во-вторых. А служила «литва» в привилегированных конных сотнях. К тому же представители Речи Посполитой, в первую очередь шляхта, были заметно грамотнее местных служивых, а также были опытными, прошедшими европейскую военную школу вояками. Более того, воины Речи Посполитой превосходили московские войска конца XVI века (да и позднее) по выучке, стойкости, дисциплине, организации и оружию [15, с. 188]. Наверняка в сословном государстве играл роль и фактор происхождения – большинство из «литовского списка» были шляхтичами. Вот поэтому денежный и продуктовый оклад «сына боярского» из «литвы» превосходил оклад конного казака приблизительно в два раза, а пешего казака – в три [12, с. 41].

Пленные делились на две категории.

Первая категория – пленные шляхтичи, отказавшиеся возвращаться по размену военнопленными, принявшие православие и добровольно поступившие на русскую службу.

Вёрстаные в «дети боярские», если принимали православие (низшая ступень служилого привилегированного сословия), направлялись в различные гарнизоны царства [10, с. 65].

И это неудивительно. Шляхта, составляющая двенадцать процентов населения Короны (непосредственно Польши) и Литвы, не имела никаких доходов, единственным способом её выживания была служба, если она была.

Вторая категория – это отправленные в Сибирь без их желания, но многие из них обжились и остались навсегда [12, с. 40].

И были представители шляхетства, добровольно нанявшиеся на службу, как нанимались немцы, шведы и другие иноземцы [12, с. 39–40]. Для прибывших добровольно и желавших оставить службу по истечении контракта шляхтичей, служивших в европейской части страны, применялась хитрая мера – им объявляли, что-де вскоре будет война, оставляли на службе и отправляли подальше, в том числе и в Сибирь [15, с. 188].

Из относительно крупных для Сибири того времени групп «черкас» и «литвы» формировались отдельные подразделения.

Так, в Тюмени во второй половине XVII века конные казаки были объединены в «станицу» во главе со своим атаманом, а служилые «литовского списка» составили конную «роту», командир которой звался на европейский манер ротмистром.

В Тобольске в это же время также была сформирована «литовская рота», во главе которой стоял «ротмистр», а затем ему в помощники определены «поручик» и «прапорщик».

Немного ранее, в 1635 году, из Нижнего Новгорода в Тару был переведён отряд «литвы» и «черкас», который в обиходе именовался «рейтарская рота» [10, с. 38].

Часть людей «литовского списка», попавшая в маленькие гарнизоны, служила, естественно, с местными русскими служивыми людьми, и процесс ассимиляции у них шёл быстрее, нежели в «рейтарских сотнях». По истечении времени часть «литвы» вернулась домой, часть осталась и дала начало новым сибирским родам. Кто-то прибыл со своей женой, как опальный поляк Яков Шварц со своей женой Софьей в 1641 году [12, с. 40]. Другие обзавелись семьями с местными невестами.

Так, поляк Пётр Буткеев женился на женщине с двумя сыновьями, совместно родили ещё пятерых сыновей. Один из них, Иван, особенно отличился на военной и административной службе в Западной и Восточной Сибири [12, с. 42]. Сам основатель династии сын боярский Пётр Буткеев погиб в 1700 году в бою при обороне Кузнецка [12, с. 41]. Служба тех времён отличалась постоянными конфликтами и длительными командировками, служилые гибли и получали ранения постоянно.

Конечно, и «литва», и «черкасы» сыграли заметную роль в освоении и заселении Сибири, а последние явно привнесли элементы южных степных казацких традиций в складывающееся казачье общество громадной Сибири. Они привнесли в Сибирь более современную воинскую культуру и грамотность. В XVII веке в главных городах Сибири того времени – Тобольске, Тюмени и Таре количество служилых «литовского списка», «литвы и черкас», «литвы и крещёных инородцев» составляло в среднем около 15% [10, с. 32-33; 12, с. 40]. Но основным служилым контингентом были не они. Основу воинского контингента Сибири составляли служилые люди центральных и восточных районов европейской части Московского государства. Утверждение Н. И. Никитина о том, что в основном это были выходцы с Русского Севера (Поморья) сильно преувеличено [9, с. 78]. Никто не отрицает, среди сибирских первопроходцев было много выходцев из Устюга, Сольвычегодска, Холмогор и Вологды. Всем известны имена Дежнёва, Хабарова, Пояркова и иже с ними. Но выходцы с Русского

Севера – это прежде всего купцы, гулящие люди, промышленники (охотники) – вольные люди. Но вот выше приведён список участников строительства Тары.

Среди прочих стрельцов московских – 100 человек, стрельцов казанских – 50. Выходцы с Севера, правда, с Предуралья, а не Поморья – «пермичи» – 50 человек, и это плотники. Север ими славился. Конечно, поморы славлись и как корабелы и моряки, поэтому-то они и часто встречаются в поисковых отрядах, идущих «встречь солнцу».

Завербоваться или перевестись в служилые люди в Сибирь в конце XVI века проблемы не было, даже наоборот. Смотрим об этом у Катанаева.

В 1590 князь Болховской, тот самый, что пришёл в 1584 году на помощь казакам Ермака, требует у Строгановых предоставить из Соли Вычегодской тридцать крестьян с семьями и предоставлением им материальной и денежной помощи для поселения и обживания в Сибири.

Следующее требование его Строгановым – собрать в Перми для направления на службу в Сибирь сотню вооружённых ратных людей [5, с. 6]. Это обязательная посылка. А вот следом: «В других актах того же времени московское правительство рассылало «бирючей» (глашатаев – С. 3.) «клич кликать» потребных для новой страны служилых людей и с Москвы, и с Перми Великой, и из пленных литовцев и из выезжих черкас, и из стрельцов и казаков разных приграничных городков (здесь имеются в виду казаки служилые городовые – С. 3.), и из детей боярских (низшая ступень служилого привилегированного сословия – С. 3.), и из служилых дворян, и из мурз татарских, и из местных инородцев, и из «гулящих людей», и из разного вида бывальцев и видальцев к ратному делу обычных...» [5, с. 63]. Как видим, брались люди, годные к службе в тяжёлых климатических, природных и пространственных условиях Сибири. Направлялись сформированными отрядами. Мелкие партии, прежде всего ссыльные, уже шли в сформированные гарнизоны.

В первой половине XVII века гарнизоны усиливались за счёт переводимых воинов из Поволжья и Поморья. Например, в 1635 году из Великого Устюга, Каргополя, Холмогор, Вологды и Нижнего Новгорода в Сибирь было переведено около тысячи ратных людей. Позднее столь крупных перемещений воинских контингентов не наблюдалось [10, с. 30]. Хотя Н. И. Никитин ставит служилых северорусских гарнизонов на первое место, вряд ли гарнизоны Поволжья давали меньше бойцов. Скорее, наоборот, в Волжском приграничье гарнизонов было больше и они были крупнее. Вспомним, что и дружина Ермака была – волжская.

И ещё Приуралье, которое не Поморье. Откуда, как мы видим, в Сибирь также шли воинские люди. Опять же численно в Сибири служилые казаки заметно превосходили стрельцов [10, с. 33]. А городовые казаки никогда не располагались на северных рубежах – только там, где постоянно тревожили кочевники. Да и стрельцы тех же Холмогор не обязательно все были местными уроженцами.

Служилые люди того периода делились на две категории.

Первая категория – это служилые по отчеству, бояре и дворяне.

Вторая категория – непривилегированная, это служилые по прибору. Попасть в неё можно было и независимо от родословной, как мы видим на примере верстания на службу в Сибирь.

Служилые по отчеству в Сибирь попадали редко. Это воеводы, стрелецкие и казачьи головы. Голова ведал приказом, состоявшим из нескольких сотен служилых. Полный приказ составляли пять сотен, но в небольших городах приказ мог быть не больше сотни [9, с. 80]. Затем шли стрелецкие сотники и казачьи атаманы. В казачьих командах также были помощники атаманов – есаулы (в конных сотнях), стрелецкие сотники, а у «литвы», как упоминалось, начальные люди могли именоваться по-европейски – ротмистры. Затем шли пятидесятники и десятники. Начальные люди могли выбиться в категорию «детей боярских», получившую наименование от продвинувшихся на службе боярских холопов.

В 1684 государевым указом в Сибири была введена новая, более высокая – служебно-административная категория. Это сибирские дворяне [2, с. 24].

Казаки делились на пеших и конных, конные казаки находились в более привилегированном положении, получали большее жалованье [12, с. 41].

Стрельцы в Сибири подчинялись Сибирскому приказу, а не Стрелецкому, как в европейской части страны. Это было особенностью сибирской службы, где все служилые люди сверху донизу назначались и управлялись Сибирским приказом [10, с. 43].

К стрельцам примыкали, но составляли отдельную, хотя и немногочисленную категорию пушкари, воротники и затинщики [5, с. 3].

Кто такие пушкари, понятно без пояснений.

Воротники – это стража при воротах, при въезде в город.

Затинниками (от затѣнник) назывались крепостные стационарные стрелки из крупнокалиберных двухметровых пищалей. Пищали эти ложились на крепостной тын и упирались в его дальний край фигурным выступом, расположенном на конце цевья.

Эти три категории из-за своей малочисленности не составляли отдельных служб, а входили в состав гарнизонных команд и сотен. Находились они, конечно же, в ведении не Пушкарского, а Сибирского приказа.

Если в европейской части страны у стрельцов и городских казаков были различия в их служебных обязанностях, городовые казаки в 1613 году были даже переданы в новообразованный Казачий приказ, то в Сибири служебные обязанности между ними были нивелированы. Так, в 1652 даже последовал царский указ тюменских конных стрельцов писать казаками [10, с. 37].

Категория «пешие стрельцы» в Сибири просуществовала до первой четверти XVIII века, когда вследствие реформ Петра I были упразднены многие не соответствующие новому времени категории служилых людей. Но следует отметить, что эти категории в Сибири из-за её геополитической особенности просуществовали дольше, нежели в европейской части страны. Так, стрельцы (команды которых назывались так, видимо, по старой традиции) официально не были упразднены, как в европейской России, а слились с городовыми казаками. Также исчезли «литовские» и «черкасские» списки. В 50-е годы этого века исчезает деление на пеших и конных городских казаков. Категории «дети боярские» и «сибирские дворяне» в начале 60-х годов отделяются от служилого списка и переходят на гражданскую административную службу [2, с. 73].

Но осталась ещё одна служилая категория в Западной Сибири, которая сохранилась и с определёнными модернизациями просуществовала до 1868 года, до упразднения там основной части городского служилого казачества (Берёзовский и Нарымский пешие батальоны упразднены позже, в 1881 году – С. 3.). Это западносибирские служилые татары.

Многие зачастую забывают, что начало присоединения Сибири к растущей державе Ивана Грозного было начато за двадцать шесть лет до похода Ермака, в 1555 году. Хан расположенного в Западной Сибири Сибирского ханства Едигер послал ко двору Ивана Грозного посольство с просьбой принять ханство в московское подданство и обязался выплачивать ясак пушниной.

Причина была в том, что молодой, амбициозный и воинственный бухарский царевич из рода Шейбанидов, стоявший во главе состоявшего из узбеков и ногайцев войска, начал завоевательный поход в Сибирь. Царевич желал иметь собственное ханство, но народы Сибири посчитали, что в подданстве Москвы им будет гораздо спокойнее, нежели под властью постоянно воюющих и меняющихся среднеазиатских деспотов. И Едигер даже начал выплачивать Москве ясак. Но бурные военно-политические

события и удалённость Сибири не позволили тогда Ивану IV принять Сибирь под свою руку. В итоге Кучум в 1563 году захватил Сибирь, убил хана Едигера и его брата – сопровителя Бекбулата, и объявил себя сибирским ханом [4, с. 344–245; 356].

И потому удивительно, что после первых же поражений Кучума сибирские татары, ханты и манси стали переходить в московское подданство. Мало того, появляются сибирские служилые татары. Так, в отряде тарского воеводы Андрея Воейкова, добывавшего в 1596 году Кучумово войско в Кулундинских и Барабинских степях, упоминаются, в числе прочих, татарские головы и служилые тарские и тобольские татары [5, с. 70–71]. А ранее, как уже упоминалось, сибирские татары в числе прочих активно участвовали в закладке Тарской крепости. Служилые татары, как природные конные воины, несли исключительно конную службу. Служили, прежде всего, представители родовой верхушки с сохранением за собой права на наследственные земли [9, с. 80]. Так, по рассказам потомков томских служилых татар, на царскую службу привлекались представители лучших семей, служить было честью. Немаловажно было также то, что служилые татары получали жалованье и освобождались от уплаты ясака. Так, в таблице жалования военно-служилых Тобольского гарнизона по окладным книгам за 1647–1648 годы мы видим, что денежный оклад служилого татарина в среднем равнялся окладу конного казака и превосходил денежные оклады стрельцов и пеших казаков. Но вот ржи, овса, соли служилые татары получали вдвое-втрое меньше этих трёх категорий [10, с. 112–113]. Возможно, это потому, что татары как коренные жители имели крепкое обустроенное хозяйство. Также надо учитывать, что именно юртовских служилых татар задействовали в ежегодных экспедициях на Ямыш-озеро за солью, экспедиция подкреплялась другими служилыми гарнизонов только в случае военного обострения обстановки [10, с. 91]. Вряд ли командируемые пренебрегали возможностью прихватить вне нормы бесплатной соли себе.

Естественно, команды служилых татар располагались по месту проживания последних, в граничащих со степью и лесостепью узловых крупных городах – Тобольске, Тюмени, а затем и Томске.

Например, по уездам Тобольского разряда в Тобольске, Тюмени и Таре на 1699 год всего 429 служилых татар, а в Верхотурье, Туринске, Пельме, Берёзове и Сургуте ни одного [10, с. 32].

Так, в 1630 году служилых татар по спискам в Тобольске 252 человека, или 34,5 % от всех служилых;

в Тюмени соответственно 76 служилых татарина, или 22,6 %;

в Таре их 50 человек, или 12 %.

в 1663 году в Тобольске их 249, или 15,1 %;

в Тюмени 107, или 15,2 %;

в Таре 66, или 10,2 %.

За 1699 год это следующие цифры:

в Тобольске 256 служилых татар, или 11,9 %;

в Тюмени 108, или 11,4 %;

в Таре 66, или 8,2% [10, с. 33].

То есть количество служилых татар за семьдесят лет остаётся практически одинаковым, а в Тюмени даже растёт. А вот процентный состав в списках служилых падает. Это связано прежде всего с присылкой новых партий служилых из европейской части страны.

К концу XVII века, до реформ Петра I, общее количество служилых татар по Сибири составляло свыше 500 человек из общего количества 10 тысяч служилых всех категорий [9, с. 80]. Татары на службе сохраняли мусульманскую веру, могли беспрепятственно совершать свои религиозные обряды. В 1822 году в результате проводимых среди городских казаков реформ из состоявших в казачьем сословии татар был сформирован отдельный конный Сибирский татарский казачий полк, который формировался исключительно из состоявших в казачьем сословии татар и офицеров-мусульман. Немусульманское вероисповедание в этом полку могло быть только у полкового командира [14, с. 565]. И если в православных казачьих селениях за несвоевременную подачу списков новорождённых отвечали атаман, священник и отец мальчика, то в татарских – атаман, мулла и отец [11, с. 30]. Не попавшая по каким-либо причинам в полк остальная часть татар-казачьих несла местную, так называемую «станичную» службу, характерную в XIX веке именно для казаков Сибири. Но это уже другая эпоха, и упомянуто это для того, чтобы масштабно показать роль служилых татар в истории Сибири.

Была ещё одна категория служилых – новокрещёны. В работах, посвящённых истории и формированию служилого сословия Сибири, мы видим, что крещёные татары попадали в состав казаков [2, с. 40].

Новокрещёнами в описываемое время назывались коренные народы Сибири и Поволжья, принявшие православную веру.

Но входили ли сибирские крестившиеся татары в категорию новокрещёнов, или сразу записывались в казаки? Или существовало сразу два варианта?

Вне всякого сомнения, в разряд служилых новокрещёнов попадали все принявшие православие представители бывших на государевой службе хантов (старое название – остяки) и калмыков (ойротов). Последние часто использовались как проводники и толмачи [10, с. 94]. Жалованье деньгами и продуктами они получали в среднем такое же, как «литва» и конные казаки [10, с. 111–112]. Но в целом это была категория

малочисленная, немногим превышающая пушкарей и затинщиков. Так, по окладным книгам тобольского гарнизона за 1647–1648 годы новокрещёнов всего 22 человека, пушкарей и затинщиков 10, конных казаков же ровно 100 человек, а «литвы» 110 конников [10, с. 111–113].

Новокрещёны могли служить и не в своих списках. Так, в тарской переписной книге за 1701 год мы видим: «Литовской сотни казак Ивашко Яковлев сын Остяков. Сказался родом он... остяк, был ясашной» [10, с. 40]. Также мы видим, что в контингент сибирских служилых попадали и представители коренных народов сибирского Севера, которые адаптировались в новой для себя среде, и со временем окончательно сливались с остальной служилой массой. Это происходило, как уже отмечалось, и с более многочисленными группами «литвы» и «черкас», тем более, что по языку и культуре они были близки к московским служилым. Встречаются в литовских списках также «волошенины» (молдаване и румыны) и «немцы» (немцы, шведы и другие представители Западной Европы) [10, с. 40]. Но их мало, и роль их незначительна. В связи с различными служебными обстоятельствами списки часто тасовались, и состав их редко был однородным. Службу несли вместе и одинаковую и в гарнизонах, и в военных походах, и в «дальних посылках», которые включали и разведку «дальних землиц», и дипломатическую миссию, и временную службу в отдалённом и малочисленном гарнизоне. Официально на службу «прибирать» можно было уже с 15 лет, и служили «доколе в силах», но обычно верстали с 18 до 25 лет [10, с. 61].

К концу царствования Петра I окончательно исчезает деление на литовский, черкасский, новокрещёный списки [2, с. 27]. Все служилые становятся официально казаками, хотя, по сути, ими они были и до этого. Городовому казачеству Сибири предстоит ещё долгая и тяжёлая служба. Но первый, самый тяжёлый, кровавый и боевой этап уже пройден. Закончилась эпическая и легендарная первопроходческая часть истории казачества Сибири. Благодаря своевременному присоединению громадных таёжных пространств в казну государства стал поступать пушной ясак, который в то время ценился на уровне драгоценных металлов; это в первую очередь соболя. А добычи своего золота и серебра на тот период в державе не было, и пошедший с конца XVI века ясак, по сути, являлся валютой. Благодаря этому страна смогла оправиться после Смутного времени, укрепить экономику и армию. И поэтому стало возможно Алексею Михайловичу ответить положительно на просьбу Богдана Хмельницкого о принятии Южной Руси в состав державы. В результате последующих событий была сломлена восточная экспансия Речи Посполитой, и было положено начало образования Российской империи.

Литература:

1. Армия Польши в 1569–1696 // Новый солдат № 158, 2002. Типография «Книга», Артёмовск. 38 с.
2. Ивонин А. Р. Городовое казачество Западной Сибири в XVIII – первой четверти XIX вв. Барнаул, 1996. 227 с.
3. Казачьи войска. Хроника. Репринтное издание. Акционерное общество «Дорваль», 1992. 480 с.
4. Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. III. Издательство «Феникс», Ростов-на-Дону, 1994. 554 с.
5. Катанаев Г. Е. Западно-Сибирское служилое казачество и его роль в обследовании и занятии русскими Сибири и Средней Азии. С-Пб, 1908. 115 с.
6. Катанаев Г. Е. Краткий исторический обзор службы Сибирского казачьего войска с 1582 по 1908 год. С-Пб., 1908. 67 с.
7. Козаченко А. И. Борьба украинского народа против иноземных поработителей за воссоединение с Россией. М., 1954. 284 с.
8. Мусикович А. Ф. Казачество в освоении восточных районов России в XVI – начале XX веков // Урало-Сибирское казачество в панораме веков. Тезисы докладов научной конференции 18–21 мая 1992 года. Томск, 1994. 206 с.
9. Никитин Н. И. Первый век казачества Сибири // Военно-исторический журнал, № 1, 1994. 96 с.
10. Никитин Н. И. Служилые люди в Западной Сибири. Новосибирск, издательство «Наука», 1988. 254 с.
11. Положение о Тобольском пешем батальоне и Тобольском конном полку. С-Пб, типография военных поселений, 1849. 81 с.
12. Резун Д. Я. «Литва» Кузнецкого острога в XVII в. // Казаки Урала и Сибири в XVII – XX вв. Сборник научных трудов. Екатеринбург, 1993. 154 с.
13. Ригельман А. История о донских казаках. М., 1846. 154 с.
14. Сводзаконов Российской империи. Свод учреждений государственных и губернских. Часть вторая. Учреждения губернские. С-Пб, 1853. Стр. 565, абз. 2829.
15. Филь С. Г. Казаки «литовского» списка // Казачество Сибири: от Ермака до наших дней. Материалы научно-практической конференции. Тюмень, 2009. 229 с.
16. Цвигун В. И. Гусары в русском войске XVII века // Военно-исторический журнал, № 6, 1993. 96 с.
17. Щербина А. Ф. История Кубанского казачьего войска. Том I. Екатеринодар, типография Кубанского Войскового Правления, 1910. 736 с.

Герои или изгои. Будущее нации – на Дальнем Востоке

Елена Михайловна Рудакова

Окончила Благовещенский пединститут в 1988 году по специальности «история и советское право». С 2007 года – научный консультант общественных организаций, председатель президиума Амурской общественной организации «Родительский комитет», Общественного экспертного совета при уполномоченном по правам ребёнка в Амурской области, аккредитованный Роскомнадзором эксперт информационной продукции.

Дальний Восток – край свободы

«АМУРСКАЯ ИСТОРИЯ ВСЁ ЕЩЁ ЖДЁТ СВОЕГО СОЗДАТЕЛЯ, КОТОРЫЙ СПОКОЙНО И ХЛАДНОКРОВНО ОБЪЯСНИТ, КАКИЕ СИЛЫ И ЗАКОНЫ РАСКАЧИВАЛИ НАШ ИСТОРИЧЕСКИЙ ПЛОТ В БУРНОМ МОРЕ НЕСБЫВШИХСЯ НАДЕЖД И НАПРАСНЫХ ЧАЯНИЙ», – СЧИТАЕТ ЕЛЕНА РУДАКОВА, КАНДИДАТ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК, АВТОР ПРОЕКТОВ «СВЯЗЬ ИМЁН В ПЕРЕКЛИЧКЕ ВРЕМЁН», «ПО ПУТИ МУРАВЬЁВА-АМУРСКОГО», «ЗДЕСЬ БЛАГОВЕЩЕНСК НАЧАЛСЯ».

20 декабря отмечается День образования Амурской области. В преддверии этой даты мы поговорили с Еленой Михайловной Рудаковой о «белых пятнах» в амурской истории и предназначении Дальнего Востока.

Откуда «качели»?

– На исходе очередной год. С какими результатами он заканчивается в рамках ваших исторических проектов?

– Этот год стал юбилейным для Благовещенска. В честь этого:

- в Амурской областной научной библиотеке была развёрнута музейная экспозиция амурского казачества;
- казаки подарили библиотеке Албазинский наказ, зачитанный на церемонии перезахоронения героев – защитников Албазинского острога в 2015 году;
- на китайском языке издана книга «Архитектурное наследие Благовещенска». Это пятое издание цикла «Благовещенск. Из века в век», переведённое на китайский язык. Благодаря переводным изданиям российское историческое краеведение Амура стало доступно жителям КНР.

– Полтора года назад в интервью вы рассказывали о том, что найдена и расшифровывается уникальная книга некоего Афиногена Васильева о военном губернаторе Восточной Сибири Николае Муравьёве-Амурском. Как с ней продвигаются дела?

– Был заключён договор с Российским государственным архивом литературы и искусства (РГАЛИ) и выкуплена оцифрованная копия рукописи романа «Муравьёв», созданного в 1929 – 1938 гг. историком, писателем, философом, психологом, филологом и биологом А. П. Васильевым (1872–1942). Расшифровали рукопись за полгода. Личность Муравьёва-Амурского представлена автором как фигура масштабного государственника, талантливого стратега, руководителя-организатора, владеющего искусством новаторских решений (сегодня это называют инновациями и креативом). Именно такие руководители сегодня остро востребованы в России, поэтому обращение к личности Муравьёва актуально для всех россиян.

– Много ли ещё «белых пятен» в истории начального периода становления Приамурья?

– В масштабах тысячелетней истории Российского государства 150 лет российского освоения Приамурья – короткий срок. Тем более,

что историей считается в основном письменная история. А, как мы понимаем, для Приамурья по отечественным меркам это довольно короткий период, ведь до 30-х годов XX века большая часть населения была неграмотной. Так, всё ещё ждут объяснений провалы в исторической памяти советского периода. Скажем, вся история репрессий с 1917 по 1957 год не имеет пока связной целостной концепции, оправдывающей народ, а не власть и её преступления. Это крайне тяжёлый диалог с обществом, стремящимся верить в разумное устройство мира, в управление судьбой человека его рациональным сознанием. А на деле жизнь складывается из череды глупых ошибок и их последствий. Эти «качели» и есть подлинная история – не чёрно-белая, а разноцветная и живая. Но пока я не читала подобной истории Приамурья. Всё больше официоза, привычных схем или жизнеописаний, лишённых масштабного анализа связей и отношений. Амурская история всё ещё ждёт своего создателя, который спокойно и хладнокровно объяснит, какие силы и законы раскачивали наш исторический плот в бурном море несбывшихся надежд и напрасных чаяний.

– **В 1948 году Амурская область, отделившись от Хабаровского края, стала самостоятельным регионом. Как вы считаете, не зря отделились, справляемся сами со своими проблемами?**

– Амурская область никогда не была самостоятельным или самодостаточным регионом. Но сепаратизм – всегда проигрышная тема, особенно сегодня, когда в мире экономической и культурной интеграции исчезают границы.

Строить заново изоляционные барьеры – безумие, и двойное безумие – строить их в трансграничном регионе Приамурья.

Но таможенные и тарифные барьеры должны существовать, они – залог благополучия и развития.

Счастье – здесь

– **Сейчас чиновники хотят снизить отток населения притоком жителей из других регионов, как при Столыпине. Это поможет?**

– По меткому выражению Чехова, «задворки империи» – Дальний Восток исторически сформировался как регион ссылки и каторги. Этот стереотип связан с малой освоенностью края, окраинным положением, суровым климатом и полукриминальным характером современной власти. Кто добровольно согласится переселяться в такие условия?

Тем более, что люди сегодня могут, хотя бы в качестве туристов или телезрителей, выбирать по всему миру «где жить хорошо». Из-за свободы передвижения население теряет не только Дальний Восток России. Неравномерность заселения

территорий – масштабная общероссийская проблема, создающая огромный дисбаланс между мегаполисами, ориентированными на европейские стандарты, и природоресурсными территориями, не обладающими достойными условиями жизни. Показуха создания таких условий, распространённая при социализме, ныне получила великий размах. Но уровень жизни амурчан падает год от года. Поехать сюда могут лишь герои или изгои – по такому принципу и заселялся Дальний Восток. Столыпинское переселение было благом лишь в Центральной России для преодоления малоземелья и снятия социальной напряжённости после поражения революции 1905 года. Помогать же переселенцам на Дальнем Востоке государство не могло после поражения в Русско-японской войне и революции. На свободных землях подняться и закрепиться могли только многодетные крепкие семьи. Но 1917 год и Гражданская война полностью истребили крепких хозяев, а коллективизация уничтожила земледельца как тип трудового хозяина, навязав полузависимый труд рабочих и рабский труд крестьян как идеал социализма. Альтернатива лишь одна – принудительный труд заключённых. При таком историческом векторе насильственного освоения Приамурья привлекать сюда вольницей и раздольем просторов – всё равно, что в Антарктиду. И пока у Амурского края в целом не появится имидж привлекательного, динамично развивающегося региона, ни о каком подъёме лучше не говорить. Сегодня такой же безразличный подход к населению, как и тогда. Люди нужны только как кормящие армию крестьяне. Инфляцией и транспортными тарифами «съедены» все местные «привилегии». Грустно то, что жизнь на Дальнем Востоке бесперспективна именно для наших детей: нет культурного приобщения к российским очагам развития, а те, что строятся, разворачиваются быстрее, чем создаются. Если бы власть не обманывала свой народ во все времена, то не получила бы в ответ бегство с Дальнего Востока, доставшегося России величайшими усилиями. Сейчас время рассказать народу правду, чтобы он мог ответственно подойти к выбору места жительства своих детей. Тогда исчезнет чувство вины за все преступления перед своим народом, заброшенным силой, обманом или рублём в эти края. А те, что по инерции продолжают выживать в невыносимых условиях, поймут, что власть знает об этих условиях и старается их улучшить...

– **Но хоть какой-то плюс у дальневосточников есть?**

– Преимущество, пожалуй, единственное – безопасность, в силу удалённости, от конфликтных регионов, которые своей неопределённостью сделали жизнь непредсказуемой. Большая часть гибнущего сегодня населения России – жители мегаполисов. А здесь мегаполисов

практически нет. А значит, нет места для ложных притязаний, паники и дистресса, дефицита человечности, заслонённой рынком. Он, рынок, здесь не первичен, ибо производителей товара мало, а те, что есть, удовлетворяют базовые человеческие потребности. Поэтому психологически этот регион имеет гораздо больше преимуществ по сравнению с другими, он природосообразен. Как ни странно, Дальний Восток – место, где любой человек может ощутить себя по-настоящему счастливым. Ведь к ощущению счастья ближе всего состояние свободы – истинный путь к са-

мораскрытию и самореализации. А именно здесь даже каторжник чувствует себя свободнее, чем в Центральной России. Думаю, скоро россияне раскроют глаза на азиатские просторы страны, поняв, что этот край, как старый заброшенный чулан, полон для них тайн и открытий. И жизнь на Амуре наполнится светом доброты и заботы о ближнем. Доверие вырастает именно здесь, в трудных условиях, и лишь оно может по-настоящему сплотить людей. Поэтому здесь формируется будущее нашей нации – и земное, и космическое.

Е. Кодякова

Достучаться до разума, или опять о казачестве

Недавно прочитал интервью историка из Благовещенска Елены Рудаковой, которая чётко дала краткий анализ проблем развития Дальнего Востока. Это даже не анализ, это крик души, который могут понять только коренные дальневосточники, кем, кстати, я и являюсь.

Пока осмысливал статью, по телевидению прозвучало интервью полномочного представителя Президента Российской Федерации в ДФО, и мне сразу стало понятно, кто и как относится к Дальнему Востоку.

Популизм «небожителей», на приём к которым даже в мыслях нельзя попасть, бьёт все мыслимые и немыслимые фантазии. А ведь неплохо было бы послушать полпреду и главе Минвостокразвития, таких людей, как Елена Рудакова (а их немало), и сделать выводы, а не создавать мнимое благополучие дальневосточников за счёт повышения цен.

Такая арифметика проста – повысили цены, значит, повысился валовый прирост, но народ от такого прироста только нищает. **Без развития промышленности и мёртво стоящего на якоре сельского хозяйства, а для этого как минимум нужен людской ресурс или, проще, – рабочие руки, ничего не сдвинется и Дальний Восток так и останется сырьевым придатком центральных областей.**

Переселение, при полном устранении государства от выплаты дальневосточных и северных коэффициентов, переложившего эту задачу как дополнительный налог на плечи предпринимателей, полное отсутствие развивающей инфраструктуры, гиперболические тарифы – это полный бред, никакого переселения не будет, что, в общем-то, уже и случилось вопреки прогнозам Минвостокразвития.

Тема «дальневосточного гектара» никак не способствует развитию Дальнего Востока.

Наиболее лучшие земли по-прежнему сохраняются за Минобороны, и взять свой гектар в удобном и доступном месте практически невозможно. Причём этот монстр, называемый в народе «система ниппель – туда дуй, оттуда... фиг вам», и не подумал передать в народное хозяйство брошенные и загаженные территории, военные городки и сооружения, построенные на денежные средства налогоплательщиков. Даже территории успешных в прошлом военных совхозов заросли бурьяном и деревьями.

Угодья по Амуре давно поделены между московскими «гастарбайтерами», гурманами пошинкованного на кусочки величайшего Амура, оставившими при этом местное население на голодное существование.

Никак не способствует переселению на Дальний Восток и то, что руководство края сняло с некоторых районов статус районов, приравненных к Крайнему Северу. Дорогу, видишь ли, туда построили. А что, этой дорогой тепло завезли, дешёвые тарифы и продукты? Может, морозы ушли или превышенная азотистость воздуха упала и раковые заболевания снизились до общероссийского уровня? Ничего этого не произошло, население по Амуре катастрофически снизилось.

В моём родном селе Быстринске и рядом стоящем Решающем население доходило до двух тысяч восьмисот человек, сейчас осталось в двух посёлках по факту около двухсот человек, по прописке чуть больше четырёхсот. Работы нет, население живёт от рыбалки до рыбалки, причём законно разрешить рыбалку местному населению не позволяют, все вдруг стали невольными браконьерами – «джентльменами удачи». Это внуки и правнуки казаков-первопроходцев, тяжким трудом и жизнью своей присоединивших Дальний Восток к России. Их не пугало окраинное положение и отсутствие пахотной земли, эти поистине героические люди освоили и заселили край российской земли. И вот по ним, по самым преданным и отважным, – катком революции и раскулачивания, ссылками и расстрелами! Дальний Восток дважды постигла волна репрессий раскулачивания.

После известного маниакального указа от 24 января 1919 года начался повальный отстрел казаков, принявший гораздо более интенсивный характер, чем все известные ранее примеры жесточайшего уничтожения народа и сравнимый разве что с холокостом. Не насытившись убийствами, дорвавшийся до власти большевизированный комитет бедноты принялся за паспортизацию и со своих исконных приграничных земель согнал крепкого хозяина-казака.

О том, что казаки были крепкими хозяевами, говорит даже то, что Амурская область во времена большевизации была самой высокомеханизированной аграрной областью в России. Но и этого было мало, последовали две волны коллективизации, сопровождаемые арестами и расстрелами. Население катастрофически сокращалось, и только Дальлаг старательно устилал костями очередную стройку Дальнего Востока.

Потомки казаков это помнят!!! Не помнят, да и не хотят помнить только вновь «пожелавшие» стать «казаками», с расчётом поживиться халявными деньгами реестра. Это внуки тех мужиков-комбедовцев, плясавших на крови казаков и деливших их имущество. Они ничего не потеряли, им нечего реабилитировать.

Братья-казаки, вы вообще хоть как-то можете представить в Гражданскую войну и после почти полный состав ЧК из казаков? Согласитесь, что это немыслимо. Так скажите мне, а почему сейчас почти всё руководство реестрового казачества состоит из «бывших спецов»? Разве это нужно казакам?

И сейчас в проекте нового закона «О казачестве» в самое начало засунули: «Этот закон не должен повторять нормы, которые уже закрепили факт реабилитации казачества как репрессированного народа». Хитрый ход. А что – не было репрессий, или боимся назвать тех, кто это устроил? Так казаки знают и помнят. То,

что казачью историю постоянно перекраивают в угоду врагам России, так это ни для кого не секрет, – так, в угоду местным чинушам было уничтожено историческое Амурское казачье войско, и никого это не волнует, потому что нет единения у казаков. Сегодня промолчим про Амурское, завтра и Донское уничтожат.

Законы о казачестве как анекдот: «Ребе, а можно в Хаббад прыгать с парашютом? – Прыгать можно, а раскрывать парашют нельзя». Так и у нас, создали более тысячи войск благодаря таким несовершенным законам, сотворённым мужиками, и все возможности работать отдали реестру.

Назовите хоть один признак, чем казак-общественник отличается от казака реестрового? Названием? Или тем, что недобросовестные чиновники, пытаясь обелить себя, на каждом углу заявляют: «Общественники отказываются служить государству». Ложь, чушь, клевета, абсурд и мошенничество. Покажите мне хоть одного казака, который отказался служить в армии или отказался от реальной должности. Значит, трактовка слов «казак» и «казачье общество» категорически неправильна и подлежит новому толкованию, но **делать это должны потомственные казаки, а не желающие с 18 лет получать халявные деньги, а потому вступившие в реестр.**

В проекте нового закона о казачестве, опубликованном на КИАЦ А. Е. Горбань, войсковой судья ККВ даёт ссылку для казаков на опыт Израиля. Уважаемый судья попутал предмет совета, как время и место. А почему не взять ориентиры на девиз великого русского полководца А. В. Суворова: «Мы – русские, мы – победим!», и причём здесь Израиль? Думаю, что сей совет произошёл от халявного финансирования, ведь ни для кого не секрет полное финансирование ККВ при финансировании только атаманов в других войсках, как говорится, с жиру бесимся.

Казаки в России поставлены даже не в рамки двойных стандартов, а, скорее, двойные в квадрате. Всегда у нас среди преданных есть «самые преданные», среди прямых есть «самые прямые», среди патриотов – «самые-самые патриотичные». Наяву как в социалистическом принципе, где «все равны», но кто-то, где-то есть на самом деле обязательно «равнее».

Вот с таким отношением к казачеству, с прямым саботажем процесса воссоздания казачества и начался страшный, сопоставимый с временами Гражданской войны, казачий раздраз. Изначально речь шла **именно о воссоздании ранее исторически существовавших – до незаконных репрессий – казачьих обществ, в их сохранившихся исторических границах, с исторически сохранившимися названиями!** Речь не шла о создании чего-то нового. Но – насоздавали, при том, что казаки остались те же самые, просто под

жаркими речами «панов Таврических» состоят разом в нескольких общинах, а то и в войсках. **У нас только в маленьком приамурском городе Комсомольске-на-Амуре сразу ТРИ казачьих генерала!!!** При том, что офицеров больше, чем казаков, ни один из них не имеет казачьей аттестации, предлагаемой нами много лет.

Как можно командовать казаками, не зная казачьих обычаев, истории и культуры казачьего народа? Жажда власти и призрачная мечта на дармовое финансирование казачества, отторгли новодельное казачество от его истинных целей: сохранения традиций и обычаев, истории и культуры казачества.

Именно для этого собирались казаки в далёком 1990 году. Главная задача, поставленная тогда – единение казачества – не выполнена. Набить казачьи общества мужиками, не имеющими отношения к славному прошлому казаков – это продолжать исполнение директивы от 24 января 1919 года. Посмотрите, даже Казачьи Круги – верховную власть казаков, превратили в шоу по интересам или прямые судилища. Хочу напомнить, Круг – это в первую очередь праздник, где все равны, где казаки-братья принимают законодательно важные решения, а не выясняют отношения и не устраивают судилища. Для этого есть другие органы в управлении казачьего войскового общества.

Жаль, что не произошло самоорганизации казаков, которая так сильна была в казачестве. Для догмата единения казачества, здесь наиболее подходит строка из стихотворения У. Х. Одена, написанного накануне Второй мировой войны: «Мы должны любить друг друга или погибнуть». Наверное, последнее пересилило.

Уповать на общечеловеческие подходы с соблюдением прав человека к казакам не получается. Остаётся только желать усиления власти Президента РФ В. В. Путина, чтобы он перестал наконец оглядываться на советы «мужиков» и предателей от казачества, и законы о казаче-

стве стали бы принимать потомственные казаки, без экивоков на Израиль, чтобы наконец власть чётко и ясно выразила в законе чаяния всех казаков, с учётом заветов наших дедов и прадедов.

*Почётный Атаман
Амурского казачьего войска
Крюков Владимир Викторович*

От редакции

Мы позвонили Владимиру Викторовичу, находящемуся на длительном лечении:

– Владимир Викторович! Что подвигло вас на написание этой статьи?

– Как вы знаете, я почти отошёл от проблем нынешнего казачества, потому что не вижу осмысленности законов, а значит, и будущего развития казачества как консолидированного общества. У нас уже столетие сначала что-то делают, а потом начинают этому учиться. А сейчас учиться ещё и не пытаются, то есть процесс возрождения казачества затащили в тупик. Искусственно и планомерно. Неужели нет выхода? Да, выход всегда есть, но кому нужна война с чиновниками, слежки, угрозы, изощёренное политическое уничтожение тех атаманов, которые действительно хотят жить казачьей жизнью? Жизнью без директив и указок, а именно своей казачьей жизнью, нужной государству, на основе наших традиций и обычаев.

При условии разработки законодательства по **воссозданию** именно **одинадцати исторических войск**, а не тысяч непонятных общин, при условии возврата приграничных земель и традиционных направлений экономики казаки вернутся в общины. Ведь многие из них помнят своё славное прошлое и в частности слова русского полководца М. И. Кутузова после Бородино, сказанные фельдмаршалу Барклаю-де-Толли: «Обиды свои, лишь себе тяжесть приносящие, не должны влиять на дело общее».

*Александр Афанасенко,
фермер, г. Дальнереченск*

Для тех, кто ещё не взял гектар

По данным Приморскстата за девять месяцев 2016 года край покинуло более 52 тыс. человек (газета «Золотой Рог» за 18.10.2016 г.). С позиции крестьянина-фермера и общественника я хочу рассказать, почему народ бежит из Приморья.

У нас 45 га земли в собственности, 35 арендуем. Из них только 4 га пашни, а остальное всё – болото и луг. С нашим участком граничит федеральная трасса Владивосток – Хабаровск. На отведённой нам земле оказалась также свалка больше 1 га.

За первых три года мы убрали свалку, построили дороги, закупили материалы для строительства молочной фермы, выращивали и перерабатывали овощи, и – стоп... Земля приглянулась негодьям из администрации района. При уборке свалки оказалось, что у нас хороший гравий, и нас «попросили» убраться. Дороги мы построили, рядом трасса, черпай и продавай, зачем им коровы? Мы их послали «по-русски».

Сколько было разных проверок, комиссий, в чём нас только не обвиняли!!! На нашей стороне была правда, поддержка простых людей, СМИ, особенно помогли «Арсеньевские вести». Сколько сил, средств и нервов мы потратили, не передать. Пока воевали, уехали доярки, а их в крае сейчас меньше, чем краснокнижных тигров.

Этого всего не должно было бы быть, потому, что я буквально прорвался к губернатору, рассказал о ситуации в районе, про наши проблемы. Он твёрдо обещал разобраться. Потом я ещё дважды при встречах с ним поднимал вопросы о коррупции, приводил примеры казнокрадства, как я считаю, его подчинённых.

Говорит он красиво и обещать умеет, а на деле – человек не на своём месте, считаю, это очень мягко сказано. По вине властей не получилось у нас с животноводством, занялись мы овощеводством. Полный цикл: от выращивания рассады до продажи готовой продукции. Начали строить мелиоративную систему.

У нас ведь как в Приморье: то высохнет, то вымокнет, без мелиорации экологически чистую продукцию не вырастишь. Это очень дорого. Получилось очень даже неплохо. Солим огурцы, капусту, перцы, тыкву, арбузы. Пользуемся не только «бабушкиными» рецептами, но и разработали свои, не имеющие аналогов.

Рядом тайга, занимаемся заготовкой и переработкой дикоросов: грибы, ягоды, папоротник, черемша, иван-чай. Сушим, морозим, солим, маринуем. Столько и в таком ассортименте в крае никто не делает.

Мы умеем работать, мы хотим работать. Три года назад мы совместно с другими фермерами хотели построить в Дальнереченске крестьянское подворье с магазином и кафе, где бы реализовывали свою продукцию, указали подходящее место, там более 30 лет уже пустырь, но не дали.

Два года назад просили краевые власти в связи с реконструкцией федеральной трассы внести в проект съезд к нашему участку, а мы бы там построили овощехранилище, овощной цех, гостиницу, кафе, магазин, автостоянку, сезонный открытый рынок по продаже сельхозпродукции. Это рабочие места, это налоги.

Всё это надо строить, обустраивать трассу. Это государственное дело. Приезжайте, посмотрите, мы расскажем, покажем.

В ответ: вам надо, вы и делайте, проектируйте. Все ответы у нас есть. Власть как может так нам и «помогает». Мы у них как кость в горле, говорим правду, никому не отстёгиваем.

Вот и сейчас судимся с городской администрацией. Возле дома, где мы живём (Горького, 13), в посёлке ЛДК, стояли наши железные гаражи и сараи. Надо сказать, что наш дом построили ещё пленные японцы в 1946 году, в то же время были построены и сараи. В 2012 году мы обрати-

лись в администрацию г. Дальнереченска, чтобы нам разрешили на месте наших старых построек возвести капитальные гаражи. Нам выделили 500 м², и мы организовали ГСК «Крестьянин».

Мы сделали всю строительную документацию (5 альбомов), поставили на кадастровый учёт участок, снесли наши старые гаражи и сараи. Пришли за разрешением на строительство. Нам намекнули, что надо бы подмазать для ускорения процесса. Я сказал, что никому платить не будем и всё, что думаю о них. Начались придирки, и в конце концов нам выдали градостроительный план.

Мы ознакомились с ним, посоветовались со специалистами. Вывод однозначный: по этому градостроительному плану строить нельзя, часть гаражей затянута в охранную зону ЛЭП-10 000 В. Мы считаем, что это было сделано сознательно главным архитектором города за нашу принципиальную позицию. Если бы мы построили по их проекту, то нас бы однозначно снесли, т. к. в охранной зоне ЛЭП строить нельзя.

Мы указали на это. Так как больше года уже были без гаражей, а технику надо было ставить, в 2014 году мы построили гаражи, отступив на положенное расстояние от ЛЭП без разрешения на строительство. Мы решили, что суд разберётся. Вот Дальнереченский судья госпожа Бондарь Н. В. и разобралась – снести.

В приговоре ни слова, что гаражи были возведены на месте наших же гаражей и построек, что мы платили четыре года налог на землю, что своим градостроительным планом администрация, по нашему мнению, откровенно издевалась над крестьянами. Думаю, это маразм: в радиусе 200 метров от наших гаражей можно построить ещё десяток таких же, вокруг пустыри, а это – налоги в местный бюджет.

В местных газетах объявления только о продаже домов, квартир, гаражей. Нет ни одного «куплю», народ бежит с нашего края. Перевернули всё с ног на голову. Сейчас говоришь правду, добиваешься правды, не кричишь «ура» этим властям (где на всех одна извилина, и то носят они её по очереди) – значит, ты экстремист.

Вот, значит, я, Афанасенко Александр Викторович, крестьянин, работающий минимум по 12 часов в день, семь дней в неделю. Отдыхаю только когда заболел. Так же работает вся моя семья. Мы экстремисты. Нас ставят перед выбором: или уезжать, или протестовать. Я уезжать не собираюсь.

В суде второй инстанции судья Леонова Е. В., Корчагина П. А., Важенина Н. С. нашу апелляционную жалобу отклонили, хотя мы представили заключение независимого эксперта, что гаражи возведены по всем строительным нормам, согласно технической документации, и не угрожают жизни и здоровью граждан. Сработала судебная корпоративная солидарность.

На суде я сказал всё, что о них думал. Кем они себя возомнили? Я – это народ, который добросовестно сеет, пашет, строит. Судебными решениями создают невыносимые условия для жизни в Приморье, убивают веру в справедливость закона. Они даже не задумываются, что творят.

Почитайте сказочку «Чиполлино», что случилось после того, как снесли домик дядюшки Тыквы. Русская поговорка гласит: не будите лихо, пока тихо.

Я являюсь сопредседателем местного отделения ОНФ за Россию более трёх лет. Только факты:

В стационаре больницы в терапевтическом отделении лежали простые больные, в клетках – больные с психическими расстройствами, дети-груднички с матерями и больные туберкулезом. Одна столовая для всех.

Мы весь этот ужас засняли и выложили в интернет. Всё это комментировал тогда ещё депутат Заксобрания Приморья Корнеев Ю. А. Народ собрал более 1600 подписей об отставке главврача Писарец, я лично вручил эти подписи в руки Миклушевскому В. В. Итог: приехал вице-губернатор Серебряков, при всех обнял Писарец Е. Дал понять, что своих не сдаёт?

Я задал вопрос Серебрякову, хотел бы он, чтобы его дети лечились в такой вот больничке? Он возмутился: «Что вы такое говорите?!». Всё это называется просто: геноцид российского народа.

Более трёх лет уже не работают очистные сооружения в Дальнереченске и посёлке ЛДК. Все нечистоты плывут прямо в Большую Уссурку. Горводоканал и водоотведение у нас в частных руках, третий раз за 10 лет предприятие банкротят, меняют вывеску, видимо, чтобы уйти от контроля и налогов. Качество воды отвратительное, можно сказать, что травят народ, травят природу, задержки по заработной плате до полугода.

На встрече довели до губернатора. Миклушевский В. В. сказал, что здесь место имеет случай, когда одни негодяи продали другим негодьям то, что ни в коем случае нельзя было продавать. Обещалкин обещал разобраться. Прокуратура и администрация отвечают, что всё работает в штатном режиме.

В городе нет бани. Продали. Десяток старушек и старичков вышли было с плакатами к мэрии, так их окружил ОМОН с автоматами. Долго потом ещё ходили к старичкам по домам, выясняли, кто это здесь готовит бунт. Негодяи, попробовали бы сами хотя бы месяц без бани прожить. А у многих стариков-то нет своей бани, а если есть ванна, то залезть в неё – целая проблема.

Построили два дома многоквартирных по программе переселения из ветхого жилья. Стены и потолки промерзают, вентиляции нет, везде грибок.

Думаю, жить в этих домах нельзя даже здоровому взрослому, а детям категорически нельзя, это преступление. Народные деньги разво-

рованы? На запрос ОНФ в МВД пришёл ответ: очень большая очередь на строительную экспертизу. Два года прошло. Вот она, коррупция. На мой вопрос по этим домам губернатор опять же обещал разобраться.

В таёжном крае, где заготавливаются миллионы кубометров древесины, проблема с дровами. С мозгами у этой администрации проблемы, и с совестью? Работать не могут и не хотят?

Ставили перед губернатором вопрос об объединении города и района. Две администрации на расстоянии 200 метров друг от друга, населения тысяч 35 всего. Ответ Миклушевского В. В.: это очень трудная и длительная работа. А ведь можно сэкономить десятки миллионов народных денег, но им некогда и нет желания?

Во время выборов губернатора в 2014 г. нам прямо на участке порезали колёса. Запугивали. Подали заявление в полицию. Ноль. Вот если бы это сделали где-нибудь с самой честной, справедливой и неподкупной партией, то вою было бы на весь мир.

Про грабительский капитальный ремонт. Как я уже писал, живём в двухэтажных домах, некоторые построены ещё пленными японцами в 1946 году. В некоторых домах нет ни канализации, ни водопровода. И это в наше время! Посреди дворов устроены выгребные ямы, куда выносят из домов нечистоты, зловоние стоит сильное. А ведь канализационные колодцы и водопровод находятся рядом с домами, в шаговой доступности.

Ремонт домам нужен, но зачем в этих домах было утеплять стены, которые 70 см толщиной, обшивать дорогостоящим сайдингом, а канализацию и водопровод не подводить? И всё это происходит в наше время! Этот вопрос я задавал куратору ремонта и мастерам. Говорят – такой проект, и его нельзя менять. И так во всём.

О дальневосточном гектаре. Из опыта советского времени: было уже переселение, кто помнит. Переселенцам давали дом, корову, деньги. Через 2–3 года остались единицы. Огромные деньги на ветер. Да хоть 10 гектаров дайте бесплатно, те, кто знает истинную ситуацию в Приморье, не поедет. Цифры несопоставимы: 3000 заявок подали на получение гектара за год, из них подавляющее большинство приморцы. Более 52 000 уехали за 9 месяцев, за год будет более 60 000, это в основном молодёжь и активные граждане, адаптированные к местной среде.

Проекты по переселению сюда 3 млн человек из азиатских республик, а также платить по 250 тыс. руб. каждому переселенцу – это всё, считаю, «лабуда». Вопрос нужно решать коренным образом. Об этом надо криком кричать, бить во все колокола. Если всего этого не делается, у населения складывается такое впечатление, что эту территорию готовят к сдаче, и все признаки говорят об этом.

Это только маленькая толика из того, что выявило наше местное отделение ОНФ и неравнодушные граждане.

Грабительские налоги, дерут с народа последнее, чтобы потом вот так бездарно и вольно распоряжаться средствами? Ура! Мы победили, а почти два Дальнереченска сбежало из Приморья за год.

У меня есть друг, Ильшат, он из Башкирии приехал, член «Единой России». Так он говорит, что у них бы за такие дела – партбилет на стол и в тюрьму. Так почему же народ бежит? Потому, что, по нашему мнению, верхушка «Доедаем Россию» создала здесь невыносимые условия для жизни, работы нет, нищенские зарплаты и пенсии, непосильные налоги, здравоохранение – хуже некуда.

Идёт только ухудшение. Народ выдавливают с этой территории? У наших горе-руководителей есть, наверно, мечта, чтобы здесь осталось одно «быдло», готовое за бутылку и на выборах как надо проголосовать, и «ура» кому надо и когда надо прокричать.

Сейчас хотят твёрдой руки, некоторые хотят нового Сталина. Моего деда Афанасенко Григо-

рия Константиновича и его братьев в 1937 году, как и многих других невинных людей, осудили. Они были крестьянами, как и я сейчас. Я не хочу, чтобы эта история повторилась.

Думаю, самый страшный экстремизм в нашей стране – это административный экстремизм, это вседозволенность и безнаказанность чиновников, люди не верят в справедливость закона.

По опыту работы в ОНФ убедился, что наши чиновники виртуозно научились давать отписки «ни о чём», это непробиваемая стена. Процентом 50 из них можно и нужно сократить, стране станет намного легче. Они сами для себя придумали пустопорожний документооборот, они нужны только самим себе.

Приморье – это богатейший и красивейший край, природа щедро одарила нас. Кажется, работой честно, служи честно, по совести, и всё будет хорошо. Так почему же народ бежит из Приморья? Что эта за чума такая, от которой народ бежит? Арабы в Европу бегут от ИГИЛ (запрещённая в России организация), а у нас из Приморья от кого бегут?

Максим Горький

О русском крестьянстве

Статья М. Горького, не публиковавшаяся в СССР

Эта скандальная статья Горького вышла в 1922 году в Берлине. Её не издавали в России ни до, ни после войны, ни в перестройку, – вообще никогда. Просто не издавали, и всё тут.

Быть может, как раз потому, что именно в этом своём сочинении Буревестник говорит о сути революции откровеннее, чем где-либо ещё, и чем это позволяли себе его товарищи-большевики.

Её надо просто прочитать. Комментировать не буду. Просто прикрепила некоторые фотографии и выделила в тексте те фразы, на которые хотела бы обратить внимание читателя.

Итак, Максим Горький: «О русском крестьянстве».

Люди, которых я привык уважать, спрашивают: что я думаю о России?

Мне очень тяжело всё, что я думаю о моей стране, точнее говоря, о русском народе, о крестьянстве, большинстве его. Для меня было бы легче не отвечать на вопрос, но – я слишком много пережил и знаю для того, чтоб иметь право на молчание. Однако прошу понять, что я никого не осуждаю, не оправдываю, – я просто рассказываю, в какие формы сложилась масса моих впечатлений. Мнение не есть осуждение, и если мои мнения окажутся ошибочными, – это меня не огорчит.

В сущности своей всякий народ – стихия анархическая; народ хочет как можно боль-

ше есть и возможно меньше работать, хочет иметь все права и не иметь никаких обязанностей. Атмосфера бесправия, в которой издревле привык жить народ, убеждает его в законности бесправия, в зоологической естественности анархизма. Это особенно плотно приложимо к массе русского крестьянства, испытавшего более грубый и длительный гнёт рабства, чем другие народы Европы.

Русский крестьянин сотни лет мечтает о каком-то государстве без права влияния на волю личности, на свободу её действий, – о государстве без власти над человеком. В несбыточной надежде достичь равенства всех при неограниченной свободе каждого народ русский пытался организовать такое государство в форме казачества, Запорожской Сечи.

Ещё до сего дня в тёмной душе русского сектанта не умерло представление о каком-то сказочном «Опосьском царстве», оно существует где-то «на краю земли», и в нём люди живут безмятежно, не зная «антихристовой суеты», города, мучительно истязуемого судорогами творчества культуры.

В русском крестьянине как бы ещё не изжит инстинкт кочевника, он смотрит на труд пахаря как на проклятие Божье и болеет «охотой к перемене мест». У него почти отсутствует – во всяком случае, очень слабо развито – боевое желание укрепиться на избранной точке и влиять на окружающую среду в своих интересах, если же он решается на это – его ждёт тяжёлая и бесплодная борьба.

Тех, кто пытается внести в жизнь деревни нечто от себя, новое – деревня встречает недоверием, враждой и быстро выжимает или выбрасывает из своей среды. Но чаще случается так, что новаторы, столкнувшись с неодолимым консерватизмом деревни, сами уходят из неё. Идти есть куда – всюду развернулась пустынная плоскость и соблазнительно манит вдаль.

Талантливый русский историк *Костомаров* говорит: «*Оппозиция против государства существовала в народе, но, по причине слишком большого географического пространства, она выражалась бегством, удалением от тягот, которые налагало государство на народ, а не деятельным противодействием, не борьбой*». Со времени, к которому относится сказанное, население русской равнины увеличилось, «*географическое пространство*» сузилось, но – психология осталась и выражается в курьёзном совете-половице: «*От дела – не бегай, а дела – не делай*».

Человек Запада ещё в раннем детстве, только что встав на задние лапы, видит всюду вокруг себя монументальные результаты труда его предков. От каналов Голландии до туннелей Итальянской Ривьеры и виноградников Везу-

вия, от великой работы Англии и до мощных Силезских фабрик – вся земля Европы тесно покрыта грандиозными воплощениями организованной воли людей, – воли, которая поставила себе гордую цель: подчинить стихийные силы природы разумным интересам человека.

Земля – в руках человека, и человек действительно владыка её. Это впечатление всасывается ребёнком Запада и воспитывает в нём сознание ценности человека, уважение к его труду и чувство своей личной значительности как наследника чудес, труда и творчества предков.

Такие мысли, такие чувства и оценки не могут возникнуть в душе русского крестьянина. Безграничная плоскость, на которой тесно сгрудились деревянные, крытые соломой деревни, имеет ядовитое свойство опустошать человека, высасывать его желания.

Выйдет крестьянин за пределы деревни, посмотрит в пустоту вокруг него, и через некоторое время чувствует, что эта пустота влилась в душу ему. Нигде вокруг не видно прочных следов труда и творчества.

Усадьбы помещиков? Но их мало, и в них живут враги. Города? Но они – далеко и не многим культурно значительнее деревни. Вокруг – бескрайняя равнина, а в центре её – ничтожный, маленький человечек, брошенный на эту скучную землю для каторжного труда.

И человек насыщается чувством безразличия, убивающим способность думать, помнить пережитое, вырабатывать из опыта своего идеи! Историк русской культуры, характеризуя крестьянство, сказал о нём: «Множество суеверий и никаких идей».

Это печальное суждение подтверждается всем русским фольклором.

Спора нет – прекрасно летом «живое золото пышных нив», но осенью пред пахарем снова ободранная голая земля и снова она требует каторжного труда. Потом наступает суровая, шестимесячная зима, земля одета ослепительно белым саваном, сердито и грозно воют вьюги, и человек задыхается от безделья и тоски в тесной, грязной избе. Из всего, что он делает, на земле остаётся только солома и крытая соломой изба – её три раза в жизни каждого поколения истребляют пожары.

Технически примитивный труд деревни неизменно тяжёл, крестьянство называет его «страда» от глагола «страдать». Тяжесть труда, в связи с ничтожеством его результатов, углубляет в крестьянине инстинкт собственности, делая его почти не поддающимся влиянию учений, которые объясняют все грехи людей силой именно этого инстинкта.

Труд горожанина разнообразен, прочен и долговечен. Из бесформенных глыб мёртвой руды он создаёт машины и аппараты изуми-

тельной сложности, одухотворённые его разумом, живые. Он уже подчинил своим высоким целям силы природы, и они служат ему, как джинны восточных сказок царю Соломону.

Он создал вокруг себя атмосферу разума – «вторую природу», он всюду видит свою энергию воплощённой в разнообразии механизмов, вещей, в тысячах книг, картин, и всюду запечатлены величавые муки его духа, его мечты и надежды, любовь и ненависть, его сомнения и верования, его трепетная душа, в которой неугасимо говорит жажда новых форм, идей, деяний и мучительное стремление вскрыть тайны природы, найти смысл бытия.

Будучи поработён властью государства, он остаётся внутренне свободен, – именно силой этой свободы духа он разрушает изжитые формы жизни и создаёт новые. Человек деяния, он создал для себя жизнь мучительно напряжённую, порочную, но – прекрасную своей полнотой. Он возбудитель всех социальных болезней, извращений плоти и духа, творец лжи и социального лицемерия, но – это он создал микроскоп самокритики, который позволяет ему со страшной ясностью видеть все свои пороки и преступления, все вольные и невольные ошибки свои, малейшие движения своего всегда и навеки неудовлетворённого духа.

Великий грешник перед ближним и, может быть, ещё больший перед самим собою, он – великомученик своих стремлений, которые, искажая, разрушая его, ролят всё новые и новые муки и радости бытия. Дух его, как проклятый Агасфер, идёт в безграничье будущего, куда-то к сердцу космоса или в холодную пустоту вселенной, которую он – может быть – заполнит эманацией своей психофизической энергии, создав – со временем – нечто не доступное представлениям разума сегодня.

Инстинкту важны только утилитарные результаты развития культуры духа, только то, что увеличивает внешнее, материальное благополучие жизни, хотя бы это была явная и унизительная ложь.

Для интеллекта процесс творчества важен сам по себе; интеллект глуп, как солнце, он работает бескорыстно.

Был в России некто *Иван Болотников*, человек оригинальной судьбы: ребёнком он попал в плен к татарам во время одного из их набегов на окраинные города Московского царства, юношей был продан в рабство туркам, – работал на турецких галерах, его выкупили из рабства венецианцы, и, прожив некоторое время в аристократической Республике Дожей, он возвратился в Россию.

Это было в 1606 году; московские бояре только что затравили талантливую царя Бориса Годунова и убили умного смельчака, загадочного юношу, который, приняв имя Дмитрия, сына

Ивана Грозного, занял Московский престол и, пытаясь перебороть азиатские нравы москвитян, говорил в лицо им:

«Вы считаете себя самым праведным народом в мире, а вы – развратны, злобны, мало любите ближнего и не расположены делать добро».

Его убили, был выбран в цари хитрый, двоедушный Шуйский, князь Василий, явился второй самозванец, тоже выдававший себя за сына Грозного, и вот в России началась кровавая трагедия политического распада, известная в истории под именем Смуты. Иван Болотников пристал ко второму самозванцу, получил от него право команды небольшим отрядом сторонников самозванца и пошёл с ними на Москву, проповедуя холопам и крестьянам:

«Бейте бояр, берите их жён и всё достояние их. Бейте торговых и богатых людей, делите между собой их имущество».

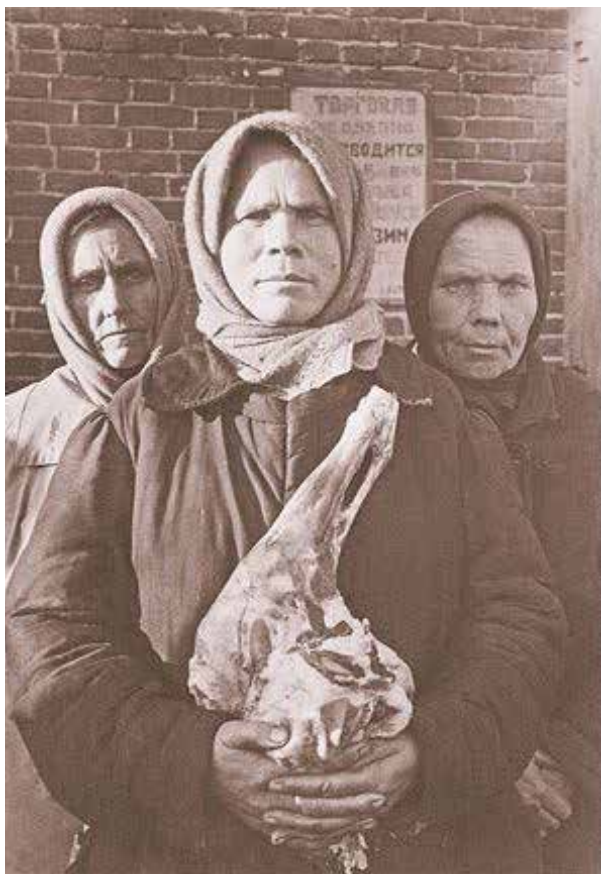
Эта соблазнительная программа примитивного коммунизма привлекла к Болотникову десятки тысяч холопов, крестьян и бродяг, они неоднократно били войска царя Василия, вооружённые и организованные лучше их; они осадили Москву и с великим трудом были отброшены от неё войском бояр и торговых людей. В конце концов этот первый мощный бунт крестьян был залит потоками крови, Болотникова взяли в плен, выкололи ему глаза и утопили его.

Имя Болотникова не сохранилось в памяти крестьянства, его жизнь и деятельность не оставила по себе ни песен, ни легенд. И вообще в устном творчестве русского крестьянства нет ни слова о десятилетней эпохе – 1602–1603 гг. – кровавой смуты, о которой историк говорит как о «школе своевольства, безначалия, политического неразумия, двоедушия, обмана, легкомыслия и мелкого эгоизма, не способного оценить общих нужд». Но всё это не оставило никаких следов ни в быте, ни в памяти русского крестьянства.

В легендах Италии сохранилась память о фра Дольчино, чехи помнят Яна Жижку, также как крестьяне Германии Томаса Мюнцера, Флориана Гейера, а французы – героев и мучеников Жакерии и англичане имя Уота Тайлера, – обо всех этих людях в народе остались песни, легенды, рассказы.

Русское крестьянство не знает своих героев, вождей, фанатиков любви, справедливости, мести.

Через 50 лет после Болотникова донской казак *Степан Разин* поднял крестьянство почти всего Поволжья и двинулся с ним на Москву, возбуждённый той же идеей политического и экономического равенства. Почти три года его шайки грабили и резали бояр и купцов, он выдерживал правильные сражения с войсками царя Алексея Романова, его бунт грозил поднять всю деревенскую Русь.

Его разбили, потом четвертовали. В народной памяти о нём осталось две-три песни, но чисто народное происхождение их сомнительно, смысл же был непонятен крестьянству уже в начале XIX века.

Не менее мощным и широким по размаху был бунт, поднятый при Екатерине Великой уральским казаком *Пугачёвым*, – «эта последняя попытка борьбы казачества с режимом государства», как определил этот бунт историк С. Ф. Платонов. О Пугачёве тоже не осталось ярких воспоминаний в крестьянстве, как и о всех других, менее значительных политических достижениях русского народа.

О них можно сказать буквально то же, что сказано историком о грозной эпохе Смуты:

«Все эти восстания ничего не изменили, ничего не внесли нового в механизм государства, в строй понятий, в нравы и стремления...».

К этому суждению уместно прибавить вывод одного иностранца, внимательно наблюдавшего русский народ: *«У этого народа нет исторической памяти. Он не знает своё прошлое и даже как будто не хочет знать его».*

Великий князь Сергей Романов рассказал мне, что в 1913 году, когда праздновалось трёхсотлетие династии Романовых и царь Николай был в Костроме, Николай Михайлович – тоже великий князь, талантливый автор целого ряда солидных исторических трудов, – сказал царю, указывая на многотысячную толпу крестьян:

«А ведь они совершенно такие же, какими были в XVII веке, выбирая на царство Михаила, такие же; это – плохо, как ты думаешь?».

Царь промолчал. Говорят, он всегда молчал в ответ на серьёзные вопросы. Это – своего рода мудрость, если не является хитростью или не вызвано страхом.

Жестокость – вот что всю жизнь изумляло и мучило меня. В чём, где корни человеческой жестокости? Я много думал над этим и – ничего не понял, не понимаю.

Давно когда-то я прочитал книгу под зловещим заглавием: *«Прогресс как эволюция жестокости».*

Автор, искусно подобрав факты, доказывал, что с развитием прогресса люди всё более сладострастно мучают друг друга и физически, и духовно. Я читал эту книгу с гневом, не верил ей и скоро забыл её парадоксы.

Но теперь, после ужасающего безумия европейской войны и кровавых событий революции, – теперь эти едкие парадоксы всё чаще вспоминаются мне. Но – я должен заметить, что *в русской жестокости эволюции, кажется, нет, формы её как будто не изменяются.*

Летописец начала XVII века рассказывает, что в его время так мучили: *«насыпали в рот пороху и зажигали его, а иным набивали порох снизу, женщинам прорезывали груди и, продев в раны верёвки, вешали на этих верёвках».*

В 18-м и 19-м годах то же самое делали на Дону и на Урале: вставив человеку – снизу – динамитный патрон, взрывали его.

Я думаю, что русскому народу исключительно – так же исключительно, как англичанину чувство юмора – свойственно чувство особенной жестокости, хладнокровной и как бы испытывающей пределы человеческого терпения к боли, как бы изучающей цепкость, стойкость жизни.

В русской жестокости чувствуется дьявольская изощрённость, в ней есть нечто тонкое, изысканное. Это свойство едва ли можно объяснить словами «психоз», «садизм», словами, которые, в сущности, и вообще ничего не объясняют.

Наследие алкоголизма? Не думаю, чтоб русский народ был отравлен ядом алкоголя более других народов Европы, хотя допустимо, что при плохом питании русского крестьянства яд алкоголя действует на психику сильнее в России, чем в других странах, где питание народа обильнее и разнообразнее.

Можно допустить, что на развитие затейливой жестокости влияло чтение житий святых великомучеников, – любимое чтение грамотеев в глухих деревнях.

Если б факты жестокости являлись выражением извращённой психологии единиц –

о них можно было не говорить, в этом случае они материал психиатра, а не бытописателя. Но я имею в виду только коллективные забавы муками человека.

В Сибири крестьяне, выкопав ямы, опускали туда – вниз головой – пленных красноармейцев, оставляя ноги их – до колен – на поверхности земли; потом они постепенно засыпали яму землёю, следя по судорогам ног, кто из мучимых окажется выносливее, живучее, кто задохнётся позднее других.

Забайкальские казаки учили рубке молодёжь свою на пленных.

В Тамбовской губернии коммунистов пригвождали железнодорожными костылями в левую руку и в левую ногу к деревьям на высоте метра над землёю и наблюдали, как эти – нарочито неправильно распятые люди – мучаются.

Вскрыв пленному живот, вынимали тонкую кишку и, прибив её гвоздём к дереву или столбу телеграфа, гоняли человека ударами вокруг дерева, глядя, как из раны выматывается кишка. Раздев пленного офицера донага, сдирали с плеч его куски кожи, в форме погон, а на место звёздочек вбивали гвозди; сдирали кожу по линиям портупей и лампасов – эта операция называлась «одеть по форме». Она, несомненно, требовала немало времени и большого искусства.

Творилось ещё много подобных гадостей, отвращение не позволяет увеличивать количество описаний этих кровавых забав.

Кто более жесток: белые или красные? Вероятно – одинаково, ведь и те, и другие – русские. Впрочем, на вопрос о степенях жестокости весьма определённо отвечает история: наиболее жесток – наиболее активный...

Думаю, что нигде не бьют женщин так безжалостно и страшно, как в русской деревне, и, вероятно, ни в одной стране нет таких вот пословиц-советов:

«Бей жену обухом, припади да понюхай – дышит? – морочит, ещё хочет». «Жена дважды мила бывает: когда в дом ведут да когда в могилу несут». «На бабу да на скотину суда нет». «Чем больше бабу бьёшь, тем щи вкуснее».

Сотни таких афоризмов, – в них заключена веками нажитая мудрость народа, – обращаются в деревне, эти советы слышат, на них воспитываются дети.

Детей бьют тоже очень усердно. Желая ознакомиться с характером преступности населения губерний Московского округа, я просмотрел «Отчёты Московской судебной палаты» за десять лет – 1900–1910 гг. – и был подавлен количеством истязаний детей, а также и других форм преступлений против малолетних. Вообще в России очень любят бить, всё равно – кого.

«Народная мудрость» считает битого человека весьма ценным: «За битого двух небитых дают, да и то не берут».

Есть даже поговорки, которые считают драку необходимым условием полноты жизни. «Эх, жить весело, да – бить некого». Я спрашивал активных участников гражданской войны: не чувствуют ли они некоторой неловкости, убивая друг друга?

Нет, не чувствуют.

«У него – ружьё, у меня – ружьё, значит – мы равные; ничего, побьём друг друга – земля освободится».

Однажды я получил на этот вопрос ответ крайне оригинальный, мне дал его солдат европейской войны, ныне он командует значительным отрядом Красной армии.

– Внутренняя война – это ничего! А вот междоусобная, против чужих, – трудное дело для души. Я вам, товарищ, прямо скажу: русского бить легче. Народу у нас много, хозяйство у нас плохое; ну, сожгут деревню, – чего она стоит! Она и сама сгорела бы в свой срок. И вообще это наше внутреннее дело, вроде манёвров, для науки, так сказать.

А вот когда я в начале той войны попал в Пруссию – Боже, до чего жалко было мне тамошний народ, деревни ихние, города и вообще хозяйство! Какое величественное хозяйство разоряли мы по неизвестной причине. Тошнота!.. Когда меня ранили, так я почти рад был, – до того тяжело смотреть на безобразие жизни.

Потом – попал я на Кавказ к Юденичу, там турки и другие черномазые личности. Беднейший народ, добряки, улыбаются, знаете, – неизвестно почему. Его бьют, а он улыбается. Тоже – жалко, ведь и у них, у каждого есть своё занятие, своя привязка к жизни...

Это говорил человек по-своему гуманный, он хорошо относится к своим солдатам, они, видимо, уважают и даже любят его, и он любит своё военное дело. Я попробовал рассказать ему кое-что о России, о её значении в мире, – он слушал меня задумчиво, покуривая папиросу, потом глаза у него стали скучные, вздохнув, он сказал:

– Да, конечно, держава была специальная, даже вовсе необыкновенная, ну а теперь, по-моему, окончательно впала в негодяйство!

Мне кажется, что война создала немало людей, подобных ему, и что начальники бесчисленных и бессмысленных банд – люди этой психологии.

Говоря о жестокости, трудно забыть о характере еврейских погромов в России.

Тот факт, что погромы евреев разрешались имевшими власть злыми идиотами, – никого и ничего не оправдывает. Разрешая бить и гра-

бить евреев, идиоты не внушали сотням погромщиков: отрезайте еврейкам груди, бейте их детей, вбивайте гвозди в черепа евреев, – все эти кровавые мерзости надо рассматривать как «проявление личной инициативы масс».

Но где же – наконец – тот добродушный, вдумчивый русский крестьянин, неумолимый искатель правды и справедливости, о котором так убедительно и красиво рассказывала миру русская литература XIX века?

В юности моей я усиленно искал такого человека по деревням России и – не нашёл его.

Я встретил там сурового реалиста и хитреца, который, когда это выгодно ему, прекрасно умеет показать себя простаком. По природе своей он не глуп и сам хорошо знает это. Он создал множество печальных песен, грубых и жестокых сказок, создал тысячи пословиц, в которых воплощён опыт его тяжёлой жизни. Он знает, что «*мужик не глуп, да – мир дурак*» и что «*мир силён, как вода, да глуп, как свинья*».

Он говорит: «*Не бойся чертей, бойся людей. Бей своих – чужие бояться будут*».

О правде он не очень высокого мнения: «*Правдой сыт не будешь*». «*Что в том, что ложь, коли сыто живёшь*». «*Правдивый, как дурак, так же вреден*».

Чувствуя себя человеком, способным на всякий труд, он говорит: «*Бей русского, – часы сделает*». А бить надо потому, что «*каждый день есть не лень, а работать неохота*».

Таких и подобных афоризмов у него тысячи, он ловко умеет пользоваться ими, с детства он слышит их и с детства убеждается, как много заключено в них резкой правды и печали, как много насмешки над собою и озлобления против людей.

Люди – особенно люди города – очень мешают ему жить, он считает их лишними на земле, буквально удобренной потом и кровью его, на земле, которую он мистически любит, непоколебимо верит и чувствует, что с этой землёй он крепко спаян плотью своей, что она его кровная собственность, разбойнически отнятая у него.

Он задолго раньше лорда Байрона знал, что «*пот крестьянина стоит усадьбы помещика*». Литература народолюбцев служила целям политической агитации и поэтому идеализировала мужика.

Но уже в конце XIX столетия отношение литературы к деревне и крестьянину начало решительно изменяться, стало менее жалостливое и более правдивое. Начало новому взгляду на крестьянство положил Антон Чехов рассказами «В овраге» и «Мужики».

В первых годах XX столетия являются рассказы лучшего из современных русских художников слова, Ивана Бунина; его «Ночной разгово-

вор» и другая, превосходная по красоте языка и суровой правдивости повесть «Деревня» утвердили новое, критическое отношение к русскому крестьянству.

О Бунине в России говорят, что «он, как дворянин, относится к мужику пристрастно и даже враждебно». Разумеется, это неверно – Бунин прекрасный художник и только.

Но в русской литературе текущего века есть более резкие и печальные свидетельства о жуткой деревенской темноте – это «Юность», повесть, написанная талантливым крестьянином Орловской губернии Иваном Волиным, это рассказы московского крестьянина Семёна Подъячева, а также рассказы сибирского крестьянина Всеволода Иванова, молодого писателя исключительной яркости и силы.

Этих людей едва ли можно заподозрить в предвзятом и враждебном отношении к среде, родной им по плоти и крови, – к среде, связь с которой ими ещё не порвана. Им более, чем кому-либо иному, известна и понятна жизнь крестьянства – горе и грубые радости деревни, слепота разума и жестокость чувства.

В заключение этого невесёлого очерка я приведу рассказ одного из участников научной экспедиции, работавшей на Урале в 1921 году. Крестьянин обратился к членам экспедиции с таким вопросом:

– Вы люди учёные, скажите, как мне быть. Зарезал у меня башкир корову, я башкира, конечно, убил, а после того сам свёл корову у его семьи, так вот: будет мне за корову наказание?

Когда его спросили: а за убийство человека разве он не ждёт наказания, – мужик спокойно ответил:

– Это – ничего, человек теперь дешёв.

Характерно здесь слово «конечно», оно свидетельствует, что убийство стало делом простым, обычным. Это – отражение гражданской войны и бандитизма.

А вот это образец того, как – иногда – воспринимаются новые для деревенского разума идеи.

Сельский учитель, сын крестьянина, пишет мне: «*Так как знаменитый учёный Дарвин установил научно необходимость беспощадной борьбы за существование и ничего не имеет против уничтожения слабых и бесполезных людей, а в древнее время стариков отвозили в овраги на смерть от голода или, посадив на дерево, стряхивали оттуда, чтобы они расшиблись, – то, протестуя против такой жестокости, я предлагаю уничтожать бесполезных людей мерами более сострадательного характера.*

Например – окармливать их чем-нибудь вкусным и так далее. Эти меры смягчали бы повсеместную борьбу за существование, то есть приёмы её. Так же следует поступить со слабо-

умными идиотами, с сумасшедшими и преступниками от природы, а может быть, и с неизлечимо больными, горбатыми, слепыми и проч.

Такое законодательство, конечно, не понравится нашей ноющей интеллигенции, но пора уже перестать считаться с её консервативной и контрреволюционной идеологией. Содержание бесполезных людей обходится народу слишком дорого, и эту статью расхода нужно сократить до нуля».

Много сейчас в России пишется таких и подобных проектов, писем, докладов, – очень они удручают, но и они, невзирая на их уродство, заставляют чувствовать, что мысль деревни пробуждена и, хотя работает неумело, однако работает в направлении, совершенно новом для неё: деревня пытается мыслить о государстве в его целом.

Существует мнение, что русский крестьянин как-то особенно глубоко религиозен. Я никогда не чувствовал этого, хотя, кажется, достаточно внимательно наблюдал духовную жизнь народа. Я думаю, что человек безграмотный и не привыкший мыслить не может быть истинным теистом или атеистом и что путь к твёрдой, глубокой вере лежит через пустыню неверия.

Беседуя с верующими крестьянами, приглядываясь к жизни различных сект, я видел, прежде всего, органическое, слепое недоверие к поискам мысли, к её работе, наблюдал умонастроение, которое следует назвать скептицизмом невежества.

В стремлении сектантов обособиться, отойти в сторону от государственной церковной организации мною всегда чувствовалось отрицательное отношение не только к обрядам и – всего меньше – к догматам, а вообще к строю государственной и городской жизни.

В этом отрицании я не могу уловить какой-либо оригинальной идеи, признаков творческой мысли, искания новых путей духа. Это просто пассивное и бесплодное отрицание явлений и событий, связей и значений которых мысль, развитая слабо, не может понять.

Мне кажется, что революция вполне определённо доказала ошибочность убеждения в глубокой религиозности крестьянства в России. Я не считаю значительными факты устройства в сельских церквях театров и клубов, хотя это делалось – иногда – не потому, что не было помещения, более удобного для театра, а – с явной целью продемонстрировать свободомыслие. Наблюдалось и более грубое кощунственное отношение ко храму, – его можно объяснить враждой к «попам», желанием оскорбить священника, а порою дерзким и наивным любопытством юности: что со мною будет, если я оскорблю вот это, всеми чтимое?

Несравненно значительнее такие факты: разрушение глубоко чтимых народом монастырей – древней Киево-Печерской лавры и сыгравшего огромную историческую и религиозную роль Троице-Сергиевского монастыря – не вызвало в крестьянстве ни протестов, ни волнения, – чего уверенно ждали некоторые политики. Как будто эти центры религиозной жизни вдруг утратили свою магическую силу, привлекавшую верующих со всех концов обширной русской земли.

А ведь сотни тысяч пудов хлеба, спрятанного от голодной Москвы и Петербурга, деревня защищала с оружием в руках, не щадя своей жизни.

Когда провинциальные Советы вскрывали «нетленные», высоко чтимые народом мощи, – народ отнёсся и к этим актам совершенно равнодушно, с молчаливым, тупым любопытством. Вскрытие мощей производилось крайне бестактно и часто в очень грубых формах – с активным участием инородцев, иноверцев, с грубым издевательством над чувствами верующих в святость и чудотворную силу мощей. Но – и это не возбудило протестов со стороны людей, которые ещё вчера преклонялись перед гробницами «чудотворцев».

Я опросил не один десяток очевидцев и участников разоблачения церковного обмана: что чувствовали они, когда перед глазами вместо нетленного и благоухающего тела являлась грубо сделанная кукла или открывались полуистлевшие кости? Одни говорили, что совершилось чудо: святые тела, зная о поругании, затеянном неверами, покинули гробницы свои и скрылись. Другие утверждали, что обман был устроен монахами лишь тогда, когда им стало известно о намерении властей уничтожить мощи: «Они вынули настоящие нетленные мощи и заменили их чучелами».

Так говорят почти одни только представители старой, безграмотной деревни. Более молодые и грамотные крестьяне признают, конечно, что обман был, и говорят:

– Это хорошо сделано, – одним обманом меньше.

Но затем у них являются такие мысли, – я воспроизвожу их буквально, как они записаны мною.

– Теперь, когда монастырские фокусы открыты, – докторов надо пощупать и разных учёных – их дела открыть народу.

Нужно было долго убеждать моего собеседника, чтобы он объяснил смысл своих слов. Несколькими смущаясь, он сказал:

– Конечно, вы не верите в это... А говорят, что теперь можно отравить ветер ядом и – конец всему живущему, и человеку, и скоту. Теперь – все озлобились, жалости ни в ком нет...

Другой крестьянин, член уездного совета, называющий себя коммунистом, ещё более углубил эту тревожную мысль.

– Нам никаких чудес не надо. Мы желаем жить при ясном свете, без опасений, без страха. А чудес затеяно – много. Решили провести электрический свет по деревням, говорят: пожаров меньше будет. Это – хорошо, дай Бог! Только как бы ошибок не делали, поверните какой-нибудь винтик не в ту сторону и – вся деревня вспыхнула огнём. Видите, чего опасно? К этому скажу: городской народ – хитёр, а деревня дура, обмануть её легко. А тут – затеяно большое дело. Солдаты сказывали, что на войне и электрическим светом целые полки убивали.

Я постарался рассеять страх Калибана – и услышал от него разумные слова:

– Один всё знает, а другой – ничего; в этом и начало всякого горя. Как я могу врать, ежели ничего не знаю?

Жалобы деревни на свою темноту раздаются всё чаще, звучат всё более тревожно. Сибиряк, энергичный парень, организатор партизанского отряда в тылу Колчака, угрюмо говорит:

– Не готов наш народ для событий. Штатается туда и сюда, слеп разумом. Разбили мы отряд колчаковцев, три пулемёта отняли, пушечку, обозишко небольшой, людей перебили с полсотни у них, сами потеряли семьдесят одного, сидим, отдыхаем, вдруг ребята мои спрашивают меня: а что, не у Колчака ли правда-то? Не против ли себя идём? Да и сам я иной день как баран живу – ничего не понимаю. Распря везде!

Мне доктор один в Томске – хороший человек – говорил про вас, что вы ещё с девятьсот пятого года японцам служите за большие деньги. А один пленный, колчаковский солдат из матросов, раненый, доказывал нам, что Ленин немцам на руку играет. Документы у него были, и доказано в них, что имел Ленин переписку о деньгах с немецкими генералами. Я велел солдата расстрелять, чтобы он народ не смущал, – а всё-таки долго на душе неспокойно было. Ничего толком не знаешь – кому верить? Все против всех. И себе верить боязно.

Немало бесед вёл я с крестьянами на разные темы и, в общем, они вызвали у меня тяжёлое впечатление: люди много видят, но – до отчаяния мало понимают. В частности, беседы о мощах показали мне, что вскрытый обман церкви усилил подозрительное и недоверчивое отношение деревни к городу. Не к духовенству, не к власти, а именно к городу как сложной организации хитрых людей, которые живут трудом и хлебом деревни, делают множество бесполезных крестьянину вещей, всячески стремятся обмануть его и ловко обманывают.

Работая в комиссии по ликвидации безграмотности, я беседовал однажды с группой подгородних петербургских крестьян на тему об успехах науки и техники.

– Так, – сказал один слушатель, бородастый красавец, – по воздуху галками научились летать, под водой щуками плаваем, а на земле жить не умеем. Сначала-то на земле надо бы твёрдо устроиться, а на воздух – после. И денег бы не тратить на эти забавки!

Другой сердито добавил:

– Пользы нам от фокусов этих нет, а расход большой и людьми, и деньгами. Мне подковы надо, топор, у меня гвоздей нет, а вы тут на улицах памятники ставите – баловство это!

– Ребятишек одеть не во что, а у вас везде флаги болтаются...

И в заключение, после длительной, жестокой критики городских «забавок», бородастый мужик сказал, вздыхая:

– Если бы революцию мы сами делали, – давно бы на земле тихо стало и порядок был бы...

Иногда отношение к горожанам выражается в такой простой, но радикальной форме:

– Срезать надо с земли всех образованных, тогда нам, дуракам, легко жить будет, а то – замаяли вы нас!

В 1919 году милейший деревенский житель спокойно разул, раздел и вообще обобрал горожанина, выманивая у него на хлеб и картофель всё, что нужно и не нужно деревне.

Не хочется говорить о грубо насмешливом, мстительном издевательстве, которым деревня встречала голодных людей города.

Всегда выигрывая на обмане, крестьяне – в большинстве – старались и умели придать обману унижительный характер милостыни, которую они нехотя дают барину, «прожившемуся на революции». Замечено было, что к рабочему относились не то чтобы человечнее, но осторожнее. Вероятно, осторожность эта объясняется анекдотическим советом одного крестьянина другому:

– Ты с ним осторожнее, он, говорят, где-то Совдеп держал.

Интеллигент почти неизбежно подвергался моральному истязанию. Например: установив после долгого спора точные условия обмена, мужик или баба равнодушно говорили человеку, у которого дома дети в цинге:

– Нет, иди с Богом. Раздумали мы, не дадим картофеля...

Когда человек говорил, что слишком долго приходится ждать, он получал в ответ злопаятные слова:

– Мы, бывало, ваших милостей ещё больше ждали.

Да, чем другим, а великодушием русский крестьянин не отличается. Про него можно ска-

зять, что он не злопамятен: он не помнит зла, творимого им самим, да, кстати, не помнит и добра, содеянного в его пользу другим.

Один инженер, возмущённый отношением крестьян к группе городских жителей, которые приплелись в деревню под осенним дождём и долго не могли найти места, где бы обсушиться и отдохнуть, – инженер, работавший в этой деревне на торфу, сказал крестьянам речь о заслугах интеллигенции в истории политического освобождения народа. Он получил из уст русоволосого, голубоглазого славянина сухой ответ:

– Читали мы, что действительно ваши довольно пострадали за политику, только ведь это вами же и писано. И вы по своей воле на революцию шли, а не по найму от нас, – значит, мы за горе ваше не отвечаем – за всё Бог с вами рассчитается...

Я не привёл бы этих слов, если бы не считал их типичными – в различных сочетаниях я лично слышал их десятки раз.

Но необходимо отметить, что унижение хитроумного горожанина перед деревней имело для неё очень серьёзное и поучительное значение: деревня хорошо поняла зависимость города от неё, до этого момента она чувствовала только свою зависимость от города.

В России – небывалый, ужасающий голод, он убивает десятки тысяч людей, убьёт миллионы. Эта драма возбуждает сострадание даже у людей, относящихся враждебно к России, стране, где, по словам одной американки, «всегда холера или революция».

Как относится к этой драме русский, сравнительно пока ещё сытый, крестьянин?

– «Не плачут в Рязани о Псковском неурожая», – отвечает он на этот вопрос старинной пословицей.

– «Люди мрут – нам дороги трут», – сказал мне старик новгородец, а его сын, красавец, курсант военной школы, развил мысль отца так:

– Несчастье – большое, и народу вымрет – много. Но – кто вымрет? Слабые, трёпанные жизнью; тем, кто жив останется, в пять раз легче будет.

Вот голос подлинного русского крестьянина, которому принадлежит будущее. Человек этого типа рассуждает спокойно и весьма цинично, он чувствует свою силу, своё значение.

– С мужиком – не совладаешь, – говорит он. – Мужик теперь понял: в чьей руке хлеб, в той и власть, и сила.

Это говорит крестьянин, который встретил политику национализации сокращением посевов как раз настолько, чтобы оставить городское население без хлеба и не дать власти ни зерна на вывоз за границу.

– Мужик как лес: его и жгут, и рубят, а он самосевом растёт да растёт, – говорил мне

крестьянин, приехавший в сентябре из Воронежа в Москву за книгами по вопросам сельского хозяйства. – У нас не заметно, чтоб война убавила народу. А теперь вот, говорят, миллионы вымрут, – конечно, заметно станет. Ты считай хоть по две десятины на покойника – сколько освободится земли? То-то. Тогда мы такую работу покажем – весь свет ахнет. Мужик работать умеет, только дай ему – на чём. Он забастовок не устраивает, – этого земля не позволяет ему!

В общем, сытое и полусытое крестьянство относится к трагедии голода спокойно, как издревле привыкло относиться к стихийным бедствиям. А в будущее крестьянин смотрит всё более уверенно, и в тоне, которым он начинает говорить, чувствуется человек, сознающий себя единственным и действительным хозяином русской земли.

Очень любопытную систему областного хозяйства развивал передо мной один рязанец:

– Нам, друг, больших фабрик не надо, от них только бунты и всякий разврат. Мы бы так устроились: сукновальню человек на сто рабочих, кожевню – тоже небольшую, и так все бы маленькие фабрики, да подальше одна от другой, чтобы рабочие-то не скоплялись в одном месте, и так бы, потихоньку, всю губернию обстроить небольшими заводиками, а другая губерния – тоже так. У каждой – всё своё, никто ни в чём не нуждается. И рабочему сытно жить, и всем – спокойно. Рабочий – он жадный, ему всё подай, что он видит, а мужик – малым доволен...

– Многие ли думают так? – спросил я.
– Думают некоторые, кто поумнее.
– Рабочих-то не любите?
– Зачем? Я только говорю, что беспокойный это народ, когда в большом скоплении он. Разбивать их надо на малые артели, там сотня, тут сотня...

А отношение крестьян к коммунистам – выражено, по моему мнению, всего искреннее и точнее в совете, данном односельчанинами моему знакомому крестьянину, талантливому поэту:

– Ты, Иван, смотри, в коммуны не поступай, а то мы у тебя и отца, и брата зарежем, да – кроме того – и соседей обоих тоже.

– Соседей-то за что?
– Дух ваш искоренять надо.

Какие же выводы делаю я?

Прежде всего: не следует принимать ненависть к подлости и глупости за недостаток дружеского внимания к человеку, хотя подлость и глупость не существуют вне человека. Я очертил – так, как я её понимаю, – среду, в которой разыгралась и разыгрывается трагедия русской революции. Это – среда полудикаких людей.

Жестокость форм революции я объясняю исключительно жестокостью русского народа.

Когда в «зверствах» обвиняют вождей революции – группу наиболее активной интеллигенции, – я рассматриваю эти обвинения как ложь и клевету, неизбежные в борьбе политических партий, или – у людей честных – как добросовестное заблуждение.

Напомню, что всегда и всюду особенно злые, бесстыдные формы принимает ложь обиженных и побеждённых. Из этого отнюдь не следует, что я считаю священной и неоспоримой правду победителей.

Нет, я просто хочу сказать то, что хорошо знаю и что – в мягкой форме – можно выразить словами печальной, но истинной правды: какими бы идеями ни руководились люди, – в своей практической деятельности они всё ещё остаются зверями. И часто – бешеными, причём иногда бешенство объяснимо страхом.

Обвинения в эгоистическом своекорыстии, честолюбии и бесчестности я считаю вообще не применимыми ни к одной из групп русской интеллигенции – неосновательность этих обвинений прекрасно знают все те, кто ими оперирует.

Не отрицаю, что политики наиболее грешные люди из всех окаянных грешников земли, но это потому, что характер деятельности неуклонно обязывает их руководствоваться иезуитским принципом «цель оправдывает средство».

Но люди искренно любящие и фанатики идеи нередко сознательно искажают душу свою ради блага других. Это особенно приложимо к большинству русской активной интеллигенции – она всегда подчиняла вопрос качества жизни интересам и потребностям количества первобытных людей.

Тех, кто взял на себя каторжную, геркулесову работу очистки авгиевых конюшен русской жизни, я не могу считать «мучителями народа», – с моей точки зрения, они – скорее жертвы.

Я говорю это, исходя из крепко сложившегося убеждения, что вся русская интеллигенция, мужественно пытавшаяся поднять на ноги тяжёлый русский народ, лениво, нерадиво и бесталанно лежавший на своей земле, – вся интеллигенция является жертвой истории прозябания народа, который ухитрился жить изумительно нищенски на земле, сказочно богатой.

Русский крестьянин, здравый смысл которого ныне пробуждён революцией, мог бы сказать о своей интеллигенции: глупа, как солнце, работает так же бескорыстно.

Он, конечно, не скажет этого, ибо ему ещё не ясно решающее значение интеллектуального труда.

Почти весь запас интеллектуальной энергии, накопленной Россией в XIX веке, израсходован революцией, растворился в крестьянской мас-

се. Интеллигент, производитель духовного хлеба, рабочий, творец механизма городской культуры, постепенно и с быстротой, всё возрастающей, поглощается крестьянством, и оно жадно впитывает всё полезное ему, что создано за эти четыре года бешеной работы.

Теперь можно с уверенностью сказать, что ценою гибели интеллигенции и рабочего класса русское крестьянство ожило.

Да, это стоило мужику дорого, и он ещё не всё заплатил, трагедия не кончена.

Но революция, совершённая ничтожной – количественно – группой интеллигенции, во главе нескольких тысяч воспитанных ею рабочих, эта революция стальным плугом взбороздила всю массу народа так глубоко, что крестьянство уже едва ли может возвратиться к старым, в прах и навсегда разбитым формам жизни; как евреи, выведенные Моисеем из рабства Египетского, вымрут полудикие, глупые, тяжёлые люди русских сёл и деревень – все те почти страшные люди, о которых говорилось выше, и их заменит новое племя – грамотных, разумных, бодрых людей.

На мой взгляд, это будет не очень «милый и симпатичный русский народ», но это будет – наконец – деловой народ, недоверчивый и равнодушный ко всему, что не имеет прямого отношения к его потребностям.

Он не скоро задумается над теорией Эйнштейна и научится понимать значение Шекспира или Леонардо да Винчи, но, вероятно, он даст денег на опыты Штейнаха и, несомненно, очень скоро усвоит значение электрификации, ценность учёного агронома, полезность трактора, необходимость иметь в каждом селе хорошего доктора и пользу шоссе.

У него разовьётся хорошая историческая память и, памятуя своё недавнее мучительное прошлое, он – на первой поре строительства новой жизни – станет относиться довольно недоверчиво, если не прямо враждебно, к интеллигенту и рабочему, возбудителям различных беспорядков и мятежей.

И город, неугасимый костёр требовательной, всё исследующей мысли, источник раздражающих, не всегда понятных явлений и событий, не скоро заслужит справедливую оценку со стороны этого человека, не скоро будет понят им как мастерская, где непрерывно вырабатываются новые идеи, машины, вещи, назначение которых – облегчить и украсить жизнь народа.

Вот схема моих впечатлений и мыслей о русском народе.

<http://rulife.ru/mode/article/68>

Текст статьи печатается полностью по изданию: Максим Горький. О русском крестьянстве. Издательство И. П. Ладыжникова. Берлин, 1922.

История России в рассказах для детей

Глава V

Св. Владимир

После крещения Владимир стал совсем иным человеком, только и помышлял о Боге, о добрых делах, о спасении души. Прежде всего хотел окрестить русских, а чтобы их не смущали идолы, велел Перуна и других бросить в воду или сжечь. Перуна бросили в Днепр и были приставлены люди с шестами отталкивать, если он подплывёт к берегу. Народ сперва плакал, боялся, что боги рассердятся и сделают какой-нибудь вред; потом, однако, видя, что нет ничего худого, успокоился. Архиереи и священники, которые приехали с Владимиром из Греции, стали ходить по городу и учить народ. Хотя они были греки, однако учили народ по-славянски. Вот как это случилось.

Далеко к западу от русских жило славянское же племя моравы. Князь их в то время, как Рюрик сел княжить в Новгороде, просил греческого императора прислать в моравскую землю проповедников, которые бы там проповедовали слово Божие на славянском языке. А в то время было двое благочестивых братьев славянского рода: Кирилл и Мефодий. Они постриглись в монахи, после были оба архиереями, составили

славянскую азбуку и перевели на славянский язык Библию, то есть священные книги христианской веры. Оба они были святые. Вот их-то перевод и пригодился греческим архиереям и священникам, которые пришли в Русскую землю с Владимиром. Это только в славянских землях и было, что народ мог и службу Божию слышать, и священные книги читать на своём языке. А во всех землях, где народ крещён проповедниками от папы, служили и читали Евангелие и другие книги на латинском языке, которого народ не понимал.

Сперва архиереи и священники ходили по Киеву и крестили народ. Желающих было много, но были и такие, что не решались креститься. Чтобы прекратить это, великий князь послал оповестить по всему Киеву, чтобы завтра все некрещёные шли к реке, а кто не пойдёт, будет противником князю. Киевляне и стали говорить: «Если бы новая вера не была хороша, князь и бояре не приняли бы её», и пошли все на другой день к Днепру. Владимир вышел туда же с архиереями и священниками. Народу было великое множество: кто вошёл в воду по шею, кто по грудь, младенцы были на руках, дети подле берега; те киевляне, которые уже были крещены, стали теперь крестными отцами, а священники на берегу читали молитвы. Так и крестились киевляне. И была великая радость. Okрепло Русское государство. Теснее соединились все крещёные племена. Греки научили русских многому полезному. И вообще русские стали лучше. И до крещения много было в них доброго, да много и худого. Например, вражда между родами за чьё-нибудь убийство; она не прекращалась, когда и князей позвали, потому что и у варягов она была в обычае. И сами князья мстили, и Владимир за Олега, и Ольга за Игоря. А как приняли веру Христову, то и увидели, какое тяжёлое дело убить человека. Сам Господь милосердный так печётся о людях, что без воли Его и волос на их голове не погибнет, как же сметь поднять руку на человека? Владимир так убоился этого, что перестал даже казнить и преступников. Но когда преступления сделались от этого чаще, архиереи растолковали ему, что казнь преступников не убийство, не запрещённое дело, что, напротив, государь должен их судить и наказывать по-прежнему. Узнал также Владимир слова Бо-

жи: «...блаженны милостивые – они будут помилованы; продайте имения ваши и дайте нищим; кто даёт нищим, даёт взаём Богу», и стал он раздавать щедрое подаяние. Всякий мог приходиться на княжеский двор, брать деньги, питьё и пищу. Да ещё мало того, Владимир сказал: «Дряхлые и совсем больные прийти на двор ко мне не могут», и посылал по всем концам города телеги с хлебом, мясом, рыбой, овощами, мёдом в кадках и квасом. Всё это раздавали больным и дряхлым нищим, которые не могли ходить. За свою веру и добрые дела благоверный князь Владимир признан православною церковью святым и равноапостольным. Чтобы научить народ вере Христовой и всему хорошему, великий князь завёл школы в Киеве и других городах, велел у лучших людей отбирать детей и отдавать туда учиться. И вот как иногда люди не понимают добра, которое им делают: матери плакали, когда у них детей для учёнья брали. У славян христианская вера ещё и потому была принята скорее против иных народов, что у всех этих народов до христианства были особые люди, которые только и делали, что служили идолам и приносили им жертвы. Их называли жрецами. Всё, что идолам приносили, доставалось им: так для них и выгоднее было, чтобы оставалось идолопоклонство. Но у славян, к счастью, жрецов не было; зато у них были колдуны. Особенно много таких колдунов было у финнов. Колдуны-то и шли против веры Христовой, конечно, тоже потому, что для них язычество было выгоднее. Язычники верили, что колдунов боги любят и открывают им будущее и другие скрытые дела и вещи. Ну а христианин знает, что колдун либо противник Богу, либо чаще всего простой обманщик, так и не поверит никакому колдовству. Вот поэтому колдуны и старались, чтобы вера Христова не распространялась. Один из них в Новгороде так намутил, что когда там Добрыня свергнул Перуна, то новгородцы возмутились. Однако Добрыня их усмирил.

Народ очень любил Владимира и прозвал его Красным Солнышком; это прозвание и осталось за ним навсегда. При нём Русское государство стало могуче и грозно. Пока Святослав воевал в разных землях, а дети его ссорились, разные племена отделились бы от Руси, но Владимир их покорил. Он много своими победами набрал сокровищ, но не жалел их: строил церкви Божии, награждал народ и дружину, каждый большой праздник задавал им пиры. Однажды дружинники стали говорить: «Житьё наше горькое, кормит нас князь с деревянных ложек, а не с серебряных!». Владимир услышал, велел вылить серебряные ложки и сказал: «Серебром и золотом дружину не добуду, а с дружиной добуду серебра и золота». Народу же ещё и то

было любо, что князь всегда с ним и готов его защищать. Святослав для своей удали совсем покинул Русскую землю, за то и не любили его, а Владимир всегда был готов оборонять свой народ. И немало ему было хлопот в этом. Много тогда водилось на Руси разбойников в лесах; к ним ещё пристали язычники, которые не захотели креститься. Но Владимир ловил и казнил разбойников. В Муроме победил их тамошний уроженец Илья Муромец, о котором в сказках много для красного словца прибавлено.

А всего больше было хлопот князю Владимиру с печенегами. Чтобы сдерживать их набеги, он построил на границе степи, где они жили, города и поселил там самых храбрых людей. Но печенеги всё-таки нападали. В летописи вот как говорится об одном из набегов. Владимир вышел против них с войском, а печенежский князь и говорит ему: «Пусть наш воин с твоим поборется: твой победит – не будем воевать три года, а наш победит – три года быть войне». Владимир согласился: стал вызывать бойца, но долго никто не выходил, так что князь стал тужить. Вот приходит к нему старик: «Князь! У меня пять сыновей; четверо здесь, а пятый дома – его никто не одолеет. Раз я его журил, а он кожу мял, стало ему досадно, он и разорвал её». Владимир послал за этим молодцем. Захотели испытать его силу, рассердили быка и пустили мимо него, а молодец схватил его рукой за бок и вырвал кожу с мясом. Вот и вышел он против печенега. Печенег увидел его и засмеялся, потому что был больше трёх аршинов ростом, а русский силач роста среднего. Схватились они; русский сдвинул печенега в руках и ударил о землю, так что и дух вон. Печенеги побежали, а русские стали рубить их. Владимир обрадовался и построил на этом месте город Переяславль, потому что русский перенял там славу печенега.

Другой рассказ ещё больше похож на сказку. Недалеко от Киева был город Белгород. Владимир его построил и очень любил, так что селили туда народ из иных городов. Однажды печенеги осадили этот город со всех сторон, так что нельзя было доставлять туда ничего съестного, и приходилось белгородцам либо сдаться, либо умереть с голоду. Они собрали вече, то есть сходку, вроде того, как прежде старшины славянские сходились. Только уж теперь на вече были не одни старшины, а все ратные люди. И положили они сдаться печенегам. Но одного старика на вече не было. Как услышал он, что хотят сдаться, то и сказал: «Погодите три дня и сделайте, что я велю». Они послушались. Он велел выкопать два колодца, на верх каждого вставить кадку, в одну налить кисельного раствора, а в другую медовой сыты. Послы печенежские пришли, а белгородцы им говорят: «Вы хотите нас сморить голодом, а у нас пища

из земли идёт; не верите, так сами посмотрите». Потом достали из кадок растворы киселя и сыты, сварили кисель, поели сами и печенегов угостили, да ещё дали им, чтобы они и старшин своих попотчевали. Печенегии поверили, что в городе есть съестное, и отошли от Белгорода.

В последние годы жизни Владимира печенегии не нападали на Русскую землю. Только в эти годы пришлось ему вытерпеть большое горе от сыновей. Он дал им города: Ярославу – Новгород, Изяславу – Полоцк, Борису – Ростов, Глебу – Муром, Святославу – древлянскую землю, Всеволоду – Владимир, Святополку – город Туров, а Мстиславу – Тмутаракань (так называется остров между двумя рукавами реки Кубани, из которых один впадает в Азовское море, а другой в Чёрное). Святополк женился на дочери польского короля Болеслава. Болеслав был очень храбрый человек, но только для своих выгод ничего не жалел. Чтобы одному владеть Польшей, он двух своих братьев выгнал оттуда, а двоим родственникам выколол

глаза. Болеслав подучил Святополка отделиться от Владимира. Великий князь узнал об этом и посадил его в тюрьму, но после простил. А тут и другой сын Владимира тоже замыслил недоброе дело. Новгородский князь должен был присылать по две тысячи гривен в Киев великокняжеской дружине, и вдруг перестал. Владимир разгневался, велел поправить дороги и делать мосты к Новгороду, чтобы наказать непокорного сына, но занемог и умер. Бояре хотели было скрыть его смерть: им хотелось, чтобы великим князем был Борис, а его тогда не было в Киеве; они ночью выломали пол в сенях княжеского дома, завернули тело усопшего князя в ковёр, спустили вниз по верёвкам и отвезли в церковь Божией Матери. Но вскоре в городе все узнали об этом, бросились в церковь, стали рыдать и плакать. Владимир стал княжить один в 980 году, принял христианскую веру в 988, а скончался 27 лет спустя после этого.

Продолжение следует.

Памятные события

И. Кучменко

Передать всё богатство нашего наследия новым поколениям – значит обеспечить продолжение традиций в будущих веках

Славится земля русская талантами, различными народными традициями и богатой культурой, в которой особое место занимает самобытная культура казачества. В наши дни возрождается огромный интерес к этому огромному пласту уникальной субкультуры, её наследию, и свидетельством этому может служить замечательный межрегиональный фестиваль казачьей культуры, организуемый и проводимый Московским Казачьим Округом МСОО «Все великое Войско Донское» в дни празднования одного из главных для казачьего рода праздников – Покрова Пресвятой Богородицы. В фестивале приняли участие казаки посольской станицы Амурского казачьего войска в Московском регионе.

Если в предыдущие годы данный масштабный культурно-творческий форум проводился на месте дислокации штаба МКО в Раменском, то на этот раз, с учётом того, что 2016 год был объявлен Годом российского кино, местом его проведения стал микрорайон городского округа Домодедово – посёлок Белые Столбы, в котором располагается включённый в Государственный свод особо ценных объектов культурного наследия народов Российской Федерации Государственный фонд кинофильмов Российской Федерации.

Другим фактом, повлиявшим на выбор «столицы» проведения фестиваля, стало, вероятно, то обстоятельство, что директором Дома куль-

туры в Белых Столбах является замечательный человек – добрый друг и наставник в песенном творчестве казаков МКО, заслуженный артист России, потомственный кубанский казак, казачий полковник Юрий Борисович Шишкин.

Как я мог понять, основными целями уже шестого по счёту фестиваля, посвящённого главному событию года – 75-летию Победы советского народа в битве под Москвой во время Великой Отечественной войны с немецко-фашистскими захватчиками и 120-летию со дня рождения прославленного маршала Победы Георгия Константиновича Жукова, стали: возрождение и сохранение лучших образцов духовной и традиционной казачьей

культуры, патриотическое воспитание подрастающего поколения, укрепление межрегиональных связей.

Учитывая положительный опыт предыдущих фестивалей, отбор участников песенной конкурсной программы проходил заочно: каждый желающий направлял свою заявку в адрес оргкомитета с приложенным к ней видеороликом. В номинациях «Поэзия» и «Проза» заявки от самобытных авторов подавались в виде законченных произведений. Необходимо отметить, что казачество по сей день является хранителем высоких нравственных и духовных ценностей, пронеся через века в современность трепетное отношение к Святой Руси – Матушке Земле, что и отразилось в программе мероприятия. «Казачье народное творчество – мудрость, накопленная веками, – напомнил в беседе с участниками и гостями фестиваля радушный хозяин Ю. Б. Шишкин. – Со всей ответственностью могу сказать, что специалисты отзываются о казачьем фольклоре не иначе, как о богатейшем кладезе для творчества, источнике высочайшего вдохновения. В нём вся жизнь народа, его боли и радости, думы о будущем».

Хроника VI Межрегионального фестиваля казачьей культуры получила весьма динамичной и наполненной яркими событиями. Перед началом официальной церемонии открытия мероприятия каждый желающий, посетив экспозицию выставленных в фойе Дома культуры фотографий, имел возможность познакомиться с деятельностью Московского Казачьего Округа и приобрести казачьи сувениры и изделия народных промыслов.

«Нам незачем искать, создавать или заимствовать какую-то эфемерную идеологию, – подчеркнул в своём приветственном слове на открытии фестиваля председатель оргкомитета атаман МКО, генерал-лейтенант Юрий Иванович Рыжов. – Мы – наследники богатейшего культурного пласта в мировой истории. Возможно, многие знают, что в эпоху воинствующей бездуховности в России, при «расказачивании Дона», при истреблении всего его духовного наследия был уничтожен полный свод народных казачьих песен – «Песни казачьего календаря»... Но казачья песня не только осталась жить, но обогащалась новыми песнями, которые являлись связующей нитью, объединяющей Вселенское казачье братство; она предстала перед изумлёнными слушателями всего мира во всём своём великолепии.

Мы владеем величайшими дарами наших предков и земли-матушки. Поэтому наш святой долг – сохранить эту бесценную вековую народную мудрость и традиции, передать их

нашим детям и внукам. Убеждён, что на этой благодатной культурной почве и впредь будут расти и множиться традиции дружбы, уважения и взаимовыручки казачества».

Мне показалось, что членам жюри и зрителям было крайне трудно выделить, какое из направлений фестиваля привлекло их больше всего. Все они, как грани единого бриллианта, сверкавшие своим чудным светом доброты и истории казачества, дополняли один другого. Как-то по-особому звучали слова самобытных поэтов-казаков и авторов прозы, раскрывающих образы отважных предков. А язык! Он – особенный, каждое слово – суть мироздания.

Но, главным, наверное, была песня... Такая, про которую говорят, «чтобы душа развернулась и сразу свернулась», такая, чтобы её немедленно хотелось запеть вместе, чтобы неслась она над головами, над лесом, над рекой и степью в самое небо. Казак без песен – что виноградная лоза без винограда.

Особенные они, песни казаков! Вольные, как птицы, широкие, как бескрайние российские просторы, исполненные любви к Родине! В них военная удаль, особое чувство собственного достоинства и страстность характера. Из поколения в поколение передаются они, прославляя народных героев, борцов за свободу. Казаки испокон веков славились своим зычным, удалым пением.

В Подмосковье, как известно, нет степи, но зато есть казаки и казачки, молодые и пожилые, яркие, дружные и талантливые. А значит, и степь вам будет, и небо. Потому что как запоют, так всё сразу и появится. Ведь так петь, как казаки, мало кто умеет! Их музыка пахнет ветром, скошенной травой и солнцем. Она умеет проникать в душу и оставаться в сердце навсегда. Каждая песня льётся тёплым дождём и пробирается сквозь потаённые уголки души человеческой. Она звенит, плачет, веселит, манит за собой и улетает на свободу, чтобы жить.

Ведущие вечера – Надежда Васильевна Рыжова и полковник МКО, атаман станицы Нарская Владимир Александрович Камкин представляли коллективы и отдельных солистов – их нескончаемая вереница напоминала многоцветную реку. Зрители бурными аплодисментами приветствовали воистину народных артистов.

Атмосфера в зале была необыкновенной! Здесь можно было увидеть и услышать то, что в народе называют «душой нараспашку»: потрясающая публика, удивительная искренность артистов, энергетика действия более трёх часов не отпускали зрителя ни на минуту.

На одном дыхании слушал зал эти неповторимые русские, народные и авторские каза-

чьи песни. Если не подпеть, то хотя бы узнать значительную часть исполненных песен могли даже те, кто далёк от казачьей культуры. Если аплодисменты, то на вытянутых руках. Если овации, то крики «Любо!» вместо привычного «Браво!». Если выражение особого знака признательности, то подъём с места и поклон. Если петь, то от сердца – о воле, о чести, о ратных делах. Если горевать, то взаправду – о потерях, о неразделённой любви, о бедах.

Казалось, что сегодня песня не будет конца!.. Нет сомнений, что все выступавшие получили добрые эмоции от радушного приёма казаками МКО и пожелают порадовать всех нас своим творчеством и в следующем году. Не менее богатым является литературное наследие российского казачества, которое постоянно пополняется новыми рассказами и стихами.

Поэтому и столь обширным был список лауреатов и призёров фестиваля. Среди них детский ансамбль «Казачий курень» и представитель Ступинского хуторского казачьего общества ансамбль казачьей песни «Алатырь» (руководитель Светлана Веренич). Лауреатом фестиваля в номинации «проза» стал автор этих строк.

«Наша страна богата талантами, имеет богатейшие народные культурные традиции, – отметил подаривший по завершении конкурсной программы всем участникам и гостям фестиваля свой творческий подарок в виде песен Ю. Б. Шишкин. – Казачья песня, да и вообще казачество как культурный феномен, не имеет больше аналогов нигде в мире. Поэтому нам грех забывать о наследии предков, и наше молодое поколение должно всё это знать, помнить, ценить и любить. Только тогда мы станем по-настоящему великим народом!»

«Присутствуя на таких мероприятиях, – поделился со мной своими впечатлениями родовой донской казак, житель г. Ступино Юрий Владимирович Новичков, – проникаешься уверенностью, что нынешнее подрастающее поколение не уронит чести казачьей и будет так же крепко любить и свято беречь свою Родину, как его славные предки.

Передать всё богатство нашего наследия новым поколениям – значит обеспечить продолжение традиций в будущих веках. И дай Бог, чтобы и впредь сиял истинный казачий девиз: «Мы были! Мы есть! Мы будем!».

Прошедший фестиваль в очередной раз позволил всем приобщиться к российской казачьей народной культуре, основанной на вековой славной истории, мудрости и высокой духовности. Он в очередной раз прекрасно доказал, что не оскудела наша Россия казачьими талантами, что есть настоящие, а не «ряженые» хранители многовековых казачьих традиций. Все участники показали талант, самобытность, традиции, задор и удаль казачьего народа. Уверен, что тот, кто побывал в тот день в Белых Столбах, сохранит в своём сердце атмосферу праздника. Тем более, что многие зрители по окончании концерта говорили: «Эти песни и стихи всегда хочется слушать. Замечательные, они для души, для сердца». Любо! – казачьему фестивалю. Любо! – атаману Ю. И. Рыжову и директору Дома культуры в Белых Столбах Ю. Б. Шишкину.

*Снова песня казачья здесь льётся,
Даже цокот мы слышим копыт,
Значит, слава былая вернётся,
Род казацкий не будет забыт.*

КАЗАКИ ЗА КАМНЕМ

Историко-информационный краеведческий журнал
Издание группы казаков Урала, Зауралья, Западной и Восточной Сибири
и Дальнего Востока

Все электронные версии журнала «Казачи за Камнем», книга В. Крюкова «Горький сахар» и книга А. Толкачёва «Пасынки Родины» выставлены на сайте единственного в России Музея НКВД.
Адрес Музея: г. Томск, Мемориальный Музей «Следственная тюрьма НКВД»: nkvd.tomsk.ru

Как найти наши издания на сайте.

Наберите электронный адрес Музея, найдите рубрику «Архив», затем «Библиотека музея», «Историко-художественные произведения», после чего нажмите на первую букву фамилии автора или названия журнала.

Электронный адрес редакции: KazzaK1949@mail.ru

Почтовый адрес: г. Томск-634 063, а/я 1980

«Проект журнала «Казачи за Камнем» нуждается в стабильном финансировании, поэтому просим всех казаков, заинтересованных в продолжении нашей работы, оказать посильную материальную поддержку, отправив деньги на карту Сбербанка № 4276 6405 9884 4092

*Точка зрения авторов статей, опубликованных в журнале,
может не совпадать с мнением редакции.*

Редакция знакомится с письмами читателей, не вступая в переписку.

С шестого номера журнал выходит только в электронном варианте.

